

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1915.

№ 14.

ЮЛЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО:

- Устройство и Управленіе Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности. (Продолж.). Проф.-прот. Т. И. Бутковича . . . . . 161—187
- Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ созвѣніи. (Продолж.). Проф.-прот. Н. Стеллецкаго . . . . . 188—203
- Что такое искусство? М. С. Процака . . . . . 204—236
- Смыслъ жизни въ творчествѣ А. Н. Чехова. И. Гладкаго. . . . . 237—250
- Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси. (Продолж.). Н. М. Гальковского . . . . . 251—266

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отъ Канцелярїи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Архипастыри, посѣтившіе Харьковъ и Харьковскую епархію въ текущемъ 1915 году.—Архипастырское благословеніе.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Купянскаго Духовнаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ теченій. (Окончаніе). Свщ. М. Смуцкаго.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія (Стр. 267—320).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1915.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ П. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ Н. Д. Сытина; въ Петроградѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полный комплектъ изданій за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. **Цѣна за 8 книгъ 8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

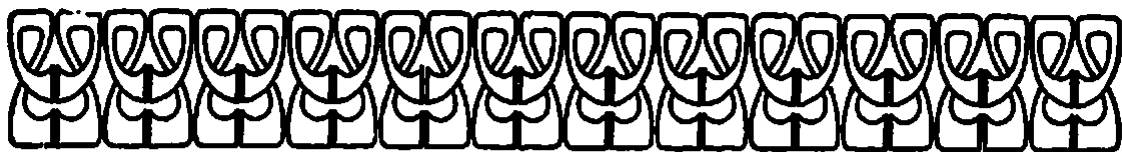
Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Іюля 1915 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Өолимпъ.

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности.

(Продолженіе *).

Почетныя права канониковъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) почти во всѣхъ государствахъ законодательствами и правительствами каноникамъ точно указано ихъ ранговое положеніе въ обществѣ въ смыслѣ уравниенія ихъ съ государственными должностными лицами; такъ, на примѣръ, въ Баденѣ капитулярный деканъ имѣетъ рангъ третьяго класса наравнѣ съ правительственными директорами, а всѣ каноники—рангъ пятаго класса наравнѣ съ правительственными совѣтниками; въ Вюртембергѣ одинъ изъ канониковъ, по избранію, состоитъ депутатомъ ландтага, деканъ занимаетъ четвертую ранговую степень, а всѣ каноники—шестую; въ Баваріи пропстъ и деканъ имѣютъ рангъ послѣ правительственныхъ директоровъ, а всѣ каноники—послѣ правительственныхъ совѣтниковъ и т. д.; 2) соотвѣтственно своему ранговому положенію капитуляры, по закону, пользуются почетною титулятурою; 3) между собою они занимаютъ ранговое преимущество по тѣмъ опредѣленнымъ мѣстамъ, которыя имъ отведены въ хорѣ церкви: священническія, діаконскія, субдіаконскія и т. д., при чемъ доктора богословія имѣютъ преимущество предъ докторами каноническаго права и всѣхъ свѣтскихъ наукъ, а пенитенціарій (духовникъ), какъ докторъ богословія или каноническаго права, имѣющій не менѣе 40 лѣтъ отъ роду, занимаетъ мѣсто послѣ декана и выше всѣхъ канониковъ; 4) каноники имѣютъ преимущественное право быть напекскими делегатами;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13 за 1915 г.

б) отличіемъ канониковъ служить ихъ особое одѣяніе и такъ называемый капитульный крестъ; впрочемъ, это одѣяніе каноники носятъ не всегда, а только въ торжественныхъ случаяхъ. *Обязанности канониковъ*: 1) безотлучно находиться въ катедральномъ городѣ; по постановленію Тридентскаго собора, каноникъ можетъ отлучиться изъ мѣста своего жительства только на три мѣсяца въ годъ (вакаціи): при болѣе продолжительномъ отсутствіи въ первый разъ онъ теряетъ половину своего годового дохода, во второй—весь доходъ, а въ третій—совсѣмъ можетъ быть (!) лишенъ своего бенефиціума; 2) каноники поседмично должны участвовать во всѣхъ церковныхъ богослуженіяхъ: замѣнять каноника, по его просьбѣ, можетъ только посторонній клерикъ, но никакъ не каноникъ; 3) конвентныя мессы, которыя служатся за благодѣтелей капитула, обязаны посѣщать всѣ каноники, на чьей бы седмицѣ онѣ ни приходились; наконецъ, 4) каноники обязаны участвовать въ служеніи епископа и сопровождать его, по его требованію, изъ его дворца въ катедральный соборъ и обратно.

в) *Права капитула*. Въ прежнее время полномочія капитула были чрезвычайно обширны во все то время, пока бывала вакантною епископская кафедра: тогда капитулу принадлежала вся епископская юрисдикція по управленію діецеозомъ. И капитулы очень часто злоупотребляли своими полномочіями. Такъ какъ право избранія епископовъ принадлежало имъ, за исключеніемъ тѣхъ странъ, гдѣ его захватили себѣ свѣтскіе властители, то капитулы, желая попользоваться епископскою юрисдикціею, по цѣлымъ десятилѣтіямъ оставляли свои діецезы безъ епископовъ. На это обратилъ вниманіе Тридентскій соборъ и, чтобы на будущее время прекратить подобныя злоупотребленія, опредѣлялъ: 1) чтобы на 8-й день послѣ смерти епископа, или вообще послѣ ухода его съ кафедры, капитулъ избиралъ отъ себя особаго вицарія, которому, и была бы поручена вся епископская юрисдикція по управленію епархіею и 2) чтобы кандидатъ во епископа былъ избираемъ обязательно въ трехмѣсячный срокъ; въ случаѣ неисполненія того или другаго требованія, права капитула переходятъ къ областному архіепископу, а въ случаѣ смерти послѣдняго или архіепископской вакансіи—къ архіепископскому капи-

тулу и т. д. Такъ какъ со смертію епископа оканчиваются всѣ полномочія и епископскаго генераль-викарія, то капитулъ можетъ избрать его викаріемъ и отъ себя, но имѣеть право остановиться своимъ выборомъ и на совершенно новомъ лицѣ. Избранный капитуломъ викарій является правителемъ болѣе свободнымъ, чѣмъ даже епископскій генераль-викарій, ибо онъ, за исключеніемъ папы, совершенно ни отъ кого независимъ: избравшій его капитулъ уже не можетъ лишить его разъ данныхъ полномочій, не можетъ даже оказывать на него давленія, въ противномъ случаѣ онъ, въ своемъ наличномъ составѣ, подлежитъ очень тяжелому наказанію. Капитулярный викарій, какъ и епархіальные епископы, отвѣтственъ только предъ папою за свое управленіе епархіею, а предъ имѣющимъ прибыть на кафедру епископомъ въ томъ случаѣ, если бы допустилъ произойти ущербъ принадлежащимъ кафедрѣ недвижимымъ имуществамъ чрезъ обращеніе ихъ въ свою пользу. Капитулярный викарій во время своего управленія епархіею не можетъ совершать лишь тѣхъ священнодѣйствій, которыя принадлежатъ къ спеціально епископскимъ, да долженъ воздерживаться отъ раздаванія „отпусковъ“ (индульгенцій). За свои труды капитулярный викарій получаетъ такое же жалованье, какое полагается епископскому генеральному викарію, равно какъ и такіе же доходы. При наличности епархіальнаго епископа, капитулъ, какъ его постоянный совѣтъ или сенатъ, обязанъ, по его требованію, въ затруднительныхъ случаяхъ, высказывать ему свое мнѣніе, въ особенности при замѣщеніи церковныхъ должностей и смѣщеніи должностныхъ лицъ, при концессіяхъ, конфирмаціяхъ и изданіи общепархіальныхъ статутовъ и распоряженій, при дѣлахъ, касающихся самого капитула, при наложеніи цензуръ (исправительныхъ наказаній), при назначеніи содержанія епархіальнымъ богословамъ, при опредѣленіи магистровъ для обученія клериковъ, при выборѣ клериковъ для высшихъ посвященій, при утвержденіи синодальныхъ и просинодальныхъ судей, при организаціи торжественныхъ процессій и крестныхъ ходовъ. Иногда епископъ, согласно постановленію Тридентскаго собора, можетъ совѣтоваться не со всѣмъ капитуломъ, а лишь съ нѣсколькими членами его. Такъ, напр., лишь съ двумя капитулярами онъ совѣтуется

по поводу объявленія „отпусковъ“, о преобразованіи благотворительныхъ заведеній, не оправдывающихъ своего назначенія, объ организаціи въ катедральномъ соборѣ хоровой службы, при составленіи инструкцій для епархіальныхъ семинарій, при присѣвъ въ семинарію учениковъ, при выборѣ для семинаріи духовника, учителей, книгъ, при наказаніи или исключеніи плохихъ учениковъ, при визитаціи семинаріи и т. п. При обсужденіи размѣра семинаристическаго (взноса отъ церквей и духовенства на семинарію) и установленіи семинарской администраціи, епископъ устраиваетъ даже особое совѣщаніе изъ двухъ капитуляровъ—одного по собственному назначенію, другого—по избранію капитула, и двухъ приходскихъ священниковъ, изъ которыхъ также одинъ назначается самимъ епископомъ, другой избирается городскимъ духовенствомъ. Съ капитуломъ епископъ совѣтуется также при рѣшеніи вопроса объ отчужденіи церковныхъ имуществъ, при заключеніи обязательствъ для какой либо церкви, при измѣненіи, закрытіи или сокращеніи церковныхъ должностей, при учрежденіи и возстановленіи каноникатствъ, при пожалованіи бенефицій, которыя епископъ раздаетъ совмѣстно съ капитуломъ, при приглашеніи епископскаго коадьютора и т. п. Случаи эти могутъ быть и умножены и сокращены, такъ какъ совершенно отъ епископа зависитъ, просить ли ему совѣта у капитула или нѣтъ: совѣты капитула для него не обязательны ¹⁾. Капитулы имѣютъ свою печать.

Интересно слѣдующее разсужденіе выдающагося римско-католическаго канониста Вальтера ²⁾: „Освобожденію епископской кафедры смертію епископа совершенно соотвѣтствуетъ освобожденіе ея чрезъ переводъ, отозваніе и смѣщеніе его. Поэтому когда епископъ уведенъ въ плѣнъ язычниками или схизматиками, и стало невозможнымъ письменное сношеніе между нимъ и діоцезомъ, то, по аналогіи, по крайней мѣрѣ, временно, впредь до рѣшенія папы, капитулъ вступаетъ въ управленіе епархіею и долженъ избрать викарія. Иное дѣло, когда епископъ изгнывается изъ епархіи собственнымъ правительствомъ страны. Ибо въ виду того, что само правительство имѣетъ живой интересъ въ

¹⁾ У Зильбернагла стр. 299.

²⁾ § 143, стр. 381—382.

возстановленіи нормальнаго состоянія, капитулу и папѣ всегда можетъ представиться случай—просьбами и представленіями возбудить вопросъ о поступленіи съ епископомъ по каноническимъ правиламъ или обт его возстановленіи. Такое состояніе, съ точки зрѣнія церковнаго права, можетъ быть признаваемо только временнымъ и, вѣроятно, скоро преходящимъ, во время котораго управлять долженъ викарій, а капитулъ долженъ доносить папѣ о положеніи дѣла. Наконецъ, если епископъ будетъ даже отрѣшенъ или отлученъ, то хотя одновременно при этомъ и прекращается власть его генераль-викарія, однако союзъ съ діоцезомъ чрезъ это еще не разрушается(?!), а потому юрисдикція не переходитъ къ капитулу, и папа долженъ принять чрезвычайныя мѣры“. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія католической каноники, римско-католическая духовная коллегія могла считать себя правою въ своемъ столкновеніи съ русскимъ правительствомъ по поводу высылки изъ Россіи виленскаго римско-католическаго епископа Красинскаго въ іюнѣ 1863 года...

По католической каноникѣ, капитулъ въ дѣлахъ епархіальнаго управленія имѣетъ только совѣщательное значеніе, при чемъ совѣты его для епископа ничуть не обязательны. Но въ дѣйствительности не всегда это бываетъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, капитулы могутъ оказаться такою могучею силою, предъ которою совершенно ступаютъ власть и значеніе епископа. Таково свидѣтельство исторіи. Въ трудѣ графа Д. А. Толстого „Римскій католицизмъ въ Россіи“ много указывается фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. Вотъ что тамъ рассказывается, напр., о виленскомъ капитулѣ. „Отношенія епископовъ къ капитулу, не были всегда одинаковы, иногда капитулъ ограничивалъ власть епископа, даже открыто сопротивляясь ему, а иногда только по имени составлялъ совѣтъ епископа, который дѣйствовалъ самоуправно... Члены капитула, т. е. прелаты и каноники хотя и имѣли въ своемъ завѣдываніи отдѣльныя церкви, но по большей части поручали ихъ за незначительную плату простымъ священникамъ (*slegus inferior*), сами же исполняли только легчайшія обязанности, или же вовсе не жили при своихъ приходахъ и даже въ своей епархіи: „мы не остаемся на своемъ мѣстѣ у нашего

озерка“, говорилъ Скарга высшему капитульному духовенству,—„рыбы въ Литвѣ, а рыболовы въ Польшѣ“... При учрежденіи виленской епархіи положено было имѣть при кафедрѣ десять канониковъ и двухъ прелатовъ; впоследствии ввелись новыя капитульныя должности и число членовъ увеличилось до чрезмѣрности. Кромѣ штатныхъ прелатовъ и канониковъ появились такъ называемые титулярныя или почетныя, которые получали доходы съ капитульныхъ имѣній, имѣли мѣста въ капитулѣ и только кое-когда, весьма рѣдко, присутствовали въ капитульныхъ засѣданіяхъ. Такъ какъ великіе князья литовскіе, а впоследствии короли польскіе были коллаторами виленскаго капитула, т. е., отъ нихъ зависѣла раздача званій въ этомъ капитулѣ, то епископы обязаны были принимать въ составъ его всякаго назначеннаго верховною властію. Оттого въ этомъ званіи находимъ мы по большей части людей свѣтскихъ или же клериковъ низшихъ степеней, т. е., не получившихъ священства—разныхъ иностранцевъ: ученыхъ докторовъ медицины, физиковъ, даже алхимиковъ; покровительство и знатность рода служили главнымъ, почти единственнымъ, условіемъ для полученія этихъ духовныхъ почестей. Поэтому не нужно удивляться, встрѣчая юношей, почти дѣтей, въ этомъ званіи. Такъ, изъ виленскихъ епископовъ Бржостовскій и Масальскій пожалованы были канониками, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, Волловичъ и Авраамъ Война—20 лѣтъ, и уже послѣ посвящены были въ священники. Такіе каноники назывались *столовыми*, т. е., вассалами стола епископскаго, обыкновенно не жили въ Вильнѣ, а проводили время или при дворѣ, или въ своихъ имѣніяхъ, или въ другихъ мѣстахъ, по желанію, нисколько не заботились объ исполненіи того правила Тридентскаго собора, которымъ требуется, чтобы „все каноники исполняли божественныя обязанности сами, а не чрезъ подставныхъ лицъ“ (*divina per se, non per substitutos compellantur obire officia*). Для исправленія службъ при кафедрѣ, вмѣсто прелатовъ и канониковъ, находились викаріи (человѣкъ 12); они то и были настоящими и почти единственными работниками и труженниками церковными, получая за то самую умѣренную плату, тогда какъ члены капитула, живя въ праздности, роскоши, часто развратной до очевидности, пользовались огромными доходами отъ ка-

питульныхъ имѣній. И этого имъ было мало. „Всякій изъ нихъ“.—говоритъ ксендзъ Пржіалговскій, „думалъ только о томъ, какъ бы получить побольше бенефицій, должностей и почестей; для положенія и значенія въ обществѣ нужно было имѣть, по крайней мѣрѣ, двѣ или три должности и владѣть нѣсколькими приходами“... Въ отношеніи къ епископу капитулъ составлялъ не сенатъ его, не совѣщательный органъ, каковъ дѣйствительный смыслъ этого учрежденія, но сеймъ и при томъ сеймъ польскій, т. е., самый безолабернѣйшій изъ всѣхъ сеймовъ. „Какъ король безъ сейма, такъ епископъ безъ капитула въ сущности ничего не значитъ“. Уже при второмъ виленскомъ епископѣ Георгіѣ Плихтѣ (1398—1407) капитулъ значительно ограничилъ епископскую власть и заставилъ его присягнуть на своихъ *rusta conventa* ¹⁾. Съ тѣхъ поръ каждый виленскій епископъ, при вступленіи своемъ на кафедру, давалъ въ катедральномъ соборѣ торжественную присягу въ томъ, что будетъ свято содержать привилегіи капитула, т. е., во всемъ соглашаться съ волей прелатовъ и канониковъ. Епископъ Александръ Сацѣга попробовалъ было исполнить этотъ обрядъ частнымъ образомъ въ сакристіи, но капитулъ ему этого не позволилъ... Начало противодѣйствій капитула епископамъ находимъ во время епископства Іоанна (1519—1537). На епископа Протасевича капитулъ аппелируетъ примасу—архіепископу гяѣзенскому и копію съ своей аппеляціи прибываетъ къ дверямъ костельнымъ; въ 1629 году капитулъ сопротивлялся епископу Волловичу въ учрежденіи должности канцлера, тогда какъ и фундушъ на эту должность былъ пожертвованъ, потому что канцлеръ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ документы капитульные и будучи одолженъ своимъ мѣстомъ епископу, могъ передавать епископу, что дѣлается въ засѣданіяхъ, и, по волѣ его направлять дѣла; „этотъ канцлеръ“, объяснялъ капитулъ, „подлежалъ бы, по мысли епископа, двумъ властямъ—епископской и капитульной и потому не былъ бы въ состояніи исполнять предписаній ни той, ни другой, по словамъ евангелиста Луки: „*deficit enim ambobus qui vult servire duobus*“. Нужно замѣтить, поясняетъ графъ, что при вступленіи въ капитулъ каждый членъ его

¹⁾ Договорные конвенты.

давалъ клятву, что никому не будетъ рассказывать, что происходитъ въ капитульныхъ засѣданіяхъ, въ томъ числѣ и епископу; разъ одинъ каноникъ пересказалъ епископу Бѣлзору (1661—1667) о бывшихъ въ капитулѣ разсужденіяхъ, испросивши предварительно разрѣшеніе у епископа отъ такой присяги. Тогда капитулъ прибавилъ къ присягѣ клятву, что члены его ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ домогаться ни у епископа, ни у папы освобожденія себя отъ сохраненія секрета капитульныхъ совѣщаній. Еще въ 1633 году состоялось также капитульное постановленіе: буде кто изъ членовъ капитула осмѣлится по своимъ частнымъ винамъ, въ ущербъ капитулу, искать суда у епископа и будетъ въ томъ уличенъ, того подвергнуть неминуемо настрожайшему наказанію“... Георгій Тышкевичъ, получивъ катедру, подѣвжалъ къ Вильнѣ и на дорогѣ былъ встрѣченъ послами отъ капитула, которые привезли ему форму присяги; епископъ этотъ, человѣкъ характера твердаго, удивился предложенію ограничить его духовную власть, не принялъ этой присяги, а самъ написалъ форму, подписалъ, запечаталъ и отдалъ посланнымъ, сказавъ, что онъ выполнить такую, а не какую иную присягу, Кажется, память этого энергичнаго епископа мало чтилась капитулами: цѣлый вѣкъ тѣло его лежало въ склепѣ лютеранской кирки въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ умеръ, да и потомъ не позволили похоронить его въ катедральномъ виленскомъ соборѣ... Но никогда въ виленской епархіи раздоры капитула съ епископомъ не были такъ сильны и продолжительны, какъ при епископѣ Пацѣ (1672—1684); почти все время управленія его епархіею прошло въ этихъ несогласіяхъ... Началомъ непріятностей былъ денежный расчетъ; по существовавшимъ обыкновеніямъ, послѣ смерти епископа, до вступленія на катедру новаго, епископскія имѣнія разбирали члены капитула и пользовались доходами съ нихъ. Такъ было и при Пацѣ, который былъ только клерикомъ, когда его назначили епископомъ, онъ отправился въ Римъ для посвященія въ священство и, въ предложеніи двухъ лѣтъ, не вступая въ управленіе епархіею, не пользовался епископскими имѣніями, Между тѣмъ потребовался съ нихъ оборъ въ казну по случаю турецкой войны, и капитулъ не хотѣлъ внести его, епископъ же, весьма естественно, отъ того отказался.

Это обстоятельство на первых же порах поставило епископа въ дурныя отношенія къ прелатамъ и каноникамъ: капитулъ взвелъ на него разныя обвиненія къ нунцію, къ примасу и къ королю, и требовалъ отъ нунція, чтобы Пацъ лишенъ былъ духовной власти и епископской катедры, и къ самому епископу прислалъ дерзкій отзывъ... Прочитавши, Пацъ, въ присутствіи многихъ духовныхъ, разорвалъ его и бросилъ на землю, сказавъ, что прелаты—бунтовщики, и представившаго ему этотъ отзывъ члена капитула велѣлъ посадить на псарный дворъ, самъ же отправился въ Варшаву съ жалобою къ королю. Посредничество короля Яна III не привело къ миру; капитулъ отправилъ двухъ уполномоченныхъ въ Римъ вести процессъ съ Пацемъ; между тѣмъ епископъ, сдѣлавъ уступки, почти было примирился съ капитуломъ. Въ это время прѣзжаетъ въ Вильно двоюродный братъ его, жмудскій епископъ, Казимиръ Пацъ, искавшій для себя виленской катедры, и разстраиваетъ все дѣло... Послѣ этого виленскій епископъ отправляется самъ въ Римъ, находитъ тамъ уполномоченныхъ капитула, старается сойтись съ ними; но напрасно; даетъ балы кардиналамъ, сыплетъ деньгами въ разныхъ канцеляріяхъ, но—ничего не удалось. Въ это время жмудскій епископъ самовольно перѣхалъ въ дворецъ виленскаго епископа. Возвращается изъ Рима Пацъ,—капитулъ не встрѣчаетъ его, какъ слѣдовало встрѣтить епископа, постановляетъ, чтобы не подходить къ нему подъ благословеніе, бунтуетъ епископскихъ крестьянъ,—и снова начинаются взаимныя оскорбленія, жалобы къ нунцію, къ королю и папѣ. Пацъ продолжалъ управлять епархіею, но былъ посвященъ только въ 1682 г. за два года до смерти: тогда помирился съ капитуломъ,—время охладило вражду... При епископѣ Зенковичѣ (1730—1761) произошла весьма неприличная ссора капитула съ епископомъ изъ-за назначенія въ должность архидіакона и за фундушное имѣніе, этой должности приписанное: дошло дѣло даже до битвы между двумя духовными, изъ коихъ одинъ опредѣленъ былъ въ архидіаконы епископомъ, а другой избранъ въ то же время и въ то же званіе капитуломъ. Король рѣшилъ въ пользу епископа; Римъ оправдалъ капитулъ; споры продолжались восемь лѣтъ, и также лишь продолжительность времени ихъ прекратила: какъ и въ дѣ-

лѣ Паца, ни одна сторона не была признана виновной,—обѣ оказались правыми, но только потому что виленскому капитулу принадлежало весьма значительно населенное имѣніе; а епископъ владѣлъ почти одной третью города Вильны“...

Графъ Д. А. Толстой, на основаніи документовъ, представилъ намъ мрачную картину отношенія виленскаго капитула къ цѣлому ряду епископовъ. Но виленская епархія не была „прискорбнымъ исключеніемъ“. То, что происходило въ Вильнѣ, было зауряднымъ явленіемъ во всемъ католическомъ мірѣ. Если же мы и не знаемъ обо всемъ гнетѣ, какой испытывали епископы отъ своихъ капитуловъ, то это вовсе не значитъ того, что этого гнета гдѣ либо не было, а это значитъ только то, что епископы были вынуждены терпѣливо переносить его. А въ такомъ положеніи епископы были именно тамъ, гдѣ право избранія епископовъ принадлежало капитуламъ. Еще предъ избраніемъ капитулы брали съ своихъ будущихъ епископовъ все то, что имъ было нужно. Капитуламъ, какъ мы видѣли, объявилъ борьбу Тридентскій соборъ, отнявъ у нихъ почти всѣ ихъ прежнія права и привилегіи. Но графъ Толстой показалъ намъ, что и предъ Тридентскимъ соборомъ преклонились не всѣ капитулы. Только въ XIX вѣкѣ римско-католическимъ епископамъ удалось освободить себя отъ тяжелаго гнета капитуловъ, когда, не уничтожая капитуловъ, они парализовали ихъ вліяніе введеніемъ въ систему епархіальнаго управленія новаго коллегіальнаго органа—*ординариата* или *консистерій* (оффиціалатовъ).

г) *Капитулы въ Россіи*. Русскій законодатель, въ полномъ согласіи съ римско-католическою каноникою, признаетъ катедральный капитулъ первымъ органомъ, при содѣйствіи котораго епархіальный епископъ управляетъ духовными дѣлами въ своей епархіи, и онъ опредѣляетъ его такимъ образомъ: „Катедральный капитулъ составляетъ, согласно съ каноническими уставами римской церкви, Совѣтъ епархіальнаго начальника, вспомоществуетъ ему въ дѣлахъ и совершаетъ вмѣстѣ съ нимъ торжественное богослуженіе“. Поэтому онъ требуетъ, чтобы такой капитулъ (*capitulum*), состоящій изъ опредѣленнаго числа прелатовъ или первенствующихъ членовъ (*Dignitates*), канониковъ (*Cononici*) и викарныхъ священниковъ или mansionarіевъ (*Mansionarii vel*

Венеціагії) былъ при каждой катедральной церкви. Относительно Варшавской архіепископіи въ русскихъ законахъ (Св. зак. т. XI, ч. I. ст. 135) сказано точнѣе, а именно,—что въ каждой епархіи состоитъ по одному епархіальному капитулу, въ штатѣ котораго полагается: 1) восемь лицъ, получающихъ штатное содержаніе, изъ коихъ четыре прелата и четыре дѣйствительныхъ каноника, и 2) четыре почетныхъ каноника, не получающихъ штатнаго содержанія. Кромѣ того, коллегіатскіе капитулы—Ловичскій, Пультускій, Замостьевскій, Калишскій и Опатовскій состоятъ каждый изъ трехъ почетныхъ прелатовъ и четырехъ почетныхъ канониковъ, а такъ какъ эти капитулы не несутъ никакихъ опредѣленныхъ по управленію епархіи обязанностей, то и членамъ ихъ не полагается штатнаго содержанія. Въ составъ епархіальнаго капитула входятъ всѣ катедральные прелаты и каноники; а потому на эти должности должны быть опредѣляемы лишь такія духовныя лица, которыя обучались въ римско-католической духовной академіи и получили дипломы на духовныя ученые степени; они утверждаются въ званіяхъ прелатовъ и канониковъ какъ дѣйствительныхъ, такъ и почетныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, къ которому епархіальные начальники входятъ съ соотвѣтственными по сему предмету представленіями. При этомъ никто не можетъ быть возведенъ въ званіе прелата или каноника, дѣйствительнаго или почетнаго, иначе, какъ съ поступленіемъ на открывшуюся въ капитулѣ вакансію. Кромѣ своихъ обычныхъ занятій, каждый катедральный капитулъ избираетъ въ своей епархіи изъ прелатовъ или канониковъ на три года засѣдателей римско-католической духовной коллегіи, при чемъ наблюдаетъ, чтобы въ должности засѣдателей были избираемы такія лица, которыя съ познаніемъ каноническихъ правилъ соединяли бы совершенное знаніе русскаго и польскаго языковъ и государственныхъ узаконеній. Наконецъ, въ случаѣ смерти епархіальнаго начальника или сложенія имъ своего сана, если нѣтъ епископа—коадьютора съ правомъ преемствія ему, мѣстный капитулъ, на основаніи каноническихъ правилъ, въ опредѣленный ими срокъ, избираетъ викарія для управленія вакантною епархіею, впродъ до назначенія преемника скончавшемуся или выбывшему иначе начальнику ея (Св. зак. изд. 1896 г., Прод. 1912 г. т.

ХІ ч. I ст. 25, 33, 40, 50, 62, 63, 135—137).—Капитулярный викарій въ своемъ званіи утверждается Верховною Властію (ст. 32).

Въ настоящее время (1914 г.) въ Могилевской епархіи архикатедральный капитулъ состоитъ изъ шести прелатовъ, а именно: 1) препозита, 2) декана, 3) архидіакона, 4) кустоша, 5) кантора и 6) схоластика; и трехъ канониковъ: 1) богослова, 2) пенитенціарія и 3) сеніора; въ Варшавской епархіи „митрополитарный“ капитулъ составляютъ четыре прелата: 1) деканъ, 2) архидіаконъ, 3) схоластикъ и 4) кустошъ и восемь канониковъ,—въ той же епархіи есть еще Ловичскій коллегіатскій капитулъ, состоящій изъ трехъ прелатовъ (1, препозита, 2, декана и 3, архидіакона) и четырехъ канониковъ, при шести катедральныхъ викаріяхъ. Въ Луцко-Житомирской епархіи существуетъ два катедральныхъ капитула—луцкій и житомирскій; каждый состоитъ изъ шести прелатовъ (1, препозита, 2, декана, 3, архидіакона, 4, кустоша, 5, кантора и 6, схоластика) и трехъ канониковъ (1, канціонатора, 2, вице-кустоша и 3, сеніора); при нихъ по два викарія и одинъ вице-деканъ (при житомирскомъ). Въ Сандомірской епархіи два капитула: катедральный и Опатовскій коллегіатскій. Въ первомъ четыре прелата, восемь канониковъ и шесть викаріевъ, во второмъ—три прелата, четыре каноника и два викарія. Въ Августовской епархіи катедральный капитулъ состоитъ изъ четырехъ прелатовъ и шести канониковъ. Въ Тираспольской епархіи въ катедральномъ капитулѣ только два прелата (препозитъ и архидіаконъ) и четыре каноника. Въ Самогитской или Тельшевской епархіи (г. Ковно) катедральный капитулъ состоитъ изъ шести прелатовъ и трехъ канониковъ при шести викаріяхъ. Во Влоцлавской или Куявско-Калишской епархіи—два капитула: катедральный влоцлавскій и коллегіатскій калишскій; въ первомъ четыре прелата и восемь канониковъ при семи викаріяхъ—базиликахъ; во второмъ три прелата и четыре каноника при трехъ викаріяхъ калишской коллегіаты. Кувельскій катедральный капитулъ состоитъ изъ четырехъ прелатовъ (декана, архидіакона, схоластика и кустоша) и восьми канониковъ, при шести викаріяхъ. Въ Плоцкой епархіи—два капитула: Плоцкій катедральный и пушковскій коллегіатскій; въ первомъ четыре прелата, восемь канониковъ и одинъ

прокуроръ, при шести викаріяхъ и директоръ хора, во второмъ—три прелата и четыре каноника, при трехъ викаріяхъ. Въ Люблинской епархіи также два капитула: люблинскій катедральный и коллегіатскій замостьевскій; въ катедральномъ—четыре прелата и семь канониковъ, а во второмъ—три прелата и четыре каноника. Наконецъ, Виленскій капитулъ состоитъ изъ шести прелатовъ, трехъ канониковъ, вице-кустоша, прокурора и секретаря; при немъ три викарія, катедральный исповѣдникъ (пенитенціарій) и магистръ церемоніи.—Годовое жалованье духовенству капитуловъ изъ государственнаго казначейства выдается ежегодно: архикатедральныхъ соборовъ по 4000 рублей, а катедральныхъ—по 2700 рублей; прогоны капитулярамъ выдаются на 4 лошади.

6. Ординаріаты, или консисторіи, или официалаты.

Ординаріатами называются коллегіальные органы епархіального управленія, находящіеся подъ личнымъ предсѣдательствомъ епархіального епископа и вѣдающіе совмѣстно съ нимъ какъ административныя, такъ и судебныя дѣла. Консисторіями называются такіе же коллегіальные органы епархіального управленія, но отъ ординаріатовъ онѣ отличаются тѣмъ, что въ нихъ предсѣдательствуетъ не епископъ, а особый назначаемый имъ официалъ (хотя можетъ предсѣдательствовать въ нихъ и епископъ, если пожелаетъ, а при разбирательствѣ судебныхъ дѣлъ онъ предсѣдательствуетъ очень часто); затѣмъ въ консисторіяхъ ассистенты обыкновенно раздѣляются на два отдѣленія: административное (ординаріатъ) и судебное (судъ). Официалатами называются также коллегіальные, но только административные органы епархіального управленія, находящіеся подъ предсѣдательствомъ официала или епископскаго генералъ-викарія. Эти коллегіи какъ и капитулы, имѣютъ только совѣщательное значеніе и даже тогда, когда въ нихъ предсѣдательствуетъ самъ епископъ, только ему одному принадлежитъ рѣшающій голосъ. Составъ этихъ коллегіальныхъ учрежденій католическою каноникою точно не установленъ и потому не вездѣ одинаковъ: большею частію въ него входятъ 5—6 членовъ, включая и предсѣдателя. Точнѣе сложился составъ судебного отдѣленія. Судебное отдѣленіе составляютъ: судья или *moderator*, которымъ, собственно го-

вора, долженъ быть самъ епископъ, но по его *письменному* полномочию, его могутъ замѣнять и другія пользующіяся его довѣрjemъ лица, какъ, напр., генеральный викарій, оффиціаль, архипресвитеръ или пропстъ, а также и духовные сановники, именующіеся прелатами. Затѣмъ въ составъ суда входятъ два или три члена, нзываемые ассессорами или вице-судьями; въ числѣ ихъ могутъ быть (а по вюртембургскимъ и баварскимъ законамъ, *должны быть*) и міряне. Далѣе,—если судебному разбирательству подлежатъ дѣла *по преступленіямъ*, то необходимо участіе обвинителя или стряпчаго (promotor, syndicus, procurator); если разсматриваются *брачныя дѣла*, то обязательно участвуетъ защитникъ брака (defensor matrimonii). Наконецъ, въ составъ суда необходимо входитъ секретарь или нотарій для веденія протоколовъ и доставленія суду нужныхъ справокъ. Епархіальный судъ есть только низшая или первая судебная инстанція; вторая инстанція—судъ архіепископскій или митрополитскій; третья инстанція—судъ папы. Но, по обстоятельствамъ и условіямъ жизни, папа можетъ второю инстанціею назначить и судъ епископа сосѣдней или ближайшей епархіи, а для судебныхъ рѣшеній въ третьей и высшей инстанціи онъ можетъ имѣть въ архіепископской провинці своего уполномоченнаго въ лицѣ легата, нунція или даже нарочито назначеннаго оффиціала. Какъ производится судъ въ римско-католической церкви, объ этомъ скажемъ въ свое время. Всѣ члены ординаріата, консисторіи и оффиціалата назначаются непосредственно самимъ епископомъ; канцелярскіе чины утверждаются имъ, по представленію секретарей.

7. *Католическія консисторіи въ Россіи.* Русскій законодатель знаетъ только римско-католическія консисторіи (объ ординаріатахъ и оффиціалатахъ въ русскихъ законахъ не упоминается). Римско-католическая духовная консисторія обязательно существуетъ въ каждой римско-католической епархіи въ Россіи. Она состоитъ подъ предсѣдательствомъ оффиціала изъ вице-оффиціала (впрочемъ, только въ епархіяхъ—могилевской и самогитской), визитатора монастырей и штатнаго числа членовъ изъ духовныхъ лицъ; она имѣетъ канцелярію, состоящую изъ секретаря и другихъ гражданскихъ чиновъ. Опредѣленіе и увольненіе членовъ епархіальной консисторіи

зависитъ отъ начальствующаго въ епархіи архіепископа или епископа, съ утвержденія министерства внутреннихъ дѣлъ. Всѣ они назначаются изъ лицъ духовныхъ. Визитаторы монастырей, присутствующіе въ консисторіяхъ сверхъ другихъ членовъ, утверждаются, по избранію и представленію епархіальныхъ начальниковъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Если бы, по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, не было въ консисторіи на лицо трехъ членовъ, то епархіальный начальникъ можетъ приглашать, для временнаго въ ней присутствія, членовъ капитула, доводя о томъ каждый разъ до свѣдѣнія римско-католической духовной коллегіи и министра внутреннихъ дѣлъ. Секретари консисторіи опредѣляются министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ лицъ римско-католическаго исповѣданія. Прочіе чиновники консисторской канцеляріи утверждаются мѣстнымъ епархіальнымъ начальникомъ, по представленію ея секретаря. Всѣ консисторскіе чиновники считаются состоящими на государственной службѣ.

Вѣдѣнію католической консисторіи въ епархіальномъ управленіи подлежатъ слѣдующія административныя и судебныя дѣла: 1) относящіяся къ епархіальному духовенству 1,— дисциплинарныя вообще, но менѣе важныя изъ нихъ, не влекущія за собою отрѣшенія отъ должности или заключенія въ монастырь на болѣе или менѣе продолжительное время, рѣшаются епархіальнымъ начальникомъ безъ предварительнаго мнѣнія консисторіи, развѣ самъ онъ признаетъ нужнымъ передать и эти дѣла, подобно прочимъ, на предварительное разсмотрѣніе консисторіи; 2,—спорныя дѣла между духовными лицами, касающіяся движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ церковныхъ; 3,—дѣла о недействительности монашескихъ обѣтовъ, разсматриваемыя и рѣшаемыя по особымъ правиламъ церковнымъ. Прежде вѣдѣнію консисторіи русской законодатель предоставлялъ жалобы и иски на духовныхъ, вчинаемые какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами, по обидамъ или ущербамъ, или же по неисполненію безспорныхъ обязательствъ, въ томъ случаѣ, когда истецъ, для охраненія своихъ правъ обратится къ духовному, а не къ свѣтскому начальству; но теперь эти дѣла изъ ея вѣдѣнія изъяты. 2) Разсмотрѣнію консисторіи подлежатъ дѣла, относящіяся къ свѣтскимъ лицамъ: брачныя, а также удо-

ствовренія о законности или незаконности брака, акты о крещеніи, смерти и проч. Согласно съ католическою каноникою и русскій законодатель опредѣляетъ, что первую степень суда по дѣламъ брачнымъ и инымъ составляетъ мѣстный епархіальный архіепископъ или епископъ съ своею консисторіею, вторую степень по дѣламъ, рѣшеннымъ въ первой степени епископами, составляетъ архіепископъ, а по тѣмъ дѣламъ, которыя были рѣшены самимъ архіепископомъ съ его консисторіею, какъ въ первой степени,—епископъ одной изъ епархій, ближайшій къ архіепархіи, назначенный предварительно для этого папою. Если рѣшенія двухъ первыхъ инстанцій не согласны между собою, равно какъ и въ случаѣ апелляціи, жалобы или протеста, разсмотрѣніе брачныхъ дѣлъ предоставляется римскому престолу. Изъ первой инстанціи во вторую брачныя дѣла, согласно съ католическою каноникою, и по русскимъ законамъ, переносятся безъ всякой апелляціи,—и если во второй инстанціи послѣдуетъ рѣшеніе, сходное съ рѣшеніемъ первой инстанціи, и обѣ стороны имъ будутъ довольны, дѣло считается окончательно рѣшеннымъ. Въ прежнее время римско-католическимъ консисторіямъ было предоставлено—предъ разсмотрѣніемъ дѣлъ о разлученіи супруговъ постановлять, кто изъ родителей долженъ содержать дѣтей во время производства дѣла, а при постановленіи самаго опредѣленія о разлученіи супруговъ объявлять, кому изъ нихъ подлежитъ воспитывать нѣкоторыхъ изъ всѣхъ прижитыхъ въ бракѣ дѣтей и до какого возраста и кто изъ родителей долженъ нести издержки на содержаніе и воспитаніе дѣтей. Съ 3-го іюня 1902 года эти дѣла изъяты изъ вѣдѣнія консисторій и переданы общему свѣтскому суду (срв. Св. зак. т. X ч. I ст. 131^а—131^б. Зак. гражд. по Прод. 1912 г.). Далѣе 3) разсмотрѣнію консисторіи подлежатъ такъ называемыя смѣшанныя дѣла, т. е., случаи, въ которыхъ слѣдуетъ наложить церковное покаяніе, за какое либо преступленіе или дѣйствіе послѣ рѣшенія дѣла о нихъ въ свѣтскихъ судахъ. Наконецъ, 4) римско-католическая консисторія вѣдаетъ дѣла и по части хозяйственной: сюда относятся: расписья или смѣта суммъ, предназначенныхъ на содержаніе духовенства, проверка расходовъ и отчетовъ по этимъ суммамъ, дѣла о починкѣ или постройкѣ новыхъ церквей, часовенъ

и проч. Кроме того консисторія обязана составлять списки духовнымъ лицамъ и прихожанамъ своей епархіи, разсылать циркуляры и другія публикаціи, которыя не относятся къ административнымъ дѣламъ епархіи. Все указанныя выше дѣла епископомъ рѣшаются послѣ разсмотрѣнія ихъ въ консисторіи, хотя консисторія можетъ высказывать только мнѣнія и ся голосъ, какъ требуетъ того и общая католическая каноника, есть только совѣщательный, и епископъ не обязанъ объявлять основанія своихъ рѣшеній даже и тогда, когда бы мнѣніе его было несогласно съ заключеніемъ консисторіи. Прочія дѣла епархіи, называемыя обыкновенно административными, и дѣла совѣсти (*casus conscientiae, fori interni*), а также и дѣла дисциплинарныя, влекуція за собою лишь легкія исправительныя наказанія, или пастырскія увѣщанія, зависятъ исключительно отъ власти епархіальнаго начальника и рѣшаются по собственному его усмотрѣнію. На рѣшенія епархіальнаго начальника по дисциплинарнымъ дѣламъ, опредѣляющія отрѣшеніе отъ должности и вообще немаловажное взыскаііе, допускаются отзвы въ римско-католическую духовную коллегію, но присужденныя къ такому наказанію въ епархіи не могутъ безъ позволенія начальства отлучаться изъ мѣста своего пребыванія. Что касается вообще дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, кромѣ упомянутыхъ выше, то они епархіальному суду не подлежатъ: ихъ разслѣдованіе и судъ производятся по общимъ правиламъ свѣтскаго суда.

Порядокъ производства, рѣшенія и исполненія дѣлъ въ римско-католическихъ консисторіяхъ, равно какъ отчетность въ дѣлахъ и суммахъ, обязанности и соотвѣтственность служащихъ опредѣляются общими правилами, установленными для гражданской службы, а также и особою инструкціею министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ случаяхъ, представляющихъ значительную важность, какъ, напр., доставленіе, кому слѣдуетъ, такихъ предписаній духовнаго начальства, при которыхъ препровождаются Высочайшіе манифесты или указы, для обнародованія и прочтенія въ церквахъ, также формы возношенія на ектеніяхъ Высочайшей фамиліи, табели и дополненія къ этимъ формамъ, доставленіе производится при посредствѣ полиціи.

Въ дѣйствительности органами епархіальнаго какъ судебнаго, такъ и административнаго управленія дѣлами римско-католическаго исповѣданія въ Россіи въ настоящее время (1914 г.) служатъ: 1) въ *Могилевской епархіи* (въ Петроградѣ): а) могилевская римско-католическая духовная консисторія въ составѣ: оффиціала, вице-оффиціала, трехъ за сѣдателей или консисторскихъ членовъ, визитатора монастырей, *двухъ* защитниковъ брака и секретаря; б) два катедральныхъ пенитенціарія; в) могилевская вторая инстанція духовнаго суда: судья—самъ архіепископъ—митрополитъ, при немъ совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, четырехъ членовъ, канониста и *двухъ* защитниковъ таинства брака; г) вторая инстанція духовнаго суда для могилевской архіепархіи по брачнымъ и другимъ духовнымъ дѣламъ во главѣ съ—„уполномоченнымъ св. апостольскаго престола“. 2) Въ *Варшавской архіепархіи*: а) „митрополитарная“ консисторія въ составѣ оффиціала, трехъ судей—суррогатовъ, ассессора, архитектора, *двухъ* секретарей, архиваріуса, регистратора и *двухъ* протоколистовъ; б) консисторскій судъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ архіепископа, состоящій изъ четырехъ судей, ассессора, дѣлопроизводителя по брачнымъ дѣламъ, нотаріуса суда, защитника таинства брака и прокурора. 3) Въ *Сандомирской епархіи*: а) епархіальная консисторія въ составѣ: предсѣдателя—самого епископа, генеральнаго оффиціала, судьи, визитатора монастырей, ассессора, регенса канцеляріи, секретаря, архиваріуса, протоколиста, курсора и архитектора; б) судъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ самого же епископа, изъ генеральнаго оффиціала, защитника таинства брака и нотаріуса (секретаря), при одиннадцати просинодальныхъ судьяхъ. 4) Въ *августовской или Сейнской епархіи*: а) генеральная консисторія въ составѣ, подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго епископа, изъ генеральнаго оффиціала, визитатора монастырей, судьи—суррогата, ассессора, регенса канцеляріи, нотарія церковнаго суда, секретаря, защитника брака, промотора—фискала и десяти просинодальныхъ судей (четыре прелата и шесть канониковъ). б) Въ *тираспольской епархіи* консисторія состоитъ изъ оффиціала (архіепископа), трехъ ассессоровъ, защитника брака и секретаря. 6) Въ *Житомирской*—тоже,—только съ присоединеніемъ визитатора монастырей. 7) Въ

Самогитской или Тельшевской епархіи: въ составъ консисторіи входятъ: оффиціалъ, вице—оффиціалъ, три засѣдателя, визитаторъ монастырей, защитникъ таинства брака, секретарь, три столоначальника, регистраторъ, архиваріусъ, и семь канцелярскихъ чиновниковъ. 8) *Во Влоцлавской или Куявско-Калишской епархіи*—три консисторіи: одна генеральная и двѣ форальныхъ: а) генеральная консисторія: оффиціалъ, три судьи—суррогаты, ассессоръ, визитаторъ монастырей, регенсъ, секретарь, архиваріусъ и епархіальный архитекторъ; б) епископскій судъ: предсѣдатель—епископъ, четыре засѣдателя, защитникъ таинства брака, нотарій (онъ же и прокуроръ) и тринадцать присяжныхъ повѣренныхъ; в) калишская форальная консисторія: предсѣдатель, судья—суррогатъ, два засѣдателя, нотаріусъ и защитникъ брака; г) петроковская форальная консисторія—съ тѣмъ же составомъ. 9) *Въ Кюлецкой епархіи*: а) генеральная консисторія, подъ предсѣдательствомъ самого епископа состоитъ изъ генеральнаго оффиціала, двухъ ассессоровъ, регенса, двухъ секретарей и курсора, при двухъ просинодальныхъ судьяхъ; б) судъ первой инстанціи по брачнымъ и духовнымъ дѣламъ: предсѣдатель—епископъ, нотаріусъ и защитникъ, при трехъ консульторахъ. 10) *Въ Плоцкой епархіи*: а) генеральная консисторія, подъ предсѣдательствомъ самого епископа, въ составѣ генеральнаго викарія, двухъ судей—суррогатовъ, визитатора монастырей, регенса, секретаря, архиваріуса, епархіальнаго архитектора и курсора; б) епископскій судъ: предсѣдатель—епископъ, члены—генеральный викарій *in foro contentioso*, нотаріусъ, защитникъ брака и шесть адвокатовъ. 11) *Въ Люблинской епархіи*: а) генеральная консисторія: судья—ординарій (т. е. епископъ), и судья—суррогатъ, съ канцеляріею, состоящею изъ регенса, двухъ секретарей и архиваріуса; просинодальные судьи—четыре прелата и семь канониковъ; б) епископскій судъ: судья—ординарій (епископъ), защитникъ брака и нотарій; в) судъ „апостольскаго“ делегата: „апостольскій“ судья—делегатъ, десять ассессоровъ, защитникъ брака и нотарій. Наконецъ 12) *въ Виленской епархіи*: а) духовная консисторія состоитъ: изъ оффиціала, вице-оффиціала, трехъ засѣдателей, визитатора монастырей и секретаря; б) епархіальный судъ: изъ предсѣдателя (самъ епархіальный епископъ), трехъ су-

дей, прокурора, защитника тайнства брака и секретаря суда. На содержаніе всѣхъ двѣнадцати римско-католическихъ консисторій изъ государственнаго казначейства ежегодно выдается 43.344 р. 67 к., а именно: на моголевскую 8.909 р. 21 к., на виленскую 5.263 р. 06 к., на тельшевскую 4.741 р. 42 к., на луцко-житомірскую 3.844 р. 68 к., на тираспольскую 2.486 р. 30 к., на варшавскую 8.100 р., на кѣлецкую, люблинскую, плоцкую, сандомірскую и сейнскую по 1.800 р. Частнѣе,—годовое жалованье въ русскихъ католическихъ консисторіяхъ получаютъ: оффиціалы отъ 200 до 500 р., вице-оффиціалы отъ 225 до 450 р., засѣдатели (3) отъ 450 до 1200 р., секретари отъ 400 до 900 р., столоначальники отъ 360 до 2000 р., архивариусы отъ 130 до 450 р., регистраторы тоже... Прогонъ: оффиціалу—на 6 лошадей, засѣдателямъ—на 4.

8) *Епископская курія или канцелярія.* Въ римско-католической каноникѣ можно встрѣтить ссылки на доказательство того, что при епископѣ должна быть особая канцелярія. По словамъ латинскихъ канонистовъ, у католическихъ епископовъ еще во время Карла Великаго проживали въ домахъ должностныя лица—*chartularii*, *chartarii* или *diplomatarii*, которые занимались веденіемъ епископской переписки, списываніемъ копій съ документовъ о дареніяхъ, купляхъ и договорахъ, составленіемъ или переписываніемъ необходимыхъ епископамъ каноническихъ сборниковъ, папскихъ буллъ, бреве; конституцій и энцикликъ. Въ средніе вѣка, когда еще не существовало ни консисторій, ни ординаріатовъ, ни оффиціалатовъ, епископы заводили у себя правильно организованныя канцеляріи, во главѣ которыхъ стояли *primicerii notariorum*, а позже *pronotarii*. Эти чины епископской канцеляріи въ то же время составляли и епископскую свиту во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ: они сопровождали епископа въ церковь для служенія мессы, шли за нимъ въ торжественныхъ процессіяхъ, окружали его при парадныхъ приемахъ, развѣзжали съ нимъ по діездезу, при визитации церквей и приходоу, и т. п. Въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ католическихъ странахъ это считается личнымъ дѣломъ епископа: денегъ изъ государственныхъ казначействъ не выдается. На практикѣ католическіе епископы *большою частію* пользуются способ-

ными и красиво пишущими клериками, причисляя ихъ къ ближайшимъ церквамъ или монастырямъ на какія либо бенефиціумы, а въ дѣйствительности поручая имъ свои канцелярскія работы и организуя изъ нихъ свою свиту. Только епископы, обладающіе большими средствами, имѣютъ при себѣ особыхъ личныхъ секретарей. Въ Россіи же по закону (Св. зак. изд. 1896 г. т. XI ч. I ст. 26) при архіепископѣ полагается канцелярія, а при епископѣ секретарь съ штатнымъ содержаніемъ, какъ и при православныхъ архіереяхъ. Секретари, состоящіе при римско-католическихъ епископахъ въ Россіи для ихъ оффиціальной и частной переписки, назначаются прямо и непосредственно самими епархіальными начальниками, которые, по своему усмотрѣнію, могутъ избирать ихъ какъ изъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовныхъ лицъ (ibid., ст. 38). У виленскаго епископа есть даже и канцелярія, состоящая изъ секретаря и двухъ его помощниковъ. Епископскіе секретари получаютъ годовое жалованье отъ 180 до 250 р., такое же жалованье получаютъ и состоящіе при нихъ письмоводители.

9) *Провинціальныя деканы и капитулы.* Деканы (отъ латин. decem) въ католической каноникѣ вообще называются начальствующіе священники, благочинные (старшіе надъ десятью). Начальствующіе священники у католиковъ называются также (хотя и рѣже) архипресвитерами. Происхожденіе должности декановъ католическіе канонисты относятъ къ очень древнему времени, почти къ апостольскому вѣку: только въ этомъ случаѣ они отождествляютъ ее съ должностью хорепископовъ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ IX вѣкѣ деканы на западѣ уже существовали, ибо извѣстно, что въ это время епископы подѣлили свои области на округа, которые сначала назывались *христианитетами*. Болѣе заслуженные и уважаемые священники были назначены епископами въ архипресвитеры, и имъ порученъ былъ надзоръ за поведеніемъ духовенства, правильнымъ совершеніемъ богослуженія и исполненіемъ епископскихъ распоряженій. Такъ какъ въ каждомъ округѣ было приблизительно *десять* (decem) церквей или приходовъ, то архипресвитеры стали скоро называться *деканами*. Собственной юрисдикціи деканы никогда не имѣли; но ихъ права всегда были опредѣляемы епископскою инструкціею, а потому они

то расширялись, то сокращались, смотря потому, какія полномочія были даваемы деканамъ епископами. Сначала деканы были только *назначаемы* епископами, но скоро появились и деканы, „прирожденные“ (*desani nati*), получавшіе деканатъ по мѣсту своей службы, такъ какъ многіе деканаты были соединены съ монастырями и приходами въ центральныхъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ. Деканы имѣли обычай каждый мѣсяцъ созывать къ себѣ подчиненное духовенство для обсужденія общихъ дѣлъ округа. Эти собранія назывались календами (*calendae*), потому что они были устраиваемы обыкновенно въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца. Въ XIII вѣкѣ деканы созывали къ себѣ духовенство уже рѣже,—одинъ разъ въ два мѣсяца, а въ XIV вѣкѣ такія собранія и совсѣмъ прекратились: въ округахъ появились „сельскіе капитулы“ по примѣру капитуловъ катедральныхъ и коллегіатскихъ. Членами этихъ капитуловъ были всѣ клерики деканіи, а деканъ капитула былъ и деканомъ округа. Съ этого времени деканы, по капитульнымъ вообще правиламъ, были только *выборные*, но утверждаемые епископомъ. Кромѣ декана въ капитулахъ были избираемы еще *дефиниторы*, которые завѣдывали кассою капитула и въ то же время были помощниками и замѣстителями декановъ. Во многихъ западно-европейскихъ государствахъ, особенно въ Германіи, деканы избираются духовенствомъ и утверждаются епископами не иначе, какъ съ вѣдѣнія или согласія свѣтскихъ правительствъ. Такъ съ одобренія правительства деканы избираются въ Ольденбургѣ и Саксенъ-Веймарѣ; въ Баваріи кандидаты въ деканство предварительно представляются правительству, которое исключаетъ негодныхъ ему лицъ; въ Вюртембергѣ, Гессенѣ и Баденѣ правительства удержали за собою право протеста. Даже распредѣленіе деканскихъ округовъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр., въ Баваріи, верхне-рейнской церковной провинціи, Гесенѣ и Ольденбургѣ) зависитъ отъ согласія свѣтскихъ правительствъ. Зато въ этихъ государствахъ деканы пользуются, и въ некоторыми политическими правами по своей службѣ: такъ, напр., въ Вюртембергѣ старшій изъ декановъ обязательно состоитъ членомъ палаты депутатовъ, а всѣ вообще деканы пользуются рангомъ седьмого класса. Деканомъ не можетъ быть влерицъ, не достигшій еще 25-лѣт-

него возраста. Жалованье свое деканы получают или из кассы капитула (если таковой существует), или от своего округа по раскладкѣ на церкви и причты.

Въ полномъ согласіи съ католическою каноникою, по русскимъ законамъ, для ближайшаго надзора за приходскими церквами и ихъ духовенствомъ приходы каждой епархіи въ Россіи соединяются въ особыя круги, именуемые деканатами. Относительно Варшавской архіепархіи законодатель выражается точнѣе: „для правильнѣйшаго распредѣленія приходовъ между деканами, устанавливается по одному деканату на уѣздѣ. Должности декана присвоенъ добавочный окладъ жалованья“. Вознагражденіе декановъ въ Могилевской архіепархіи русскіе законы опредѣляютъ такъ: „Для покрытія необходимыхъ расходовъ, сопряженныхъ съ обязанностями декановъ, т. е. благочинныхъ, по должности ихъ, епархіальныя начальства отдѣляютъ въ пользу ихъ, сверхъ получаемыхъ ими по другимъ должностямъ окладовъ, по пяти процентовъ съ той суммы, которая отпускается по штатамъ на содержаніе всѣхъ приходскихъ причтовъ ихъ деканатовъ или благочиній“. Въ Могилевской архіепархіи деканы назначаются по усмотрѣнію епархіальнаго начальника, преимущественно изъ лицъ, кончившихъ курсъ наукъ, по крайней мѣрѣ, въ епархіальной семинаріи. Въ Варшавской архіепархіи до 26-го Декабря 1905 года духовныя лица были представляемы на должность декановъ епархіальнымъ начальствомъ и утверждаемы въ этомъ званіи генераль-губернаторомъ. Въ настоящее время назначеніе декановъ производится уже самимъ епархіальнымъ начальствомъ и только для назначенія лицъ, не занимающихъ должностей, предоставляемыхъ съ согласія генераль-губернатора (каковы должности настоятелей, администраторовъ, викаріевъ въ приходахъ, регенсовъ, инспекторовъ и профессоровъ семинарій, и регенсовъ и секретарей римско-католическихъ духовныхъ консисторій), требуется согласіе гражданскихъ властей. Перемѣщеніе и увольненіе декановъ предоставляется епархіальному начальству, которое одновременно со своимъ распоряженіемъ или назначеніемъ декана собственной властью сообщаетъ о томъ подлежащему гражданскому начальству. Служба декановъ не ограничивается опредѣленнымъ срокомъ.

Въ настоящее время (1914) всѣхъ римско-католическихъ деканатовъ въ Россіи 174, а именно въ епархіяхъ: Могилевской—32, Варшавской—14, Виленской—17, Сандомирской—7, Августовской—11, Тираспольской—9, Луцко-Житомирской—17, Самогитской—15, Влоцлавской—13, Кѣлецкой—8, Плоцкой—12 и Люблинской—19. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, кромѣ декановъ, есть еще и вице-деканъ: такъ, напр., въ Кѣлецкой—17 вице-декановъ, въ Плоцкой—14 вице-декановъ. На добавочное содержаніе 84 деканамъ въ епархіяхъ Царства Польскаго (по 150 руб. каждому) ежегодно выдается изъ государственнаго казначейства 12.600 р.

10. *Изъятія и прелатуры (exemptiones et praelaturae).*

Изъятіемъ или экземицею въ католической каноникѣ называется освобожденіе кого-либо или какого-либо учрежденія отъ подчиненія общимъ законамъ или правиламъ, а изъятыми или экзимированными называются такія лица или учрежденія, которымъ принадлежитъ это изъятіе. Папы, поставившіе свою юрисдикцію выше всѣхъ законовъ, правилъ и постановленій, естественно (какъ это бываетъ и вездѣ, гдѣ господствуетъ безконтрольный произволъ), присвоили себѣ право, по своему усмотрѣнію, приостанавливать дѣйствіе общихъ законовъ и подчиненіе общимъ нормамъ. Первое называется правомъ диспенсацій (*jus dispensationis*), второе правомъ изъятія (*jus exemptionis*). Папа разрѣшаетъ то, чего никто разрѣшить не можетъ (брачныя препятствія, препятствія къ посвященію, посты, грѣхи, отлученія), онъ позволяетъ одному то, что всѣмъ другимъ запрещено: это, на языкѣ католической каноникѣ, значитъ, что папа диспенсируетъ или даруетъ диспенсацію. Близко родственно съ правомъ диспенсаціи и право изъятія, когда папа дѣлаетъ изъятіе для кого-либо изъ подчиненія общему порядку. Такъ, напр., монастыри, по каноническимъ правиламъ, должны быть подчинены власти своего епархіальнаго епископа; а папы уже съ XI вѣка объявляли многие монастыри „изъятными“ изъ власти епископа, и подчинили ихъ непосредственно себѣ; епископы должны быть въ подчиненіи архіепископамъ или митрополитамъ, а многие изъ католическихъ епископовъ исключали себя „изъятіемъ“ и были объявлены освобожденными отъ подчиненія архіепископамъ и какъ бы причисленными непосредственно къ архіепископской об-

ласти самага папы. Такое господство папскаго произвола было причиною упадка дисциплины и появленія въ католической церкви многихъ нестроений. На это не могъ не обратить вниманія Тридентскій соборъ ¹⁾. Чтобы положить предѣлъ папскому произволу, онъ постановилъ „изъятія“ церкви снова подчинить епископской визитаціи и епископскому надзору, а тѣ привилегіи и изъятія, которыя соединены съ извѣстными почетными титулами, когда-либо дарованными папскимъ престоломъ, по его опредѣленію, не должны болѣе ни для кого служить предлогомъ къ освобожденію отъ юрисдикціи епископа. Несмотря на это и послѣ Тридентскаго собора папы продолжали то же, что они дѣлали и до собора: и теперь еще есть много епископовъ „изъятыхъ“, т. е., непосредственно подчиненныхъ папѣ и совершенно независимыхъ отъ митрополитовъ; а еще чаще встрѣчаются изъятія отъ епископской юрисдикціи, дарованныя монастырямъ, конгрегациямъ, отдѣльнымъ лицамъ, санамъ (*dignitates*), соборамъ, капитуламъ и даже приходамъ. И теперь еще посвященные папою клерики не подлежатъ вѣдѣнію и суду своего епархіальнаго епископа. Латинскіе канонисты, однако-же, по прежнему оправдываютъ практику Ватикана. Такъ, напр., Вальтеръ говоритъ ²⁾: „Всѣ принадлежащіе къ діоцезу духовныя лица и институты обыкновенно подчинены епископу, какъ своему естественному начальнику. Тѣмъ не менѣе, папами, по особымъ побужденіямъ, могутъ быть дѣлаемы исключенія и допускаемы изъятія изъ этого общаго правила. Такія побужденія бываютъ, когда то или другое учрежденіе нуждается въ высшемъ, превышающемъ мѣстную точку зрѣнія, руководствѣ и надзорѣ, или въ особенномъ ободреніи, или въ извѣстномъ привилегированномъ положеніи“. Конечно, папистамъ и нельзя разсуждать иначе.

Однимъ изъ видовъ „изъятія“ можно считать и прелатуру. Прелатами въ католической каноникѣ въ обширномъ смыслѣ называются всѣ тѣ духовныя лица, которыя снабжены особою юрисдикціею и привилегіями. Въ этомъ смыслѣ прелатами могутъ быть называемы даже папы, кардиналы, архіепископы и т. д. Но, собственно, прелаты—это

¹⁾ Срв. Phikrs, Kirchenrecht, Bd. VII, Abth. 2, стр. 911 и слѣд.

²⁾ § 152, стр. 347.

привилегированные католическіе клерики, имѣющіе только пресвитерское посвященіе. Они раздѣляются на три класса: 1) начальники монашествующихъ орденовъ, непосредственно подчиненные папѣ, начальники различныхъ конгрегацій, преспозиты и деканы кафедральныхъ капитуловъ и т. д. 2) аббаты и настоятели монастырей, которымъ поручено управление не только монастыремъ, но и извѣстною областію, находящеюся въ предѣлахъ извѣстнаго діэцеца, наконецъ, 3) *procurator nullius*—это тѣ, которые управляютъ областію, выдѣленною изъ діэцеца, совершенно ни отъ кого независимо, за исключеніемъ папы, почему такъ же, какъ и епископы, они называются еще ординаріями. Они не имѣютъ права совершать только высшихъ посвященій (рукоположеній въ субдіакона, діакона и пресвитера). При священнослуженіи они надѣваются на себя митру и всѣ другія епископскія облаченія; подобно епископамъ, они имѣютъ право на мѣсто и рѣшающій голосъ во „вселенскихъ соборахъ“, рассматриваютъ брачныя дѣла, одобряютъ духовниковъ, даютъ право проповѣдывать, производятъ судъ надъ клериками своей области, разрѣшаютъ кающихся отъ такихъ грѣховъ, отъ какихъ можетъ разрѣшить только епископъ, устраиваютъ у себя областныя синоды, объявляютъ конкурсъ на вакантныя священническія мѣста, производятъ визитацію церквей своего округа и т. д.

11. *Синоды діэцеца* (епархіальные сѣзды) ¹⁾. Эти синоды лишены всякой законодательной инициативы и имѣютъ только совѣщательное значеніе. Католическіе канонисты приписываютъ имъ весьма древнее происхожденіе, ставя ихъ въ связь съ тѣми собраніями, духовенства, которыя были устраиваемы въ древнія времена каждымъ епископомъ одинъ или два раза въ годъ въ своемъ діэцезѣ, для установленія церковной дисциплины, въ особенности же для ознакомленія съ постановленіями провинціальныхъ (помѣстныхъ) соборовъ и для обсужденія способовъ приведенія ихъ въ исполненіе. Теперь предметомъ обсужденія на епархіальныхъ синодахъ служатъ исключительно мѣстныя нужды (напр. учрежденіе семинарій и средства ихъ содержанія). Они созываются епископомъ или епископскимъ генераломъ—

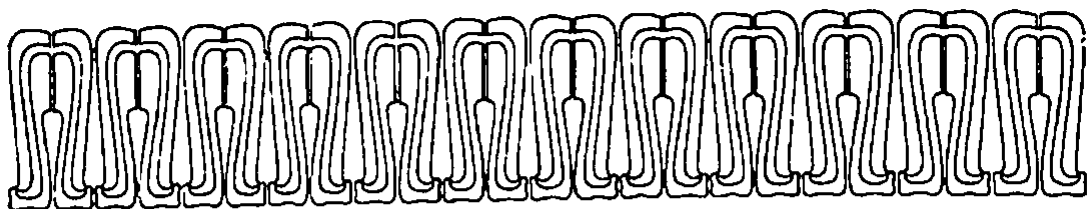
¹⁾ Phillips, Die Diözesansynode, 1849. (2-е изд.)

викариемъ, а когда епископская катедра вакантна,—„апостольскими“ или капитулярными викариями, которые на нихъ и предсѣдательствуютъ. На синодахъ съ рѣшающимъ голосомъ присутствуютъ: катедральные прелаты, каноники, аббаты и всѣ приходскіе священники. Простые бенефициаты и клерики присутствуютъ на синодѣ только тогда, когда предметомъ обсуждения служатъ вопросы общецерковной дисциплины.

Проф.-прот. Т. И. Буткевичъ.

Продолженіе будетъ).

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

Справедливость.

LIV

Понятіе о христіанской справедливости и превосходство ея предъ справедливостію въ до-христіанскомъ мірѣ.—Правдивость.—Ложь по нуждѣ.—Искренность и уваженіе къ ближнему.

Христіанская любовь къ ближнимъ требуетъ, чтобы мы были *справедливы* къ другимъ. Доброе обращеніе наше съ ближними, вытекающее изъ братскаго расположенія къ нимъ, напередъ предполагаетъ признаніе съ нашей стороны *права* ихъ на справедливое къ себѣ отношеніе. „Правдѣ научитесь живущи на земли: всякъ, иже не научится правдѣ на земли..., да не видитъ славы Господни“ (Ис. 26, 9—10; Ср. 1, 16—17; 58, 6; Иерем. 22, 3, 15; Зах. 7, 9—10).

Добродѣтель справедливости состоитъ въ томъ, чтобы мы всѣмъ и каждому отдавали должное, ни въ чемъ не нарушая ихъ правъ¹⁾. Если понимать эту добродѣтель въ самомъ *широкомъ* смыслѣ, то можно къ справедливости свести всѣ добродѣтели. Кто отдаетъ Богу Божье, а ближнимъ и себѣ самому имъ принадлежащее, тотъ выполнилъ всѣ добродѣтели, тотъ, слѣдовательно, святъ и праведенъ. По-

этому, въ свящ. Писаніи справедливость или праведность нерѣдко отождествляется съ святостію. Мы должны служить Богу „въ святости и правдѣ предъ Нимъ, во всѣ дни жизни своей“ (Лук. 1, 75). Старецъ Симеонъ Богопріимецъ прославляется, какъ „мужъ праведный и благочестивый“, т. е. святой (Лук. 2, 25).

Подъ справедливостію же въ болѣе *тѣсномъ* или *собственномъ* смыслѣ разумѣется добродѣтель, которая располагаетъ насъ отдавать всякому другому свое (*sum suique*), или, какъ *Аристотель* ее опредѣляетъ—добродѣтель, благодаря которой всѣ владѣютъ своимъ, т. е. тѣмъ, что они могутъ опредѣленно назвать своимъ, и на что имѣютъ право ¹⁾. Такая справедливость есть необходимое условіе для всякаго человѣческаго общества; безъ нея немыслимы вообще никакія человѣческія общественныя отношенія. Никакимъ образомъ она также не ограничивается гражданскою жизнію людей, хотя, конечно, чисто внѣшняя сфера „положительнаго права“ есть ея главная сфера. Не только въ области гражданскихъ отношеній мы должны свято и ненарушимо почитать права другихъ, но и во всѣхъ остальныхъ, напр., въ области религіозныхъ и моральныхъ отношеній; такъ какъ въ каждой изъ нихъ дѣло сводится къ тому, чтобы дѣлать людямъ то, на что они имѣютъ право, и отдавать то, что имъ принадлежитъ (Рим. 13, 7). Люди взаимно причиняютъ другъ другу массу такихъ несправедливостей, которыя остаются внѣ сферы положительнаго права, и на которыя нельзя жаловаться никакому юридическому суду.

Но въ какихъ бы отношеніяхъ общественной жизни справедливость ни обнаруживалась, всюду она должна одушевляться христіанскою любовью, сообщающею ей достоинство истинной добродѣтели. „Справедливость“,—по словамъ *В. Соловьева*,—„есть жалость, равномѣрно примѣняемая“ ²⁾. Она „есть [родъ любви и имѣетъ по своей природѣ внутреннее сродство съ нею... она есть облаченіе и выраженіе любви“ ³⁾. Христіанинъ долженъ помнить, что на самую любовь нашу ближніе имѣютъ право: „не оста-

¹⁾ См. у *Cathrein'a*, „*Die katholische Weltanschauung*“, s. 390.

²⁾ „Оправданіе Добра“. Спб. 1897 г., стр. 613, 605—606.

³⁾ Проф.-прот. *П. Я. Святловъ*. „Курсъ апологетическаго богословія“, изд. 1, стр. 298.

вайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“,— заповѣдуетъ ап. Павелъ,— „ибо любящій другого исполнилъ законъ“ (Рим. 13, 8). Потому то даже во внѣшней правовой сферѣ абстрактное правило закона должно примѣняться къ конкретнымъ обстоятельствамъ и индивидуальнымъ особенностямъ человѣка, и строгая правда постоянно смягчается снисходительностію, дабы одностороннею привязанностію къ буквѣ закона не сдѣлать вопіющею несправедливости (*summa jus—summa injuria*). Тѣмъ болѣе въ области собственно-нравственныхъ отношеній, при соблюденіи закона справедливости, должны имѣть мѣсто вниманіе къ индивидуальной сторонѣ нашего отношенія къ ближнимъ и снисходительность къ нимъ, которая любовью, „не ищущею своего“ (1 Кор. 13, 5), умѣряетъ самыя строгія требованія справедливости. Въ противоположность примѣненію къ ближнимъ, такъ называемаго, строгого права ап. Павелъ увѣщаетъ: „Не оставайтесь должными никому ничѣмъ кромѣ взаимной любви“ (Рим. 13, 8); ибо „любовь не дѣлаетъ ближнему зла“ (—ст. 10).

Между тѣмъ, въ до-христіанскія времена справедливость обычно представлялась какимъ-то безстрастнымъ и безжалостнымъ закономъ, строго карающимъ проступки людей. Въ нѣкоторыхъ древнихъ религіозно-философскихъ сектахъ такая противоположность между любовью и справедливостію выразилась даже ученіемъ о двухъ богахъ,— богъ зломъ—суровой правды и богъ добромъ—любви. „Жизнь за жизнь“,—вотъ требованіе всякой языческой морали, не исключая и стоической, которая высказала то основное положеніе, что „кто убилъ, тотъ самъ заслуживаетъ того же“¹⁾. Замѣчательно, что даже еврейское нравоученіе, провозгласившее принципъ „око за око, зубъ за зубъ“ (Исх. 21, 24), кажется, не возвысилось надъ этимъ взглядомъ на справедливость. И по нему, слѣдуетъ возвращать на голову виновнаго именно то, что онъ сдѣлалъ другому, но не болѣе²⁾. Это и понятно. Какъ языческая, такъ и еврейская мораль, смотрѣла на проступки людей съ земной точки зрѣнія: на-

¹⁾ Письма Сенеки. Письмо 82. „Вѣра и Разумъ“, 1884 г., т. II, стр. 82.

²⁾ Келль. „Руководство къ библіической археологіи“. Кіевъ, 1874 г., ч. II, стр. 328.

казаніе должно быть совершенно равно преступленію: „око за око“,—механически равномѣрно съ нимъ. Впрочемъ, въ еврейской заповѣди: „око за око“ надобно видѣть не ученіе о мести, а, наоборотъ, ограниченіе закономъ такъ сродной грѣховной природѣ человѣка мстительности. И это вполне понятно. Местъ не довольствуется правомъ правды; она жаждетъ крови и готова наброситься даже на ни въ чемъ неповинныхъ сродниковъ возненавидѣннаго. Въ ограниченіе этой-то „звѣрской склонности поврежденнаго грѣхомъ сердца человѣческаго, закономъ Моисеевымъ и попускалось „за око“ лишь „око“, не болѣе. Воздаяніе равнымъ за равное, практиковавшееся у евреевъ, было выраженіемъ того закона, который Самъ І. Христосъ не упразднилъ, а только дополнилъ. Въ самомъ дѣлѣ, не согласно съ христіанствомъ не требованіе справедливаго наказанія за преступленіе, а наслажденіе чужими страданіями и издѣвательство надъ безцѣнною личностію человѣческою, купленною дорогою цѣною страданій Самого Богочеловѣка, и предназначенною къ вѣчному сонаслѣдію съ Нимъ,—что имѣло мѣсто у древнихъ и практикуется у тѣхъ изъ современныхъ христіанъ, которые живутъ не по завѣтамъ Евангелія. И, если наказаніе свыше мѣры безнравственно и позорно, то и потакательство преступленіямъ почти въ такой же мѣрѣ ненормально и вредно. Оно свидѣтельствуешь въ сущности о равнодушіи къ добру и злу, о дряхлости и слабости духа, неспособнаго возвышаться до христіанскаго идеала справедливости. По требованію этого идеала, христіанинъ въ своихъ отношеніяхъ къ ближнему долженъ руководствоваться не ветхозавѣтнымъ „око за око“, а вполне гуманнымъ (гармонически совмѣщающимъ въ себѣ правду и любовь) правиломъ, которое гласитъ: „во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“ (Мѡ. 7, 12. Ср. ст. 2; Лук. 6, 37—38; Дѣян. 15, 29). Для наилучшаго выполненія этого правила слово Божіе настойчиво совѣтуетъ намъ всякій разъ ставить себя самихъ въ положеніе ближнихъ, ихъ желанія и потребности повѣрять и понимать при посредствѣ нашихъ собственныхъ желаній и потребностей: „помните узниковъ“,—говоритъ ап. Павелъ,—„какъ бы и вы съ ними были въ узахъ, и страждущихъ, какъ и сами находитесь въ тѣлѣ“ (Евр. 13, 3). *Св. Іоаннь Златоустъ*

представляетъ всю естественность и удобоисполнимость такого правила въ нашемъ обращеніи съ ближнимъ. „Этотъ законъ“—пишетъ онъ,—не имѣетъ въ себѣ ничего тяжкаго и неудобносымаго. Чего хочешь себѣ, говорить, то и дѣлай. Воздаяніе равное... Хочешь ли получить прощеніе?—прощай и ты. Не хочешь слышать худого?—и не говори худого. Желаетъ, чтобъ тебя хвалили? самъ хвали (другихъ). Хочешь, чтобъ у тебя не похищали?—самъ не похищай. (При этомъ законѣ) мы не имѣемъ нужды во внѣшнихъ законахъ. Ибо тѣмъ уже самымъ, что желаемъ или не желаемъ себѣ чего-нибудь отъ ближняго, мы налагаемъ на себя законъ... Итакъ молю васъ, возстановите сами въ себѣ этотъ законъ, и читайте эти ясныя и краткія начертанія; будемъ для ближнихъ такими, какими желаемъ имѣть ихъ для себя“¹⁾. Правда, этотъ законъ, какъ и законъ любви къ ближнимъ, былъ уже извѣстенъ древнему міру, но, какъ и законъ любви, въ христіанствѣ вышеприведенное правило получило иной, новый, высшій смыслъ. Если до христіанскаго человѣчества, главнымъ образомъ, заботилось о земныхъ тлѣнныхъ благахъ и потому только ихъ могло желать своимъ ближнимъ, то христіанинъ, ставящій выше всякаго блага—небесныя, нетлѣнныя, считаетъ своимъ долгомъ справедливости пещись о томъ, чтобы ближній, для спасенія котораго пришелъ въ міръ Самъ Сынъ Божій, не лишенъ былъ этого высочайшаго блага. Отсюда открывается несостоятельность и того популярнаго мнѣнія о справедливости, будто бы она, какъ „самая внѣшняя ограда нравственной жизни можетъ ограничиваться одною только отрицательною стороною, т. е. только не дѣлать того, что нарушаетъ право другого, или дѣлать только то, что можетъ быть вытребовано законнымъ порядкомъ“. „Это“,—замѣчаетъ преосвящ. *Оеофанъ*,—„не христіанская правда, а мірская, внѣшняя, судебная. Христіанская же обнимаетъ и положительную сторону, дѣлаетъ все, что должно, для другого не по внѣшнему страху, а по внутреннему расположенію“²⁾.

Измѣненіе, произведенное христіанствомъ въ языческомъ, мірскомъ воззрѣніи на справедливость, въ силу котораго она является не противоположностію любви, а пря-

¹⁾ Творенія, т. X, кн. 2. Сиб., 1904 г., стр. 627—628.

²⁾ Начертаніе Христіанскаго правоученія, М. 1891 г., стр. 490.

мымъ выраженіемъ ся, коснулось и частныхъ *обнаруженій* справедливости. Христіанское чувство справедливости выражается въ *правдивости, искренности* и въ *уваженіи* къ ближнему.

Правдивость есть такое качество души, по которому мы стараемся говорить ближнимъ, не иначе, какъ думаемъ, т. е. безъ всякаго притворства, обмана и лицемѣрія. Примѣръ этого видимъ въ апостолахъ (Дѣян. 4, 19—20; 2 Кор. 4, 2 и др.). „Отвергнувъ ложь, говорите истину каждый ближнему усвоему; потому что *мы члены другъ другу*,—учитъ ап. Павелъ (Ефес. 4, 25, Ср. Кол. 3, 9). Такимъ образомъ, люди, какъ существа *общественныя* (какъ „члены другъ другу“), должны дѣлиться между собою своими мыслями и воззрѣніями и именно такъ, чтобы взаимное довѣріе и благорасположенность могли существовать и поддерживаться въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Человѣкъ не можетъ заглядывать въ душу ближняго; онъ долженъ полагаться на то, что другіе сообщаютъ ему. Но это довѣріе было бы немислимо, если бы когда нибудь было дозволено *лгать*, т. е. произвольно и умышленно говорить иначе, чѣмъ думаютъ. Если бы ложь, по какимъ бы ни было причинамъ и побужденіямъ, въ одномъ случаѣ была позволена, то ее надобно было бы позволить во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, и бесѣдующіе другъ съ другомъ должны были бы жить въ постоянной опасности, не говоритъ ли съ ними собесѣдникъ, съ какою-либо злою, эгоистическою цѣлью, именно *теперь* вопреки внутреннему своему убѣжденію. Но ложь не только противна инстинкту *общественности*, но противъ нея говоритъ голосъ самой *природы нашей*. Всякій, даже самый простодушный человѣкъ смотритъ, какъ на оскорбленіе, если его упрскаютъ во лжи. Кого поймаютъ во лжи, тотъ стыдится и старается оправдаться. И въ самомъ дѣлѣ, никто не хочетъ быть обманутымъ другими, и безъ особыхъ размышленій каждый приходитъ къ убѣжденію, что онъ другимъ не смѣетъ причинить то, что самъ не можетъ стерпѣть. Дитя невольно краснѣетъ, когда въ первый разъ позволить себѣ ложь, и только постоянное упражненіе въ этомъ порокаѣ можетъ притупить и подавить врожденное каждому благороднѣйшее чувство стыдливости. „Младенецъ“,—говоритъ по этому по-

воду св. Иоаннъ Лѣствичникъ, — „лжи не знаетъ, не знаетъ оной и душа незлобивая“ ¹⁾). Кто другимъ что-либо сообщаетъ, тотъ предъявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе, чтобы они вѣрили имъ сказанному. Какъ же онъ можетъ требовать этого, если самъ лжетъ? Поэтому мы должны всякую ложь считать непервозлительною, даже *ложь въ шутку*, исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда до очевидности ясно, что шутливое выраженіе не серьезное утвержденіе, заслуживающее довѣрія, а простая невинная шутка ²⁾), нисколько не оскорбительная для того, къ кому она относится. Во всякомъ случаѣ христіанинъ долженъ быть крайне разборчивъ въ шутливомъ обращеніи съ другими, потому что переходъ отъ простой, невинной шутки къ неумѣстной, злобной и язвительной, можетъ быть иногда незамѣтенъ.

Всѣ христіанскіе моралисты одинаково признаютъ *правдивость* за добродѣтель, т. е. за то, что должно быть. Однако, у многихъ моралистовъ она не достаточно мотивирована и, потому ученіе о ней не можетъ имѣть практическаго значенія. Такъ, по мнѣнію *Спинозы*, лжець долженъ оставить ложь уже потому, что онъ противорѣчитъ самому себѣ. Но съ точки зрѣнія послѣдовательнаго эгоиста-лжеца, ограничивающаго свою жизнь предѣлами земнаго существованія, во лжи не только нѣтъ никакого противорѣчія, а, напротивъ, въ ней налицо полное согласіе или тождество эгоизма съ самимъ собою. Поэтому, напр., когда договоръ выгоденъ для эгоиста, онъ исполняетъ его: не выгоденъ, нарушаетъ его ³⁾). *Кантъ* доказываетъ важность правдивости и гнусность лжи, обращая вниманіе на достоинство нравственной природы человѣка. „Ложь“, — говоритъ онъ, — „есть грѣхъ противъ моего идеальнаго я, противъ человѣчности во мнѣ. Лжець долженъ презирать себя самого, ибо тѣмъ, что я лгу, я унижаюсь до простаго феномена (случайнаго явленія), дѣлаюсь маскою, отказываюсь отъ того, чтобы быть *самимъ собою*, совершаю по частямъ самоубійство надъ моимъ истиннымъ человѣкомъ и на мѣсто его выставляю вымышленнаго человѣка“. *Фихте*, напротивъ того, выходитъ въ данномъ случаѣ изъ идеи общественности, раздѣляемой, какъ мы знаемъ,

¹⁾ Иоанъ Лѣств. перев. съ греч. Изд. 2. 1854 г. Слово 12, ст. 13.

²⁾ *Cathrein*, „Die katholische Weltanschauung“, s. 396—397.

³⁾ Д. П. Лозовъ „Принципы этики“, Москва, 1890 г., стр. 78—79.

и словомъ Божиимъ (Ефес. 4, 25). „Тѣмъ, что я лгу“,—говоритъ онъ,—„я ввожу другихъ въ заблужденіе, поступаю съ ними какъ съ простымъ средствомъ для моихъ эгоистическихъ намѣреній, ставлю ихъ свободѣ непристойныя ограниченія, между тѣмъ какъ съ нравственными существами слѣдуетъ поступать не какъ съ какимъ-нибудь средствомъ, а какъ съ самоцѣлью“¹⁾. Въ каждомъ изъ этихъ разсужденій есть своя доля правды, и св. отцы-подвижники также находятъ, что ложь наставляетъ человѣка въ противорѣчіе съ собою, оскорбляетъ его личность, когда говорятъ: „лживый человѣкъ—не простой человѣкъ, но двойственный, ибо иной онъ внутри, и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава“²⁾. Но эти относительно правильныя сужденія получаютъ безусловно истинный смыслъ и значеніе при высшей всеобъемлющей христіанской точкѣ зрѣнія на дѣло. Лжець, преслѣдующій лишь временныя, преходящія интересы, какъ бы забываетъ или перестаетъ вѣрить въ истинное назначеніе своей человѣческой природы. Ложь является полнымъ противорѣчіемъ нашего идеальнаго я, стремящагося единственно къ тому, чтобы сдѣлаться достойнымъ вѣчнаго сонаслѣдія съ Тѣмъ, Кто Самъ назвалъ Себя Истиной (Іоан. 14, 6), слугою и орудіемъ Которой долженъ быть человѣкъ. Повсюду свѣтъ стремится проявить себя и разсвѣять мракъ, и люди, какъ богоподобныя созданія, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, должны быть носителями и и служителями вѣчнаго свѣта или Истины, именно потому, что „свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его“ (Іоан. 1, 5). Въ правдивости человѣка заключаются черты его богоподобія. Говорятъ, что *Пизагоръ*, когда его спросили, когда люди будутъ подобны Богу, отвѣчалъ: „когда будутъ говорить правду“³⁾.

Мало того. Лжець обнаруживаетъ рѣшительное непониманіе или нежеланіе понять истинную природу своего ближняго именно тѣмъ, что, допуская въ отношеніи къ нему ложь, онъ смотритъ и на него, не какъ на вѣчное существо, а какъ только на простое средство для достиженія своихъ

1) См. у *Мартенсена*, „Христ. ученіе о нравственности“, т. II. стран. 220.

2) *Авы Дорооея*, Поученія и посл. 1856 г., стр. 118.

3) *Cathrein*. „Die katholische Weltanschauung“, s. 398.

узко-эгоистическихъ цѣлей. Лжеецъ даже—не христіанинъ, такъ какъ во лжи скрывается невѣріе въ вѣчную жизнь Богомъ созданнаго духа ¹⁾).

Итакъ, нашъ долгъ правдивости состоитъ въ неложномъ сообщеніи нами истины другимъ. Однако, долгъ правдивости *не безграниченъ*. Что онъ имѣетъ и свои предѣлы, это уже слѣдуетъ изъ того, что въ составѣ христіанскаго общества есть не мало членовъ немощныхъ, для которыхъ невозможно сразу подняться до высоты идеальныхъ требованій правды Христовой. Христіанство не отвергаетъ этихъ немощныхъ, а заповѣдуетъ „сильнымъ“ духомъ „снести немощи безсильныхъ“, снисходить къ ихъ образу мыслей (Рим. 15, 1—3) и этимъ путемъ приводить „въ мѣру полного возраста Христова“ (Ефес. 4, 13). Вотъ здѣсь-то выступаетъ предъ нами необходимость говорить истину другимъ не иначе какъ съ *христіанскою мудростію*, о которой І. Христосъ, посылая учениковъ своихъ на проповѣдь, сказалъ: „будьте мудры, какъ зми“ (Мѡ. 10, 16). „Жизнь въ Богѣ“,—говоритъ одинъ изъ западныхъ моралистовъ,—„со стороны своего внутренняго чувства есть благочестіе, со стороны практически-интеллектуальной—мудрость. Христіанская мудрость есть воззрѣніе на жизнь и богословіе жизни (Lebens-theologie), какъ они даны чрезъ внутреннее познаніе Бога во Христѣ“ ²⁾. „Мудрость“,—пишетъ другой западный же моралистъ,—„при своемъ теоретическомъ содержаніи, т. е. ясномъ прозрѣніи тайнъ всей жизни во свѣтѣ Бога, въ развитіи Его царства въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, въ мірѣ и природѣ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и практическое направленіе. Она сообщаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всякому поступку то правило, чрезъ которое онъ является отвѣчающимъ существу христіанской совѣсти и идеѣ божественнаго блага, и тѣмъ, гдѣ никакое внѣшнее правило не освѣщаетъ пути, она всегда руководствуетъ правильно“ ³⁾. Отсюда, смотря по времени и обстоятельствамъ, для насъ обязательно бываетъ и то, чтобы мы были

¹⁾ П. В. Никольскій: „Эгоизмъ и альтруизмъ съ христіанской точки зрѣнія“. Вѣра и Царство, 1908 г., кн. 5, стр. 718.

²⁾ Kabel. Christliche Ethik, Zweiter Teil, München, 1896, s. 187—188.

³⁾ Chr. Palmer, Die Moral des Christenthums, Stuttgart, 1864 г.,

сдержаннѣе въ высказываніи своихъ мыслей другимъ. „Есть время молчать, и время говорить“,—учитъ Премудрый (Екклес. 3, 7). Долгъ правдивости не требуетъ непремѣнно говорить всѣмъ и все. Хотя истина предназначена и для всѣхъ, но ни одинъ учитель или проповѣдникъ сразу не преподаетъ ее своимъ слушателямъ сполна; напротивъ, онъ, сообразуясь при этомъ съ воспримчивостію слушающихъ, открываетъ имъ истину исподволь, постепенно, по мѣрѣ развитія ихъ способности къ усвоенію ея. Самое Божественное откровеніе возвѣщалось людямъ „множественно и многообразно“ (Евр. 1, 1). „Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить“,—говорилъ Господь въ прощальной бесѣдѣ апостоламъ (Іоан. 16, 12). Еще ранѣе Онъ предостерегалъ ихъ: „Не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга вашему свиньямъ“ (Мѣ. 7, 6). Поэтому, если І. Христосъ требуетъ отъ меня говорить ближнему истину, „то“,—скажемъ словами Пальмера,—„изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что я долженъ говорить все, что я считаю за истину; слово не должно быть рѣшетомъ, чрезъ которое все содержаніе моего духа тотчасъ же снова должно падать на почву внѣшняго міра; христіанская жизнь имѣетъ скрытую сторону (Кол. 3, 3), она есть перлъ, который не должно бросать предъ свиньями“ 1).

Но, если уже нужно сообщить истину ближнимъ, то во всѣхъ ли случаяхъ жизни мы обязаны открывать простую, буквальную, *непосредственную* истину, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволительно еще какое-нибудь *посредственное*, косвенное сообщеніе истины. *Квакеры* отрицаютъ послѣднее и потому требуютъ говорить только чистую, голую истину 2). На этомъ основаніи они отвергаютъ не только, такъ называемыя, *сѣфемизмы*, т. е. условныя выраженія вѣжливости и приличія, хотя значеніе этого „языка гуманности“ 3) извѣстно каждому, и имъ никто не можетъ быть введенъ въ заблужденіе,—но и всякое *прикровенное* сообщеніе истины, напр., поэтической комизмъ или *иронію* которая не препятствуетъ, а лишь способствуетъ распознаванію истины другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, истинная иронія, имѣя дѣло

1) Palmer. „Die Moral des Christenthums“, s. 439—440. Ср. 442.

2) Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, стр. 222.

3) Проф. М. А. Оленицкій. „Изъ системы христ. системы“, стр. 360.

въ литературѣ съ *типами* общественной жизни, а не съ отдѣльными лицами, никого въ частности не задѣваетъ. Поэтому, она располагаетъ насъ не къ презрѣнiю ближняго, а къ отвращенiю отъ публично осмѣиваемыхъ пороковъ. Если осуждать всякую *прикровенность* въ сообщенiи истины, то тогда придется, вмѣстѣ съ *Тертуллианомъ*, осудить и всякое поэтическое и вообще изящное искусство, сфера котораго есть именно прикровенность, иллюзiя, но такая иллюзiя,—посредствомъ которой идеальная истина достигаетъ, по нашему же убѣжденiю, своего проявленiя въ дѣйствительной жизни. Что подобное прикровенное сообщенiе истины имѣетъ свое значенiе въ жизни, объ этомъ свидѣтельству и свящ. Писанiе. Такъ, пророкъ Наанъ, желая довести царя Давида до признанiя своей вины, рассказалъ ему извѣстную притчу о богатомъ человѣкѣ, отнявшемъ у бѣдняка послѣднюю овцу (2 Цар. 12, 1—7). Итакъ, не косвенное, прикровенное сообщенiе истины въ извѣстныхъ случаяхъ противно долгу правдивости, а противна ему ложь, и притомъ ложь не умышленная только или вообще эгоистическая, но и просто легкомысленная, о которой Премудрый замѣчаетъ: „мерзость предъ Господомъ—уста *лживыя*“ (Притч. 12, 22. Ср. 19, 5; Прем. 1, 11; Сир. 20, 24—26). *Св. Василiй Великiй* на вопросъ: „Умышленно ли только солгавшiй подлежитъ суду, или и тотъ, кто по невѣдѣнiю или по легкомыслию сказалъ нѣчто несогласное съ истиною“? —отвѣчаетъ: „Явись судъ Господа и на согрѣшающихъ по невѣдѣнiю, потому что Онъ сказалъ: *невѣдѣвый же сотворивъ же достойная ранами, бiенъ будетъ мало* (Лук. 12, 48). Но, во всякомъ случаѣ, при достодолжномъ покаянiи есть твердая надежда на отпущенiе грѣха“¹⁾.

Однако бываютъ случаи, когда прибѣгаютъ къ неправдѣ *изъ любви къ ближнимъ*, или пользуются ею какъ *вынужденною самозащитою* противъ злыхъ людей. Что сказать о такой *лжи по нуждѣ*? Можно ли допускать *вынужденную ложь* въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ жизни? Старые и новые моралисты разногласятъ въ этомъ отношенiи: до противоположности. Такъ, *Тертуллианъ*, *Лактанцій*, бл. *Августинъ*, *Кальвинъ*, *Кантъ*, *Фихте*, и *Шлейер*

ермитахъ рѣшительно не допускаютъ возможности употребленія лжи по нуждѣ. Напротивъ того, Платонъ, стоики, бл. Иеронимъ, Якоби, Ротэ, Пальмеръ, Кюбель, нашъ Вл. Соловьевъ и др. всячески стараются оправдать такую ложь предъ судомъ совѣсти и даже совѣмъ не считаютъ ее предосудительною съ нравственной точки зрѣнія. Злоупотребленіе послѣднимъ взглядомъ на вынужденную ложь мы видимъ въ морали *иезуитовъ* 1).

Изложимъ вкратцѣ противоположныя между собою воззрѣнія нѣкоторыхъ изъ названныхъ моралистовъ по данному вопросу.

Опредѣляя истину, какъ согласіе между нашимъ мышленіемъ и дѣйствительностію, бл. Августинъ называетъ ложью намѣренную замѣну фактическаго согласія—вымышленнымъ. „Ложь“,—говоритъ онъ,—„бываетъ тогда, когда кто-нибудь одно имѣетъ въ мысляхъ, а другое выражаетъ словами или какимъ-либо знакомъ“ 2). Такого раздвоенія между мыслию и внѣшнимъ выраженіемъ ея не должно быть въ нашихъ отношеніяхъ къ ближнимъ. Если ложь есть грѣхъ, то ея никогда не должно пользоваться въ жизни, хотя бы для достиженія благихъ цѣлей. По словамъ Августина, „если бы, даже весь родъ человѣческой могъ спастись ложью, то нужно бы было скорѣе допустить его погибнуть“. Если мы будемъ обращать вниманіе не на то, что дѣлается“, а на то „для чего дѣлается“, „то тогда“, по Августину, мы будемъ рассуждать такъ: будемъ воровать у богатыхъ, чтобы имѣть, что дать бѣднымъ. Могутъ ли грѣхи быть добрыми (*justa peccata sint*)? 3). Онъ требуетъ чтобы любовь къ человѣку подчинялась любви къ истинѣ 4).

И новые отрицатели вынужденной лжи выходятъ изъ того, что истина есть самый высній законъ, которому должно подчиняться все другое. Намъ, говоритъ Фихте, вовсе не слѣдуетъ рассуждать о послѣдствіяхъ нашихъ словъ и

1) Л. З—въ. „Казуистика и судьбы ея въ римско-католической церкви“. Вѣра и Разумъ“, 1890 г. № 4, стр. 207.

2) См. у прот. В. Сперанскаго, „Мысли бл. Августина о лжи“. „Душеполезное Чит.“ 1876 г., Авг., стр. 481.

3) Тамъ же, стр. 491.

4) Ученію бл. Августина о лжи по его сочиненіямъ: „De mendatio“ и „Contra mendacium“ посвящена хорошая статья въ январской кн. Странника за 1915 годъ.

дѣйствию, такъ какъ они состоятъ не въ нашей власти; намъ слѣдуетъ только говорить и дѣлать, что повелѣваетъ долгъ правды, а относительно послѣдствій положиться на Провидѣнiе. Самое большее, чѣмъ мы можемъ рисковать, говоря правду, это—поставить на карту за нее свою жизнь. Какъ сурово, безпощадно желалъ бы Фихте провести свою точку зрѣнiя, это видно изъ разговора его съ *Стеффенсомъ*. Последнiй представилъ Фихте слѣдующiй случай: „Роженица опасно больна; ребенокъ при смерти лежитъ въ другой комнатѣ; врачи рѣшительно заявили, что всякое потрясенiе будетъ стоить ей жизни. Ребенокъ умираетъ... я сижу у одра своей жены; она спрашиваетъ о здоровьи только что умершаго младенца: истина убила бы ее; что же мнѣ сказать ей“? „Ея вопросы слѣдуетъ отклонить“,—отвѣчаетъ Фихте. На возраженiе, что самое отклоненiе уже будетъ тревожнымъ намекомъ на опасность для жизни ребенка, Фихте даетъ только такой отвѣтъ: „если женщина умретъ отъ правды, такъ пусть ее умираетъ“ 1).

Что же касается *защитниковъ* лжи по нуждѣ, то они, чтобы оправдать ее предъ судомъ нравственнаго закона, подчиняютъ долгъ правдивости высшей истинѣ. „Жизнь можетъ выдвигать моменты“,—говоритъ *Пальмеръ*,—„когда сказать правду намъ возбраняется другимъ требованiемъ долга“ 2). Представимъ себѣ случай, когда разбойникъ, преслѣдуя свою невинную жертву, врывается въ нашъ домъ, куда успѣла скрыться она. Что мы должны отвѣтить на вопросъ разбойника—здѣсь ли преслѣдуемая имъ жертва? Если отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, „то“,—пишетъ *Пальмеръ*,—„хотя я и остаюсь вѣрнымъ въ показанiи формальной истины, но этимъ я подмѣняю высочайшую истину—вѣрность тому, кому я далъ свою защиту. Самъ Духъ истины здѣсь отрицаетъ слово истины“ 3). Подобнымъ же образомъ рассуждаетъ по поводу даннаго примѣра *Соловьевъ*. Въ отрицательномъ отвѣтѣ на извѣстный вопросъ убiйцы, по нему, нѣтъ ничего противнаго нравственному долгу, такъ какъ обязанность спасти жизнь человеку важнѣе обязанности говорить правду. Употребленiе этого невиннаго сред-

1) *Marthebourg*. „Христ. учение о нравственности“, т. II, стр. 224—225.

2) *Palmer*. „Die Moral des Christenthums“, s. 442.

3) *Ibid.*, s. 448.

ства, необходимаго для предупрежденія жестокаго преступленія, даже нравственно обязательно, потому что вопросъ разбойника вовсе не выражаетъ простой его любознательности, насчетъ фактическаго мѣстонахожденія его жертвы, а есть прямое покушеніе на убійство, и утвердительный отвѣтъ вовсе не былъ бы исполненіемъ общей обязанности говорить правду, а только преступнымъ пособничествомъ, благодаря которому покушеніе превратилось бы въ самое убійство. Формально-ложное свидѣтельство не всегда есть ложь въ нравственномъ смыслѣ, а становится таковою лишь когда происходитъ изъ дурной воли говорящаго, намѣренно злоупотребляющаго словомъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей 1).

Изъ приведенныхъ разсужденій видно, что разнорѣчіе моралистовъ въ оцѣнкѣ вынужденной лжи объясняется существеннымъ различіемъ ихъ въ пониманіи того, что такое истина и ложь вообще. Основаніе для правильнаго пониманія той и другой мы видимъ въ самомъ Свящ. Писаніи. На языкѣ ветхозавѣтныхъ книгъ слово *истина* (*amen, amat*) указываетъ, по преимуществу, на одно изъ существенныхъ свойствъ или качествъ Бога, именно какъ бытія неизмѣннаго, остающагося вѣрнымъ себѣ не только въ моментъ рѣчи говорящаго, но и послѣ того 2). На языкѣ Новаго Завѣта слово истина (*ἀλήθεια, ἀληθής, ἀληθινός*) означаетъ собою, какъ непосредственную, очевидную дѣйствительность (Лук. 22, 59; Дѣян. 4, 2; 1 Иоан. 3, 18) и соотвѣтствіе съ нею нашего разума или слова (Мрк. 5, 33; Иоан. 8, 40; Рим. 3, 7), такъ, главнымъ образомъ, и непреходящее, безусловное бытіе, лежащее за предѣлами дѣйствительности, каковое бытіе служить, притомъ не только предметомъ познанія, но и образцомъ религіозно-нравственнаго поведенія (Иоан. 18, 38; Іак. 1, 18; 3, 14; 5, 19; Рим. 2, 20; 2 Тесс. 2, 10, 12; 1 Тим. 3, 15; 2 Тим. 2, 25) 3). Соотвѣтственно первому значенію понятія истины, ложью обычно называютъ отрицаніе дѣйствительности и фактическаго согласія между ею и нашею мыслию. Соотвѣтственно же второму значенію истины, ложь бу-

1) „Оправданіе добра“. Москва, 1899 г., стр. 147—154.

2) H. Cremer. „*Riblich--theologisches Wörterbuch der neutestamentlichen Gräcität*“. Gotha, 1902 s., 122—127.

3) Cremer, *ibid.*, s. 133.

дети уже завѣдомо сознательнымъ отрицаніемъ самосущаго бытія (т. е. Бога), какъ высочайшей истины, каковое отрицаніе есть грѣхъ противъ „Духа Святаго“, „Духа истины“ (Іоан. 15, 26), который „не простится человѣку ни въ семь вѣкѣ ни въ будущемъ“ (Мѣ. 12, 32). Очевидно, въ опредѣленіи понятій истины и лжи въ первомъ случаѣ преобладаетъ обычно-популярная, такъ сказать, формально-логическая или эмпирическая точка зрѣнія; во второмъ—нравственно-религіозная или философская. И вотъ тѣ, кто усвоили себѣ по преимуществу первую точку зрѣнія на эти понятія, безусловно отвергаютъ ложь по нуждѣ, а придерживающіеся второй точки зрѣнія на нихъ отстаиваютъ ее самымъ рѣшительнымъ образомъ 1). На чьей же все-таки изъ этихъ взаимно разногласящихъ сторонъ правда? Истина, по нашему убѣжденію, въ срединѣ между двумя противоположными крайностями.

Общій принципъ (долгъ правдивости), изъ котораго исходятъ рѣшительные противники вынужденной лжи, конечно, долженъ заслуживать всеобщаго уваженія. Тѣмъ не менѣе, одно холодное, буквальное сообщеніе истины, не считающееся съ любвеобильною заботливостью о тѣхъ, кому мы обязаны любовью, глубоко и болѣзненно отзывается въ сердцахъ большинства христіанъ, сознающихъ, что „буква убиваетъ, а духъ животворитъ“ (2 Кор. 3, 6). Самъ бл. Августинъ въ своихъ трактатахъ о непозволительности лжи сознается въ томъ, что его личное, человѣческое чувство сильно противится сухимъ разсужденіямъ его ума 2). Христіанскій законъ человѣческаго дѣйствованія—законъ духа, а не буквы, по которой „*fiat justitia—pereat mundus*“ 3). Ригоризмъ, проводящій принципъ строго-формальнаго сообщенія истины до беспощадности въ отношеніи къ любимому, дорогому существу, упускаетъ изъ виду, что всякое сообщеніе истины въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно опредѣляться христіанскою мудростію, которая предвидитъ и возможные послѣдствія человѣческихъ поступковъ, хотя, ко-

1) В. Поповъ. „Что есть истина?“. „Странникъ“ 1906 г., декабрь, стр. 807—809.

2) Прот. Сперанскій. Мысли бл. Августина о лжи. „Душеп. Чит.“ 1876 г., сентябрь, стр. 72.

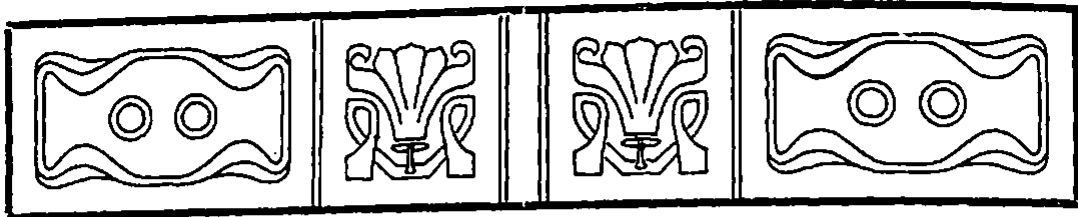
3) Palmer. „Die Moral des Christenthums“, Stuttgart, 1864, s. 444.

нечно, не всѣ изъ этихъ послѣдствій находятся въ нашемъ вѣдѣніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ упускаетъ изъ виду, что эта мудрость есть настолько цѣнное сокровище, что для совѣсти христіанина, обладающаго этимъ сокровищемъ, не можетъ быть трудныхъ и тяжелыхъ случаевъ „коллизіи обязанностей“, неизбежной, къ сожалѣнію, въ этомъ мірѣ грѣхности. На почвѣ христіанской мудрости, руководимой любовью къ немощнымъ братьямъ, основана вся проповѣдь ап. Павла. „Будучи свободенъ отъ всѣхъ“,—говоритъ онъ себѣ,—„я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше пріобрѣсти. Для іудеевъ я былъ какъ іудей, для подзаконныхъ былъ какъ подзаконный; чтобы пріобрѣсти подзаконныхъ. Для чуждыхъ закона—какъ чуждый закона (не будучи чуждымъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу), чтобы пріобрѣсти чуждыхъ закона. Для немощныхъ былъ какъ немощный, чтобы пріобрѣсти немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. Сіе же дѣлаю для Евангелія, чтобы быть соучастникомъ его“ (1 Кор. 10, 19—23). Итакъ, ап. Павелъ соединялъ въ себѣ неразрывно христіанскую свободу съ ношеніемъ немощей тѣхъ, къ кому обращался съ проповѣдью. Здѣсь не ложь, не лицемерное приспособленіе къ воззрѣніямъ другихъ, а высшая христіанская мудрость духовнаго водительства. Выходя изъ такого понятія о христіанской мудрости, какъ великаго нелицемернаго акта благоснисхожденія къ немощнымъ ближнимъ для привлеченія ихъ ко Христу, мы и къ неправдѣ по необходимости не можемъ не относиться болѣе или менѣе снисходительно, когда она является для даннаго дѣйствующаго лица въ данный моментъ времени единственнымъ средствомъ къ предотвращенію большаго зла, хотя, конечно, эта неправда свидѣтельствуетъ именно о духовной немощности даннаго лица, такъ какъ только „кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человекъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло“ (Іак. 3, 2).

Проф.-прот. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

(Разсужденія съ толстовцемъ).

За послѣднее десятилѣтіе, съ обновленіемъ нашего государственнаго строя, пошли у насъ всякія новшества и въ общественной жизни, и въ искусствѣ. „Свобода“ сдѣлалась девизомъ всякой дѣятельности и, конечно, не могла не дойти до крайностей, весьма уродливыхъ. У насъ установилась непозволительная „свобода нравовъ“, которая проводится и въ литературѣ, и въ живописи, и въ жизни. Произведенія литературы очень часто рассчитаны на низкіе животныя инстинкты и поддерживаютъ среди молодежи небывалый въ исторіи человѣчества развратъ. Произведенія живописи освободились отъ требованій традиціонной школы и техническаго совершенства: бездарные и лѣнныя живописцы, желая безъ труда имѣть успѣхъ и деньги, провозгласили задачей искусства возбуждать въ зрителяхъ „настроенія“, аналогичныя своимъ, которыя они будто бы переживали во время писанія своихъ картинъ. Техническое совершенство объявлено за „ремесло“, недостойное „истиннаго художника“; мало того, новые „истинные художники“ стали хвастливо щеголять неестественностью и безобразіемъ своихъ произведеній, открывъ даже какую-то „поэзію безобразнаго“. Въ этомъ новомъ направленіи въ искусствѣ сыгралъ немаловажную роль и даже знаменитый писатель Л. Н. Толстой. Въ своей статьѣ „Что такое искусство?“ онъ приводитъ аналогичный взглядъ на задачу искусства, каковой выставляли и нанці декаденты, хотя самъ авторъ „Войны и мира“ восставалъ противъ безнравственнаго и безцѣльнаго искусства. Такъ какъ искусство, вообще, и въ

особенности литература и живопись, несомненно, сильно влияют на нравственность и вкусы интеллигентнаго общества, то не лишнимъ будетъ разсмотрѣть суть и задачу искусства и провѣрить, насколько былъ правъ нашъ знаменитый писатель, взявшійся и за обновленіе теоріи искусства. Это тѣмъ болѣе будетъ своевременнымъ, что и упомянутая его статья объ искусствѣ, какъ и всѣ философствующія его произведенія старческаго возраста, съ жадностью читались интеллигенціей у насъ и за границей, въ особенности въ Германіи.

I.

Въ 1898 году я прочиталъ статью Л. Н. Толстого „Что такое искусство“? Размышляя о прочитанномъ, я ускоренно шагаль по просторной гостиной. Въ передней раздался энергичный звонокъ, и вскорѣ вошелъ ко мнѣ мой новый сослуживецъ по гимназіи съ высокимъ полусѣлымъ лбомъ и съ орлинымъ носомъ, преподаватель русскаго языка и словесности.

— Ааа! Здравствуйте, Арсеній Поликарповичъ! очень радъ васъ видѣть.

Подавая руку, онъ съ оживленіемъ сообщилъ мнѣ, какъ нѣчто замѣчательное: „Я вамъ принесъ послѣдній трудъ Льва Николаевича... объ искусствѣ... я вчера получилъ брошюру и уже прочелъ съ Павломъ Яковлевичемъ“ (товарищемъ по службѣ и по квартирѣ). „Очень любопытна! прибавилъ онъ, подавая мнѣ брошюру въ желтой обложкѣ.

— Очень благодаренъ вамъ за вниманіе; но я уже прочелъ эту статью. Только у васъ, какъ я вижу, другое изданіе, въ 16-ю долю листа.

„Она сперва появилась въ „Вопросахъ философіи...“ и, какъ оказывается, уже перепечатана въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Льва Николаевича у насъ читаютъ, какъ говорится, запоемъ. Не правдали, любопытна?

— Да! процѣдилъ я сквозь зубы. По крайней мѣрѣ заставляеть задуматься. Присядьте Арсеній Поликарповичъ!

„Такъ ужъ прочли! усаживаясь въ кресло замѣтилъ гость. Интересно услышать ваше мнѣніе.

— Не только прочелъ, но и продумалъ; по своему обыкновенію сдѣлалъ на поляхъ и свои замѣтки.

„Да, Льва Николаевича нужно *изучать*, какъ глубоко-мысленнаго и оригинальнаго философа, прибавилъ гость значительно. Что тамъ ни говори, а онъ—великій мыслитель и величайшій писатель земли русской.

— Что до меня касается, то я согласенъ только съ послѣднимъ: я его признаю величайшимъ романистомъ, но какъ философа я его не признаю: онъ не выше въ этомъ отношеніи любого мыслящаго интеллигента. Если его философствующія статьи и сочиненія приобрѣли такую извѣстность и распространеніе, то это случилось только благодаря его писательскому таланту, его умѣнію популярно излагать свои мысли и... сверхъ того, еще благодаря нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, благопріятнымъ для Льва Николаевича.

„А именно?

— За Львомъ Николаевичемъ 1) имѣется громкое имя маститаго писателя: достаточно одной славы авторства „Войны и мира“; 2) Левъ Николаевичъ у насъ, въ Россіи, впервые сталъ философствовать въ общедоступной формѣ; а наша интеллигентная публика уже давно жаждетъ понятной жизненной философіи, а не туманныхъ хитросплетеній нѣмецкихъ метафизиковъ, которыми угощаютъ нашу молодежь наши профессора философіи; 3) Левъ Николаевичъ—человѣкъ, вполне независимый и матеріально обеспеченный: онъ не долженъ оглядываться по сторонамъ съ опасеніемъ, какъ бы не лишиться куска насущнаго хлѣба; 4) Левъ Николаевичъ имѣетъ связи съ высокопоставленными лицами, и ему сходитъ многое, чего не посмѣлъ бы печатать другой смертный. Благодаря всему этому и своей увлекающей натурѣ художника слова, Левъ Николаевичъ самоувѣренно и смѣло рубитъ съ плеча, безъ всякихъ обиняковъ и оговорокъ и „ничто не сумняшеся“ доводитъ свои философскія разсужденія до парадоксальной крайности, порою съ экзальтацией энтузіаста-проповѣдника. А это дѣйствуетъ на толпу и увлекаетъ ее. Дѣло въ томъ, что обыкновенные читатели не могутъ разобраться въ сложныхъ вопросахъ философіи и жизни: вѣдь, въ нихъ заблуждались и даровитѣйшіе философы, которые одной философіи посвящали всю свою жизнь безрадѣльно. Поэтому не удивительно, что читающая толпа не разбирается и въ заблужденіяхъ графа Л. Н. Тол-

стого, и съ жадностью проглатываетъ его нравственно-философскія проповѣди, словно какія-нибудь пророческія откровенія и небывалыя истины! Между тѣмъ все, что проповѣдуетъ Левъ Николаевичъ, уже давно было высказано до него, и даже болѣе краснорѣчиво и убѣдительно. Такъ напр. Жанъ Жакъ Руссо за сто лѣтъ слишкомъ до Толстого тоже проповѣдывалъ противъ роскоши и культуры, призывая общество возвратиться къ первобытному состоянію, какъ это дѣлаетъ и Левъ Николаевичъ.

Мой гость сталъ таращить глаза: онъ не зналъ, что я, состоя преподавателемъ древнихъ языковъ, уже давно занимаюсь философіей, и не иду вслѣдъ за толпой.

„Однако вы слишкомъ умаляете заслуги Льва Николаевича, какъ мыслителя.

— Это не мой единичный взглядъ. Философскія проповѣди графа Толстого уже неоднократно были подвергнуты критикѣ и у насъ, и за границей. Припомните его философскія разсужденія „Моя вѣра“, „Моя исповѣдь“ и наконецъ — „Крейцерову сонату“, которая тоже имѣетъ нравственно-философскую тенденцію, доходящую до вывода прекратить на землѣ родъ человѣческой. Сколько нападокъ, возраженій и критикъ вызвали эти сочиненія Льва Николаевича!

„Эти нападки, возразилъ мой собесѣдникъ, исходили или отъ іерарховъ церкви, которые боялись подрыва ея ортодоксальнымъ ученіямъ, или же отъ завистливыхъ литературныхъ мосекъ, которымъ лестно лаять на слона.

— Согласенъ съ вами, что взгляды Льва Николаевича порой расходятся съ догматами христіанства, хотя онъ любитъ цитировать и ссылаться на евангельскіе тексты, часто невѣрно имъ истолкованные. Согласенъ съ вами, что моськамъ лестно лаять на слона, когда онъ важно шествуетъ по улицамъ многолюднаго города. Но представьте себѣ, что тотъ же Слонъ, изумлявшій прохожихъ необыкновенной силой и искусствомъ своего хобота, вдругъ задумалъ изумить толпу новымъ своимъ искусствомъ, не присущимъ ему. Представьте себѣ такую картину. Тотъ же Слонъ увидѣлъ растрепанную курицу, которая только-что весьма неловко слетѣла съ высокой площадки наружной лѣстницы амбара. Представьте себѣ, что

этотъ баловень толпы тутъ же взбирается по каменнымъ ступенькамъ лѣстницы на ту же площадку и раскачиваясь всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, собирается вспорхнуть по воздуху, чтобы посрамить неловкую въ своемъ полетѣ курицу. При видѣ такой картины, повѣрьте, залаютъ не только моськи; тутъ волкомъ завоютъ и старыя овчарки, и безобидныя дворняжки. *Spectatum admissi risum teneatis amici!* ¹⁾

Мой собесѣдникъ съ изумленіемъ поглядывалъ на меня, собираясь возразить; но, повидимому, не находилъ словъ.

— Такое впечатлѣніе Слона, собирающагося вспорхнуть по воздуху съ цѣлю посрамить курицу, производитъ на меня графъ Л. Н. Толстой, собирающійся своими потугами посрамить всѣхъ эстетовъ-философовъ относительно сути искусства. А на дѣлѣ что же получилось? *Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus* ²⁾.

II.

Мой собесѣдникъ недоумѣвалъ; наконецъ, собравшись духомъ, сказалъ: „Можно не соглашаться со взглядами Льва Николаевича; но нельзя не признавать его великимъ мыслителемъ. Возьмите хоть послѣднее его произведеніе. Какъ ясно, какъ убѣдительно онъ проводитъ свой взглядъ на искусство; какую начитанность, какую эрудицію онъ обнаруживаетъ; какой пронизательный и трезвый умъ проглядываетъ во всемъ его изслѣдованіи!

— Именно этого я какъ разъ не нахожу въ его философствующихъ разсужденіяхъ; а въ послѣднемъ его произведеніи объ искусствѣ даже форма изложенія хромаетъ; только первая глава обнаруживаетъ опытнаго писателя. Что же касается внутренняго достоинства этого „изслѣдованія“, какъ вы его называете, то оно совершенно недостойно великаго писателя и автора „Войны и мира“.

„Въ чемъ же вы видите недостатки этого произведенія? спросилъ мой собесѣдникъ съ плохо подавляемымъ раздраженіемъ.

¹⁾ *Horatii, Ars poetica, versus 6*; по русски: „Допущенные къ зрѣнію, воздержитесь отъ смѣха, друзья“.

²⁾ *Horatii, Ars poetica, versus 139*; по русски: Собираются рожать горы; родится смѣшной мышенокъ.

— Очень во многомъ. Прежде всего, изъ статьи Льва Николаевича не видно даже опредѣленнаго плана. Затѣмъ, изложеніе ея нельзя назвать ни научнымъ, ни популярнымъ: попадаются предложенія въ 15 строкъ, не рѣдки повторенія той же мысли въ тѣхъ же выраженіяхъ; новыя предложенія и даже абзацы начинаются союзомъ „Такъ что“; въ статьѣ безъ всякой системы и даже безъ связи пагромаждены всевозможныя мнѣнія (не менѣе 61) о сущности искусства и красоты, на чтеніе которыхъ едва ли хватитъ терпѣнія у обыкновеннаго читателя, не знакомаго съ философіей. Все это—пустяки, но для автора „Войны и мира“ и они не простительны. Впрочемъ, и по существу есть крупныя недостатки философамъ и художникамъ она не представляетъ ни фактовъ изъ первыхъ источниковъ, ни обоснованія его критики чужихъ взглядовъ.

„Опредѣленія искусства можно пропустить, возразилъ мой собесѣдникъ; ихъ слишкомъ много,—и мы ихъ пропустили: въ нихъ, все-равно, не разберешься. Зато все остальное такъ ясно изложено, такъ убѣдительно...“

— Вы можете прибавить: „такъ хлестко, такъ самоувѣренно“; но совсѣмъ *не вѣрно и не убѣдительно*, скажу я отъ себя.

„Изъ чего же вы это взяли?“

— Изъ всего! Начнемъ съ основной тенденціи всей статьи. Уже съ самаго начала ея видно, что графъ недоволенъ искусствомъ, признаваемымъ всѣми за таковое: онъ ловко высмѣиваетъ репетицію какой-то „изъ самыхъ обыкновенныхъ новѣйшихъ оперъ... но одной изъ *величайшихъ нелѣпостей*, которая только можно себѣ представить“¹⁾. Левъ Николаевичъ яркими красками талантливаго писателя изображаетъ труды и хлопоты при постановкѣ этой оперы; онъ не жалѣетъ самыхъ преувеличенныхъ выраженій, чтобы указать на громадныя труды, употребляемые на современное искусство, которое ему кажется „величайшей нелѣпостью“ и „гадкой глупостью“. Такъ, онъ неоднократно повторяетъ мысль, будто „ради искусства приносятся въ жертву груды милліоновъ людей и самая жизнь человѣческія и главное, любовь между людьми“; далѣе—что „нельзя за-

¹⁾ Л. Н. Толстой, Что такое искусство? изд. Посредника М. 1898, гл. I, стран. 7, строка 7 сл. и слѣд.

ставлять людей *подневольно* трудиться для искусства“; что это—„насиліе“. Дальше графъ говоритъ: „искусству приносятся *страшныя* (sic!) жертвы трудами, жизнями людскими, нравственностью; а искусство это не только не полезное, но вредное дѣло“¹⁾. Вотъ извольте сами прочесть на 9-й и 10-й страницахъ. (Я показалъ подчеркнутыя мною мѣста брошюры). А вотъ тутъ Левъ Николаевичъ повторяетъ свою мысль, будто искусство даже „*нарушаетъ любовь между людьми*“²⁾. Эти утвержденія графа, безспорно, сильно преувеличены; а сверхъ того, они въ основномъ вопросѣ „что такое искусство?“ не имѣютъ ровно *никакого значенія!*

„Я съ вами несогласенъ, возразилъ мой собесѣдникъ. Сколько тысячъ художниковъ всю жизнь трудятся для искусства, истощая и надрывая свои силы, и преждевременно сходятъ въ могилу!

— Хористки и балерины, дѣйствительно, нерѣдко истощаютъ свои силы; но—не искусствомъ, а своей разгульной жизнію. Впрочемъ, допустимъ, что утвержденіе Льва Николаевича вѣрно; допустимъ, что для искусства иногда жертвуютъ даже жизнію (это во всякомъ случаѣ бываетъ очень рѣдко): но то же самое можно сказать и о любомъ необходимомъ мирномъ занятіи гражданъ. То же можно сказать и о добываніи необходимой ежедневной пищи, топлива, одежды... Я увѣренъ, что Левъ Николаевичъ носитъ свою сѣрую куртку изъ сукна, изготовленнаго на какой-нибудь изъ фабрикъ, на которыхъ рабочіе тоже преждевременно сходятъ въ могилу отъ истощенія, на которыхъ бываютъ и несчастные случаи съ увѣчьями и преждевременной смертію. А въ рудникахъ, гдѣ добывается необходимый намъ каменный уголь или желѣзо, развѣ не бываютъ, и даже довольно часто, смертные случаи десятковъ и сотенъ рабочихъ отъ взрывовъ газовъ или отъ обваловъ? А при рубкѣ лѣса развѣ не бываетъ несчастныхъ случаевъ со смертельнымъ исходомъ? То же бываетъ и при постройкахъ многоэтажныхъ домовъ. По логикѣ графа выходитъ, что не нужно и строить домовъ, не нужно топить въ печкахъ, не нужно ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, и по водѣ, такъ какъ все это можетъ сопровождаться жертвами человѣческихъ жизней.

¹⁾ Тамъ же, II гл. 10-я, 11-я стр.

²⁾ Тамъ же I гл. 9-я стр. 11-я строка сл.

Мой собесѣдникъ оцетинился. „Допустимъ, что и удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей не обходится безъ человѣческихъ жертвъ; но въ данномъ случаѣ эти жертвы оправдываются *необходимостью*; а искусство роскошь, безъ которой можно обойтись. Впрочемъ, Левъ Николаевичъ не отвергаетъ искусства вообще. Это только въ началѣ его статьи проглядываетъ такая тенденція. Дальше, начиная уже съ 10-й страницы этого нѣтъ. Тутъ на 10-й страницѣ вами же подчеркнуто мѣсто: „Деньги собираются съ народа, который никогда не пользуется тѣми эстетическими наслажденіями, которыя даетъ искусство“¹⁾. Левъ Никол., очевидно, хотѣлъ высказать свой обычный взглядъ, что мы ничего не дѣлаемъ для простого народа, который въ сущности насъ кормитъ и поитъ, одѣваетъ и увеселяетъ,—ничего не дѣлаемъ и въ отношеніи искусства такъ же, какъ и въ отношеніи науки. Что Левъ Николаевичъ не отвергаетъ искусства вообще, ясно видно въ концѣ его изслѣдованія. Вотъ тутъ, на 47-й страницѣ (мой опонентъ указалъ мнѣ на подчеркнутое мѣсто) сказано: „Не будь другой способности человѣка заражаться чувствомъ, люди едва-ли бы не были еще болѣе дикими (подразумѣвается—чѣмъ при отсутствіи рѣчи) и главное, разрозненными и враждебными. И потому *дѣятельность искусства есть дѣятельность очень важная...* искусство, въ обширномъ смыслѣ слова, проникаетъ всю нашу жизнь“. Эти мѣста вполнѣ ясно подтверждаютъ, что Левъ Никол. признаетъ важность искусства.

Однако въ началѣ, на 9-й страницѣ онъ прямо говоритъ, что искусство даже „нарушаетъ любовь между людьми“. Онъ не допускаетъ, чтобы ради искусства люди трудились „подневольно“, на самомъ дѣлѣ—за деньги. Слѣдовательно, его утвержденіе равносильно уничтоженію искусства.

„Левъ Никол. желалъ бы уничтожить *вредное* искусство или бесполезное.

—Въ чемъ же должна состоять польза искусства, замѣтилъ я, объ этомъ графъ ничего не говоритъ во всей статьѣ. А вѣдь, это понятіе очень растяжимо: оно у cadaго человека иное, въ зависимости отъ его вкусовъ, стремленій, нравственныхъ качествъ и содержимаго его кошелька. Какъ

¹⁾ Тамъ же, 10 стран.

тутъ найти общее мѣрило полезности? Таковое различно для миллионера и для поденщика, для художника и безграмотнаго мужика. При отсутствіи такого общаго мѣрила полезности, что пужно разумѣть подъ „полезнымъ искусствомъ“?

„На это, по всему вѣроятію, Левъ Никол. отвѣтитъ въ своихъ послѣдующихъ брошюрахъ объ искусствѣ, замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Я впередъ могу догадаться, что онъ скажетъ о немъ; онъ скажетъ, что искусство должно имѣть въ виду исключительно *нравственныя* цѣли, т. е. исправленіе нравовъ, какъ то высказывалъ Платонъ еще до Толстого за 22½ вѣка. Эту догадку можно сдѣлать и на основаніи настоящей статьи; въ концѣ ея графъ говоритъ: „Не правы люди нашего европейскаго цивилизованнаго общества, круга и времени, допуская *всякое* искусство, лишь бы только оно служило красотѣ, т. е. доставляло людямъ удовольствіе... Прежде боялись, говорить графъ, какъ бы въ число предметовъ искусства не попали предметы, *развращающіе* людей, и запрещали его *все* (sic?). Теперь же только боятся, какъ бы не лишиться какого-нибудь наслажденія, даваемого искусствомъ, и покровительствуютъ *всякому*. И я думаю, что послѣднее заблужденіе *гораздо грубѣе* перваго, и что послѣдствія его *гораздо вреднѣе*“¹⁾. Этими словами графъ заканчиваетъ свой первый выпускъ объ искусствѣ. Итакъ графъ признаетъ, что лучше не имѣть никакого искусства, чѣмъ допускать *всякое*, которое служитъ одной только красотѣ, или эстетическому наслажденію.

„И я думаю, что Левъ Никол. вполне правъ. Если искусство не приноситъ никакой пользы, если оно даже развращаетъ: то такое искусство нужно изгнать изъ человѣческаго общества. Вѣдь, были же философы, которые *совсѣмъ* отвергали искусство, какъ напр. Платонъ“.

— Это утверждаетъ графъ, будто „Платонъ въ своей Республикѣ (вѣрнѣе—въ „Государствѣ“) и первые христіане и строгіе магометане; и буддисты часто даже отрицали *всякое* искусство“²⁾. Но это утвержденіе невѣрно. Платонъ *во все не отрицаетъ „всякаго“ искусства*; онъ отвергаетъ только *нѣкоторые* виды искусства, которые изнѣживаютъ и раз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 48.

²⁾ Тамъ же, V гл. 48 стр.

слабляютъ, и поэтому непригодны для будущихъ стражей, т. е. для воиновъ Платонова идеальнаго государства. Я вамъ покажу соотвѣтственное мѣсто въ переводѣ Карпова. Вотъ извольте сами прочесть. Я принесъ III томъ, содержащій Государство Платона, и отыскавъ соотвѣтственныя мѣста, далъ ихъ прочесть моему оппоненту ¹⁾. Какъ вы убѣдились, Платонъ не отвергаетъ *всего* искусства, а только вредное для будущихъ правителей и воиновъ. Впрочемъ, самъ Платонъ на старости лѣтъ отказался отъ своего идеальнаго и не осуществимаго на землѣ государства; въ своемъ посмертномъ сочиненіи „Законы“ Платонъ проводитъ другой осуществимый идеаль государства и воспитанія. Графъ, очевидно, не только не читалъ упоминаемаго имъ сочиненія Платона; но вообще недостаточно освѣдомленъ относительно его философіи. Такъ же невѣрно сообщеніе графа и относительно первыхъ христіанъ, магометанъ и буддистовъ. Никто изъ нихъ не отвергалъ „*всякое* искусство“: объ этомъ лучше всего свидѣлствуютъ сохранившіеся древніе храмы въ Каирѣ, въ Индіи и дворцы калифовъ, напр. Алыамбра въ Гренадѣ. Всѣ они отличаются высокимъ художествомъ и архитектуры, и орнаментики; а у буддистовъ имѣются даже художественныя изваянія Будды (Сакіа-муни). Искусство вообще, какъ и науки, отрицали одни лишь киники, въ особенности Діогенъ Синопскій, проповѣдуя возвращеніе „къ природѣ“, т. е. къ первобытному скотскому состоянію. Съ ними много общаго имѣютъ и проповѣди графа Л. Н. Толстого.

¹⁾ Въ мѣстахъ, отмѣченныхъ мною, оказалось что Платонъ отвергаетъ плаксивыя музыкальныя гармоніи, а также разнѣживающія и разгульныя; а изъ инструментовъ— тригоны, пиктиды и вообще всѣ многострунные и многогармоничные инструменты; изъ духовыхъ— флейту. Однако онъ удерживаетъ лиру, цитру и пастушью свирѣль. Изъ области поэзіи Платонъ отвергаетъ „подражательную“ эпическую и драматическую, „если она подражаетъ людямъ *несчастливымъ*“. Платонъ отвергаетъ также изъ Омира (Гомера) и Исіода (Гезіода) ихъ неприличныя и развращающія повѣствованія о богахъ и герояхъ; а также— трагедіи и комедіи. Живописцы и ваятели, по мнѣнію Платона, не должны изображать „ничего безнравственнаго, постыднаго, низкаго, непристойнаго“ (Платонъ, переводъ Карпова III кн. 377, 386, 394, 398—401; и X кн. 605—607.

„Можетъ быть, ссылка Льва Николаевича не совсѣмъ точна относительно мыслителей, отвергавшихъ искусство всецѣло; но онъ самъ отвергаетъ лишь *вредное и бесполезное* искусство. Согласитесь, что искусство—роскошь, безъ которой можно обойтись. Но къ чему поддерживать такую роскошь, если она развращаетъ человѣка. Такъ напр., что это за искусство, которое состоитъ въ дрыганіи ногъ, называемомъ балетомъ? Что проку въ вертѣніи пальцевъ, называемомъ въ музыкѣ техникой, если оно не выражаетъ никакой идеи, не вызываетъ никакого чувства? По моему, это своего рода фокусничество. Вѣдь, эдакъ можно включить въ область искусства и фокусы, и цирковыя представленія. Эдакъ можно возвести въ достоинство художниковъ разныхъ скомороховъ, клоуновъ, канатныхъ плясуновъ, акробатовъ и цирковыхъ наѣздниковъ.

—Ваше замѣчаніе основательно, замѣтилъ я. Слово „искусство“ можно понимать различно. Поэтому намъ прежде всего нужно согласиться относительно того, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ? Только послѣ разрѣшенія этого вопроса мы можемъ взяться за разрѣшеніе другого вопроса,—должно ли искусство добиваться практическихъ, постороннихъ ему цѣлей, или же искусство имѣетъ свою собственную *самодовольствующую*, непосредственную цѣль, вытекающую изъ его сущности. Другими словами спрашивается: должно ли искусство быть *чистымъ* или *тенденціознымъ*?

III.

Спрашивается, что мы будемъ разумѣть подъ словомъ „искусство“? Одинаковое ли оно имѣетъ значеніе въ слѣдующихъ фразяхъ: „Левъ Николаевичъ обладаетъ большимъ искусствомъ популярно писать“, и во фразѣ: „греческое искусство достигло совершенства“?

„Нѣтъ, не одинаковое, нерѣшительно сказалъ мой собесѣдникъ“.

—Въ первомъ случаѣ, я, подъ словомъ „искусство“ понимаю способность художественно изображать картины, зданія, орнаменты, узоры, музыка и проч. Въ первой фразѣ „искусство“ обозначаетъ способность

человѣка *творить* художественныя произведенія. Объ этой способности мы догадываемся только на основаніи видимыхъ и слышимыхъ произведеній, создаваемыхъ человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ искусство есть нѣчто субъективное, не видимое и не слышимое; это—способность души, или же совокупность многихъ способностей и скрытыхъ силъ душевныхъ, обусловленныхъ и прирожденными дарованіями, и цѣлымъ рядомъ упражненій и знаній. Это—почти то же, что мы подразумеваемъ подъ словами „творчество“ и „техника“. Левъ Николаевичъ не отличаетъ этихъ различныхъ значеній въ своемъ разсужденіи объ искусствѣ.

„Левъ Николаевичъ имѣлъ въ виду совокупность художественныхъ произведеній.

— Слѣдовательно и мы должны опредѣлить искусство въ его *объективномъ* значеніи, т. е. какъ совокупность художественныхъ произведеній, извѣстныхъ намъ въ настоящее время, а не—будущаго искусства, о которомъ намъ ничего не извѣстно.

„Конечно, такъ.

— Итакъ прежде всего спрашивается, какія человѣческія произведенія мы называемъ „художественными“? Вѣдь, и въ этомъ отношеніи существуютъ разногласія. Выражаясь научно, мы сперва должны опредѣлить *объемъ* понятія „искусство“.

„Подъ художественными произведеніями обыкновенно разумѣютъ произведенія такъ называемыхъ изящныхъ искусствъ: архитектуры, скульптуры, живописи, поэзіи, музыки.

— А драматическое искусство и оркестрику, или театральные танцы, вы не включаете въ объемъ понятія „искусство“?

„Драматическаго искусства никто не отвергаетъ; но танцы отвергаетъ Левъ Николаевичъ; я тоже не признаю ихъ за настоящее искусство.

— Въ такомъ случаѣ и графъ Толстой, и вы идете противъ общепринятаго значенія и употребленія слова „искусство“: безъ балета не обходится опера. Слѣдовательно, вы *произвольно* измѣняете смыслъ общепринятаго слова. Впрочемъ, чтобы намъ понапрасну не спорить, я соглашусь съ графомъ, такъ какъ суть дѣла, т. е. содержаніе

понятія „искусство“, котораго мы ищемъ, не измѣнится отъ исключенія этой одной отрасли искусства.

„Я думаю, что и по содержанію есть существенное различіе между танцами и признанными нами отраслями искусствъ, напр., поэзій.

— Это выяснится въ дальнѣйшемъ. Теперь же мы приступимъ къ отысканію *содержанія* понятія „искусство“, или его сущности. Для этого нужно отыскать тотъ общій признакъ, который присущъ *каждому* произведенію искусства, и только таковымъ, безъ котораго не бываетъ таковыхъ.

„Это едва ли намъ удастся. Что можетъ быть общаго между статуей Аѳины и сонатой Ветховена?

— Очевидно, что-нибудь общее должно быть между ними, если они въ языкѣ подведены подъ *одно* общее понятіе „художественнаго произведенія“. Этотъ общій признакъ, котораго не имѣется у другихъ человѣческихъ произведеній, будетъ составлять *сущность художественныхъ* произведеній, или искусства въ его объективномъ значеніи.

„Вы, повидимому, по примѣру схоластики хотите дать формально логическое опредѣленіе искусства *per genus et differentiam specificam*?

— Конечно, такъ! Другого способа найти суть искусства я не знаю, если мы не будемъ произвольно измѣнять смыслъ общепринятыхъ словъ. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ играть словами и увеличимъ лишь путаницу и взаимныя недоразумѣнія. Итакъ, спрашивается, что общаго имѣютъ *все* художественныя произведенія, чего не имѣютъ, или что не составляетъ сущности *другихъ* человѣческихъ произведеній, напр.: ремесель, фабричной промышленности (техники)?

„Мнѣ кажется, что намъ не зачѣмъ продѣлывать этой сложной умственной операціи. Мы возьмемъ готовое опредѣленіе искусства, данное Львомъ Николаевичемъ, и рассмотримъ, обнимаетъ ли оно *все* отрасли искусства или нѣтъ. Потому мы убѣдимся, должно ли искусство быть полезнымъ и идейнымъ, или же оно можетъ быть одной правдой забавой.

— Ваше предложеніе значительно облегчаетъ нашу задачу. Однако оно не приведетъ насъ къ ея разрѣшенію.

Дѣло въ томъ, что опредѣленіе искусства, данное графомъ, произвольно и *неверно*.

„Какъ такъ? воскликнулъ мой собесѣдникъ, соскочивъ съ кресла.

— Къ сожалѣнію, оно такъ, замѣтилъ я хладнокровно. Нашъ философствующій графъ не признаетъ для себя обязательными требованія логики—добывать сущность общепринятаго понятія посредствомъ сравненія и анализа, что считалъ необходимымъ и продѣлывалъ еще Сократъ за 23 вѣка до графа. Левъ Николаевичъ избавляетъ себя отъ этой трудной умственной операціи, объявляя ее прямо не годной и сочиняя произвольно *свое* опредѣленіе.

„Не можетъ быть! воскликнулъ убѣжденный толсто-вецъ, преподававшій и логику въ VIII влассѣ гимназіи.

— А вотъ, извольте сами прочесть подлинныя слова графа. (Я отыскалъ соответственное мѣсто и читалъ его вслухъ). „Такъ что вся существующая эстетика... состоитъ въ томъ, чтобы... составить такую теорію искусства, по которой всѣ произведенія, которыя нравятся *известному кругу* людей (*sic!*) вошли бы въ эту теорію“ ¹⁾. (Графъ, очевидно, не одобряетъ этого). На слѣдующей страницѣ графъ продолжаетъ: „Всѣ (?) существующія эстетики составлены по этому плану. Въмѣсто того, чтобы дать опредѣленіе *истиннаго* искусства (т. е. того, которое признаетъ нашъ философствующій графъ) и потомъ, судя по тому, подходитъ ли или не подходитъ произведеніе подъ это опредѣленіе, судить о томъ, что есть и что не есть искусство, *известный* рядъ произведеній, по чему-либо нравящійся людямъ *известнаго* круга, (*sic!*) признается *искусствомъ* и опредѣленіе искусства *придумывается* такое, которое покрывало бы всѣ эти произведенія“ ²⁾. Вотъ вамъ и подлинныя слова самого графа. Вы видите, что графъ по своей поэтической наклонности не обходится безъ искаженій и натяжекъ, лишь бы отвергнуть требованія логики, которыя ему не нравятся. Такъ напр., графъ намекаетъ, будто эстетики разсматриваютъ *не все* произведенія искусства, а только *нѣкоторыя*, „которыя нравятся *известному* кругу“, но которыя не составляютъ „*истиннаго* искусства“. (Въ чемъ же состоитъ

¹⁾ Тамъ же IV гл. 38 стран. 15 строка снизу.

²⁾ Тамъ же IV гл., 39 стран. 15 строка снизу.

это истинное искусство, такъ и не разрѣшено графомъ). Кромѣ того, графъ рѣшительно утверждаетъ, что „все эстетикн составлены по этому плану“; а графъ и семи изъ нихъ не читалъ. Но желая блеснуть ученой эрудиціей, которой у него нѣтъ, графъ приводитъ 61 опредѣленіе искусства, приписанныя имъ философамъ-эстетамъ разныхъ странъ и народовъ, но заимствованныя графомъ изъ чужихъ изслѣдованій, которыхъ графъ не называетъ.

„Быть не можетъ! Вѣдь Левъ Николаевичъ приводитъ вездѣ цитаты, возразилъ мнѣ изумленный поклонникъ графа Толстого.

— Графъ приводитъ цитаты лишь изъ *пяти* сочиненій, при чемъ не всегда указываетъ ихъ изданія. Вотъ, извольте сами убѣдиться. Я показалъ брошюру и сталъ считать цитированныя подъ текстомъ сочиненія; ихъ дѣйствительно оказалось всего пять ¹⁾. Послѣ краткаго перечня этихъ опредѣленій графъ ихъ сводитъ въ четыре группы, говоря: „Вышесказанныя здѣсь сужденія о красотѣ и искусствѣ далеко не исчерпываютъ всего того, что написано объ этомъ предметѣ. Кромѣ того, каждый день (sic!) являются новые писатели объ эстетикѣ, и въ сужденіяхъ этихъ новыхъ писателей та же странная заколдованная неясность и противорѣчивость въ опредѣленіи красоты“. Послѣ нѣсколькихъ строкъ графъ дѣлаетъ такой выводъ: „Если не считать этихъ неудовлетворительныхъ попытокъ объективныхъ опредѣленій, — всѣ эстетическія опредѣленія красоты сводятся къ *двумъ* основнымъ воззрѣніямъ: первое то, что красота есть нѣчто, существующее само по себѣ, одно изъ проявленій абсолютно-совершеннаго—Идеи, Духа, Воли, Бога; а другое—то, что красота есть извѣснаго рода получаемое нами удовольствіе, не имѣющее цѣли личной выгоды“ ²⁾. Красота, по опредѣленію Канта, есть „безкорыстное наслажденіе“ ³⁾. Дальше на слѣдующей страницѣ графъ задаетъ вопросъ: „Что же такое въ сущности это понятіе красоты?“ и наконецъ приходитъ къ

1) 1) Schassler, Kritische Geschichte der Aesthetik, 18 72; 2) Veron, L'esthetique 18 78; 3) King, The philosophy of the Beautiful; 4) Kralik, Welterschönheit, Versuch einer allgemeinen Aesthetik; 5) Taine, Philosophie de l'art I.

2) Л. Н. Толстой, Что такое искусство? цитир. изд. IV тл. 35 стр.

3) Тамъ же, IV тл. 36 стр. 15 строка сл.

выводу: „Казалось бы... естественно было бы наукѣ объ искусствѣ не довольствоваться опредѣленіемъ искусства, основаннымъ на красоту, т. е. на томъ, что нравится, и искать общаго, приложимаго ко всемъ произведеніямъ опредѣленія, на основаніи котораго можно бы было рѣшать принадлежность предметовъ къ искусству. Но... такого опредѣленія нѣтъ“ 1). Затѣмъ графъ отвергаетъ правила логики выводить опредѣленіе общепризнаннаго понятія путемъ сравненія и анализа и наконецъ, безъ основаній отвергая наслажденіе изъ сущности искусства, даетъ свое произвольное и не-вѣрное опредѣленіе; на основаніи этого опредѣленія онъ желаетъ исключать изъ области искусства все, что не подойдетъ подъ него. Признаться, этотъ способъ разсужденія и критики очень удобенъ; но онъ не ведетъ къ истинѣ.

„Почему же?

— А вотъ, почему. Предположимъ, что мнѣ желатель-но доказать, что „Анна Каренина“ Льва Николаевича Толстого не художественное произведеніе. Тогда я даю свое произвольное опредѣленіе художественнаго романа и исключая Анну Каренину изъ числа художественныхъ произведеній. Я могу, напр., считать художественнымъ романомъ только такой, въ которомъ герой не моложе 30 лѣтъ, а героиня не старше 25. Тогда я заключаю такъ. Вронскій моложе 30 лѣтъ, а Анна Каренина старше 25: слѣдовательно, романъ Л. Н. Толстого не художественное произведеніе, quod erat demonstrandum! Такого метода придерживается нашъ философствующій графъ. Впрочемъ, эту привилегію графъ предоставилъ только себѣ. Тримя страницами раньше (на 36) онъ называетъ опредѣленіе красоты, какъ проявленіе абсолютно совершеннаго „мистическимъ, фантастическимъ и ничѣмъ не обоснованнымъ“. Очевидно, другимъ философамъ не разрѣшено такъ же поступать, какъ графу, т. е. давать не обоснованныя опредѣленія.

IV.

„Я не понимаю, почему вы опредѣленіе Льва Николаевича считаете не обоснованнымъ, возразилъ мой оппонентъ. Вы ничѣмъ не доказали своего утвержденія.

1) Тамъ же IV гл. 37 стран. 13 строка сл. [Маркировка мои].

— Это будетъ впереди: я еще не касался опредѣленія графа по существу. Я пока лишь устанавливаю тотъ фактъ, что графъ въ этомъ случаѣ отвергаетъ требованія логики. Впрочемъ, мы рассмотримъ, какъ нашъ графъ „обосновываетъ“ свое опредѣленіе. Вотъ что онъ говоритъ: „Для того, чтобы опредѣлить какую-либо человѣческую дѣятельность, (графъ имѣетъ въ виду искусство) надо понять смыслъ и значеніе ея, (Очень вѣрно!). Для того-же, чтобы понять смыслъ и значеніе какой-либо человѣческой дѣятельности (въ данномъ случаѣ искусства) необходимо прежде всего разсматривать эту дѣятельность *саму въ себѣ*“. Въ чемъ должно состоять это разсматриваніе дѣятельности „самой въ себѣ“ графъ не говоритъ, но вскользь прибавляетъ, что „необходимо разсматривать дѣятельность *саму въ себѣ, въ зависимости отъ ея причинъ и послѣдствій*, а не по отношенію только того удовольствія, которое мы отъ него получаемъ“¹⁾. И это по-ясненіе не вполне ясно; но поставленная запятая послѣ словъ „саму въ себѣ“ заставляетъ читателя думать, что именно въ „зависимости дѣятельности отъ ея причинъ, и послѣдствій“ состоитъ ея суть („дѣятельность сама въ себѣ“). Это предположеніе читателя тѣмъ болѣе вѣроятно, что графъ отвергаетъ обычный логическій способъ опредѣленія *genus et differentiam*, получаемый, на основаніи сравненія и анализа. Какъ бы то ни было, но „разсмотрѣніе причины и послѣдствій“ вовсе не составляетъ сущности искусства („дѣятельности самой въ себѣ“). Такъ напр., причина, побудившая графа написать свой романъ „Анну Каренину“—предположимъ, желаніе прославиться—ничуть не уясняетъ сущности романа вообще и въ частности „Анны Карениной“. Еще меньше уясняютъ сущность романа послѣдствія напечатанной „Анны Карениной“—примѣрно самоубійства по способу Анны Карениной, которой подражали многія изъ читательницъ. Кромѣ того, причинъ и послѣдствій можетъ быть очень много, которыя весьма различны въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ: слѣдовательно эти случайныя послѣдствія, а равно и причины отнюдь не могутъ заключать въ себѣ сути романа или уяснять ея. Такъ напр., причины, породившія „Анну Каренину“, могутъ быть не-

1) Тамъ же. IV тл. 40 стр. 17 строка св.

извѣстными или не сознанными самимъ авторомъ: слѣдовательно они не могутъ вліять на суть сознательнаго творенія. 2) У разныхъ авторовъ эти причины различны: одинъ пишетъ изъ-за славы, другой—изъ-за денегъ; третій—чтобы выставить въ невыгодномъ свѣтѣ тѣ личности, съ которыми онъ враждуетъ; четвертый—изъ желанія исправить нравы или произвести какія-нибудь другія перемѣны въ обществѣ; наконецъ, и многія изъ этихъ причинъ могутъ дѣйствовать совмѣстно. Эти причины могутъ мѣняться даже у одного и того же автора ¹⁾. Итакъ причина, вызвавшая какое-нибудь художественное произведеніе, которая можетъ быть каждый разъ иной, не можетъ выражать *суть* этого произведенія, ни искусства вообще. *Суть всегда и вездѣ остается та же*; а причины различны даже у одного и того же произведенія, у одного и того же творца-художника.

Такъ же различны и послѣдствія даже одного и того же произведенія въ зависимости отъ характера лицъ, его воспринимающихъ, отъ времени и мѣста. Такъ напр., „Анна Каренина“ въ однѣхъ читательницахъ вызывала состраданіе; въ другихъ—досаду и негодованіе за отсутствіе устойчивыхъ нравственныхъ правилъ героини; въ иныхъ же—подражаніе ея слабостямъ; а у нѣкоторыхъ—даже подражаніе въ самоубійствѣ. *Слѣдовательно ни причины, ни послѣдствія художественнаго произведенія не могутъ уяснить сущности искусства.*

„La critique est aisé, l'art est difficile, ввернулъ мой собесѣдникъ.

— Но про Льва Николаевича, какъ разъ, можно сказать обратное, прибавилъ я съ улыбкой: для него искусство легко, а критика трудна. Какъ писатель-беллетристъ онъ великъ, какъ критикъ философъ онъ слабъ. Все его произведеніе объ искусствѣ (въ 48 страницъ) есть не что иное, какъ критика существующаго искусства и всѣхъ существующихъ теорій искусства. Во всей брошюрѣ только пять послѣднихъ страницъ представляютъ собою „исслѣдованіе“

1) Такъ, графъ Толстой на старости лѣтъ предоставилъ публикѣ право безвозмездно перепечатывать послѣднія его произведенія: слѣдовательно на старости лѣтъ у него сократилось желаніе наживы. За первое напечатаніе своего „Воскресенія“ въ „Нивѣ“ онъ все же получилъ огромный гонораръ отъ издателя Маркса.

графа, т. е. попытку обосновать его собственное опредѣленіе искусства; а 43 страницы содержатъ въ себѣ критику. Изъ всей его критики мнѣ понравилась только критика Вагнеровскихъ оперъ; тутъ графъ дѣйствительно правъ: оригинальность и слава Вагнера такъ же раздута нѣмцами сейчасъ же послѣ ихъ побѣдъ надъ французами 1871 года, какъ и слава Канта¹⁾. Но и неудачная музыка Вагнера ничуть не оправдываетъ новой теоріи графа. Въ остальномъ критика графа неудачна. Такъ напр., графъ желаетъ опровергнуть всѣхъ эстетовъ въ томъ, что эстетическое наслажденіе, или красота, есть существенный признакъ искусства, и для этого прибѣгаетъ къ сравненію, весьма неудачному. Онъ сравниваетъ искусство съ пищей и самоувѣренно, какъ Зевсъ олимпійскій, вѣщаетъ на 40 страницъ: „Вѣдь разбирая вопросъ о пищѣ... *всякій* (?) понимаетъ, что удовлетвореніе нашего вкуса *никакъ* (?) *не можетъ служить* основаніемъ опредѣленія достоинства пищи. Точно также и красота или то, что намъ нравится *никакъ* (?) *не можетъ служить* основаніемъ опредѣленія искусства, и рядъ предметовъ, доставляющихъ намъ удовольствіе, *никакъ* (?) *не можетъ быть* образцомъ того, чѣмъ должно быть искусство“²⁾.

„Чѣмъ же это сравненіе неудачно?

— Неудача его сравненія видна во многомъ. 1) Пища не дѣятельность и не дѣйствіе, а вещества, имѣющія своимъ назначеніемъ питать организмъ человѣка и животныхъ. 2) При пищѣ внѣшняя форма я не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ питанія: пища пережевывается, и въ одинаковой формѣ попадаетъ въ желудокъ и кишечникъ. Между тѣмъ въ искусствѣ внѣшняя форма произведенія какъ разъ имѣетъ *существенное* значеніе для художественности произведенія. 3) Не вѣрно утвержденіе графа, будто удовлетвореніе нашего вкуса *никакъ* не можетъ служить основаніемъ опредѣленія достоинства пищи. Полторы тысячи милліоновъ людей и всѣ животныя, при возможности выбора своей пищи, руководствуются какъ разъ *вкусомъ* и обоняніемъ, не зная ничего объ органической химіи и физиологіи питанія. Впрочемъ, и ученые доктора медицины въ послѣднее время стали придавать должное значеніе и вкусовымъ качествамъ пи-

1) См. И. С. Прохана, Правда о Кантѣ, Харьковъ 1914 стр. 60—80.

2) Тамъ же, IV гл. 40 стр. 12-ая строка снизу.

щи: во всѣхъ благоустроенныхъ лѣчебницахъ и санаторіяхъ заботятся не только о питательности пищи, но и о ея вкусовыхъ качествахъ и о ея разнообразіи. Впрочемъ, не мнѣ читать графу лекцію о вкусной пищѣ: я знаю, что у него поваръ гораздо болѣе искусенъ въ своемъ кулинарномъ искусствѣ, чѣмъ моя кухарка, и что графу не безразлично, какіе щи ему подадутъ къ столу—вкусныя или же вонючія и не вкусныя. 4) Графъ могъ для сравненія взять болѣе подходящій предметъ, напр. сапоги: никто не руководится вкусомъ и запахомъ сапогъ, когда ихъ покупаетъ, а другими ихъ качествами: прочностью, легкостью, мягкостью верхней кожи, соотвѣтствіемъ ногѣ по размѣру, наконецъ и изяществомъ. Но вкусъ тутъ не играетъ никакой роли: слѣдовательно то же должно быть и въ искусствѣ, могъ бы заключить нашъ графъ. Ошибочность такого сужденія не трудно открыть. Оттого, что вкусъ и красота не существенны для сапогъ отнюдь не слѣдуетъ, что то же имѣетъ силу и по отношенію къ искусству. Всякое сравненіе хромаетъ; но немногія—въ такой мѣрѣ, какъ сравненіе графа между пищею и искусствомъ.

V.

Я остановился, стараясь уловить утерянную нить сужденія. Мой собесѣдникъ усѣлся въ кресло и тоже отдался своимъ размышленіямъ. Наступившей паузой мы воспользовались, чтобы закурить. Затягиваясь жадно дымомъ, я продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, у графа весьма похвально стремленіе согласовать искусство съ требованіями нравственности. Нравственность обязательна для cadaго чело-вѣка; ея требованія стоятъ выше и искусства, и науки. Поэтому *не должно допускать безнравственнаго искусства*; противъ этого нельзя возражать. Но неправъ графъ въ томъ, будто искусство исключительно должно служить *одной* нравственности, какъ ее понимаетъ графъ. А онъ ее понимаетъ слишкомъ узко, хотя и берется поучать въ этой области. Графу слѣдовало прежде прочесть и продумать хоть одну этику какого-нибудь выдающагося философа, хоть напр., общежитейскую, доступную среднему уровню, этику Ари-

стотеля, такъ называемую Пикомахову. Тогда онъ убѣдился бы, что послѣднимъ руководителемъ всѣхъ сознательныхъ дѣйствій человѣка оказываются 1) чувства удовольствія или страданія, 2) чувства или сознание *долга* (честности, *дѣлать*). Такимъ образомъ нравственность человѣка зависитъ и отъ наличности у него этическихъ чувствъ, напр., долга къ Богу, къ человѣку, къ себѣ, или же отъ страданій и наслажденій. Самая *польза* сводится къ преобладанію удовольствій, вызываемыхъ нашими дѣйствіями, по сравненію съ неизбежными неприятными чувствами, подмѣшиваемыми ко всему благородному и великому. Постоянныя однообразныя дѣйствія называются трудомъ, когда они продолжительны и утомительны; но трудъ *полезенъ* и для трудящагося и для того, для кого онъ трудится. Изъ этики и политики Аристотеля графъ могъ бы узнать, если онъ самъ до этого не додумался, что каждый человѣкъ въ отдѣльности и всѣ человѣческія сообщества и государства стремятся къ *блаженству* всѣхъ въ совокупности и cadaго въ отдѣльности. Такова цѣль cadaго государства, всякой морали, всякой религіи. При этомъ вовсе не нужно сдѣлаться эпикурейцемъ въ извращенномъ смыслѣ этого слова. Графъ въ своихъ философскихъ экскурсіяхъ отвергаетъ государство, которое содержитъ войско; а этого не дѣлаетъ даже Платонъ въ своемъ проэктѣ идеальнаго государства; графъ проповѣдуетъ вернуться всѣмъ къ сохъ и къ стадамъ овецъ, потому что жизнь городская растлѣваетъ нравственность и здоровье; графъ въ своихъ старческихъ произведеніяхъ высмѣиваетъ и даже порицаетъ огульно врачей и ученыхъ; но все же при себѣ держитъ дароваго доктора, своего адепта Маковицакаго; графъ высмѣиваетъ и философовъ-метафизиковъ, но самъ въ своей философіи уступаетъ даже третестепеннымъ философамъ. Въ своихъ главныхъ тенденціяхъ графъ близко стоитъ къ киникамъ, проповѣдывавшимъ возвращеніе къ природѣ, т. е. къ первобытному состоянію; но въ то же время графъ проповѣдуетъ своеобразную любовь и христіанство, что не мирится съ принципами киниковъ. Однимъ словомъ, въ одной тарелкѣ онъ подноситъ одновременно и горячія щи и холодное мороженое!

Отъ подобнаго грѣха не свободны многіе философы-электики, напр., Цицеронъ.

— Но Цицеронъ не имѣлъ претензіи выступать съ новшествами и поучать философовъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, будь себѣ книжкомъ, не понимающимъ и отвергающимъ всякую культуру, въ томъ числѣ и наслажденія искусствами: но не отвергай фактовъ и здраваго смысла. Если существуютъ уже нѣсколько тысячелѣтій произведенія искусствъ, которыя милліонамъ людей доставляли эстетическія наслажденія; если объ этихъ произведеніяхъ желаешь философствовать: то ихъ-то и рассматривай и изучай при построеніи теоріи искусствъ; бери то искусство, которое въ дѣйствительности *существуетъ*, а не воображаемое, желаемое, какимъ желаешь его сдѣлать.

„Почему же великій мыслитель не можетъ реформировать и искусство?“

— И это позволительно человѣку, который себя считаетъ великимъ реформаторомъ; но тогда давай другое заглавіе твоему разсужденію: тогда назови его примѣрно такъ: „Какимъ должно быть искусство?“

„Это ваше замѣчаніе основательно: Левъ Николаевичъ не такъ озаглавилъ свое изслѣдованіе; но въ этомъ нѣтъ большой бѣды.“

— Итакъ, если графъ разсуждаетъ о *существующемъ* искусствѣ, если со всякимъ произведеніемъ этого искусства неразрывно связано эстетическое наслажденіе, или красота, не свойственная другимъ человѣческимъ произведеніямъ или же не составляющая необходимаго ихъ качества: то эстетическое наслажденіе, или красота, оказывается *существеннымъ* признакомъ искусства (prorgium или ἰδιον Аристотеля). Все же другое, что имѣется и въ другихъ человѣческихъ произведеніяхъ или дѣйствіяхъ, такого признака не составляетъ. Таковы напр., выгода и польза, личная или общественная, матеріальная или нравственная. Слѣдовательно эти признаки, если бы они и сопровождали нѣкоторыя изъ произведеній искусства, не составляютъ его сути: они могутъ быть, но часто и отсутствуютъ въ произведеніяхъ искусства; они—случайные признаки, accidens (συμβεβηχός). Итакъ, *красота*, или эстетическое наслажденіе, *составляетъ суть искусства: она не можетъ быть исключена изъ понятія „искусство“*, вопреки разсужденіямъ графа.

„Левъ Николаевичъ не отрицаетъ возбужденія чувствъ“

произведеніями искусствъ; онъ расширяетъ область этихъ чувствъ на всѣ человѣческія чувства, которыми люди способны заражаться: въ сознательномъ зараженіи чувствами другихъ Левъ Николаевичъ видитъ задачу художника-творца и произведенія искусства; но возбужденіе одной только красоты Левъ Николаевичъ не признаетъ единственной задачей искусства. Согласитесь, что искусство, и въ особенности литература, далеко не всегда изображаетъ одно только прекрасное, напр. сатира; да и романъ, и драма часто изображаютъ намъ и страшное, и отвратительное.

— На это я отвѣчу, что и графа и васъ вводитъ въ заблужденіе слово „красота“; таковая въ эстетикахъ понимается въ *широкомъ* значеніи, въ которое включены и всѣ смѣшанныя и весьма сложныя эстетическія чувства. Во избѣжаніе недоразумѣній, я вмѣсто слова „красота“ буду употреблять терминъ „эстетическое наслажденіе“; таковое мы испытываемъ и при видѣ трагедіи съ преступнымъ героемъ и съ преступными другими дѣйствующими лицами; таковое мы испытываемъ и при изображеніи въ мраморѣ Медузы или при изображеніи Макбета въ трагедіи Шекспира. Развѣ не бываетъ прекраснаго портрета некрасиваго лица?

Еслибы нашъ графъ прочиталъ коротенькое (всего въ сорокъ страницъ) изслѣдованіе Аристотеля о художественномъ творчествѣ (*Пері ποιητικῆς*), то онъ, быть можетъ, не впалъ бы въ заблужденіе относительно искусства. Это изслѣдованіе Аристотеля, дошло до насъ неполнымъ и искаженнымъ; но все же оно и по сей день полагается въ основу во многихъ эстетикахъ, и въ особенности относительно трагедіи. О послѣдней графъ невѣрно утверждаетъ, будто она („драма“) передаетъ „чувство самоотреченія и покорности судьбѣ или Богу“. О ней можно сказать какъ разъ противное. Взглядъ Аристотеля на трагедію воспроизведенъ и Лессингомъ (Лаооконъ I—V гл. и Гамбургская Драматургія V); онъ и до сихъ поръ удержанъ въ теоріяхъ поэзіи. Изъ „поэтики“ Аристотеля графъ уже на первой страницѣ узналъ бы, что всѣ искусства состоятъ въ подражаніи ¹⁾; а

¹⁾ Этотъ взглядъ Аристотеля на сущность искусства, быть можетъ, не применимъ во всемъ отношеніи въ современномъ сложномъ видѣ, напр. въ вѣдѣ музыки и архитектурѣ; но относ. ихъ составныхъ частей онъ вѣренъ. — См. *Эстетика*, 1490.

на четвертой въ IV' главѣ онъ узналъ бы, что „подражаніе прирождено уже людямъ съ дѣтства, что человѣкъ изъ всѣхъ живыхъ тварей самая переимчивая, самая способная къ подражанію (*ἄφρον μίμητικώτατος*), и что всѣ люди находятъ удовольствіе въ подражаніяхъ“. Поэтому „мы съ удовольствіемъ смотримъ на удачныя изображенія животныхъ и мертвецовъ; а испытываемъ мы удовольствіе при видѣ такихъ изображеній потому, что зритель имѣетъ случай учиться и дѣлать догадку, обобщеніе; а ученіе весьма пріятно не только философамъ, но также и остальнымъ людямъ“¹⁾. Такъ говоритъ Аристотель. Слѣдовательно и удачныя изображенія предметовъ или дѣйствій, противныхъ, страшныхъ или печальныхъ,—если они соблюдаютъ требованія искусства—доставляютъ зрителю (или слушателю) интеллектуальное наслажденіе, которые нѣкоторые эстеты называютъ „прекраснымъ“, а другіе—„характернымъ“. (Кажется, этотъ терминъ принадлежитъ Гербарту). Итакъ мы видимъ, что *всякое подражаніе и всякое художественное произведеніе, не исключая изображеній печальнаго, страшнаго и безобразнаго, доставляетъ удовольствіе*, хотя бы къ этому чувству подмѣшивались слабыя чувства грусти, страха, досады, отвращенія: интеллектуальное удовольствіе беретъ верхъ, и получается сложное, но въ общемъ пріятное чувство, которое мы называемъ „эстетическимъ наслажденіемъ“, или „красотой“ въ широкомъ смыслѣ. Это эстетическое наслажденіе не можетъ быть устранено изъ понятія художественнаго произведенія: оно составляетъ его *существенный, неотъемлемый признакъ всякаго художественнаго произведенія, т. е. искусства*.

Итакъ совершенно невѣрно утвержденіе графа, будто „люди поймутъ смыслъ искусства только тогда, когда перестанутъ считать цѣлью этой дѣятельности красоту, т. е. наслажденіе“, и что будто при такомъ взглядѣ на искусство „опредѣленіе его невозможно“²⁾.

„Левъ Николаевичъ, очевидно, иначе понимаетъ слово „красота“, чѣмъ вы. Но суть искусства онъ понялъ вѣрно.

1) *Aristoteles, Poëtica IV, cap.*

2) *Л. Н. Толстой, Что такое иск. цитир. изд. IV гл. 41 стран.*

VI.

— Если графъ иначе понимаетъ слово „красота“, то его отрицаніе красоты въ искусствѣ основано на недоразумѣніи. Во всякомъ случаѣ, его опредѣленіе искусства произвольно и *неверно*.

„Почему?“

— А вотъ, извольте посмотрѣть сюда; тутъ въ послѣдней главѣ графъ рассуждаетъ такъ: „Для того, чтобы опредѣлить искусство, надо прежде всего перестать смотрѣть на него, какъ на средство наслажденія; а—разсматривать искусство, какъ одно изъ условій человѣческой жизни. Разсматривая же такъ искусство, мы *не можемъ* не увидѣть, что искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собой“¹⁾.

Дальше графъ рассуждаетъ: „Дѣятельность искусства основана на томъ, что человѣкъ, воспринимая слухомъ или зрѣніемъ выраженія чувства другого человѣка, способенъ испытывать то же самое чувство, которое испыталъ человѣкъ, выражающій свое чувство“²⁾. Затѣмъ приводятся примѣры выраженія чувствъ и наконецъ—примѣръ мальчика, рассказывающаго о своей встрѣчѣ съ волкомъ, послѣ чего дѣлается такое обобщеніе: „Какъ только зрители-слушатели заражаются тѣмъ же чувствомъ, которое испыталъ сочинитель, это и есть искусство. Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линий, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство,—въ этомъ состоитъ *дѣятельность искусства* (sic!). *Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно известными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ*“³⁾. Вотъ вамъ длинные слова графа. Если бы это опредѣленіе было вѣрно,

¹⁾ Тамъ же, IV гл. 43 стран. На стран. 9-ой (11-ая строка снизу) графъ утверждаетъ противоположное, будто „искусство нарушаетъ любовь между людьми“; а въ самомъ концѣ (на 2 стран.) онъ говоритъ: „такіе люди [т. е. представители искусства]... дичаютъ въ этихъ исключительныхъ, одуряющихъ занятіяхъ“ [т. е. искусства].

²⁾ Тамъ же V гл. 44 стран.

³⁾ Тамъ же V гл. 46 стран.

то тогда всякій рассказъ обманщика или нищаго, изображающаго свои страданія или передающаго о своихъ (небывалыхъ) несчастіяхъ, нужно бы считать за художественное произведеніе. Наоборотъ, изваяніе олимпійскаго Зевса нельзя признать за таковое, такъ какъ намъ неизвѣстно, испытывалъ ли Фидій тѣ чувства во время изготовленія этой статуи, которыя она вызываетъ въ современныхъ зрителяхъ. То же можно сказать о всѣхъ произведеніяхъ искусства. А копии и произведенія, исполняемая машинально, непременно должно исключить изъ числа художественныхъ произведеній, такъ какъ во время ихъ исполненія художники не испытывали тѣхъ чувствъ и настроеній, которыя испытываютъ ихъ слушатели и зрители. Поэтому пьеса, разыгрываемая въ сотый разъ піанистомъ-виртуозомъ, не должна быть признана за художественное произведеніе или исполненіе такового.

„Я думаю, что такія исполненія относятся къ *техникѣ*, а не къ искусству, замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Такое пониманіе слова „искусство“ противно обычному, такъ какъ и виртуозовъ-исполнителей и талантливыхъ портретистовъ и даже копистовъ всѣ признаютъ за художниковъ, хотя бы они не создавали новыхъ твореній, а только *воспроизводили* существующія. Даже такія творенія, которыя воспроизведены *механическимъ* образомъ, если они удачны, признаются за „художественныя“, напр., гравюры, олеографіи, гипсовыя статуи. Кромѣ отмѣченныхъ недостатковъ, въ опредѣленіи графа условіемъ искусства поставлена „*сознательность*“, а это тоже невѣрно. Отъ частаго повторенія не только разныя движенія, но и самыя сложные умственные процессы совершаются *безсознательно*, машинально. А во снѣ развѣ мы не произносимъ рѣчей, иногда очень художественныхъ? Развѣ мы не сочиняемъ во снѣ художественныхъ сценъ, умѣло распредѣляя роли разнымъ лицамъ соответственно ихъ характерамъ? Вѣдь, во снѣ мы всѣ—драматурги и актеры. А импровизаторы, безъ всякой подготовки развѣ не творятъ художественныхъ твореній почти мгновенно. Они сами не даютъ себѣ отчета, *какъ* это у нихъ творится. Такъ же, почти безсознательно творятъ и поэты, когда на нихъ находитъ вдохновеніе. Итакъ неужели всѣ перечисленныя художественныя творенія должно исключить

изъ области искусства только потому, что графу было угодно придумать свое произвольное и невѣрное опредѣленіе? Сверхъ того, не каждый слушатель или зритель способенъ заражаться каждымъ чувствомъ художника-творца. Неужели поэтому художественное произведеніе перестаетъ быть таковымъ, что слушатель или зритель его не понимаетъ и „не заражается чувствомъ“ художника-творца? Вѣдь неразвитой крестьянинъ не заразится чувствомъ Чайковскаго при слушаніи его симфоніи; а Камаринская, исполненная на гармоникѣ деревенскимъ парнемъ, приведетъ его въ восторгъ. Поэтому Камаринская будетъ художественнымъ произведеніемъ, а симфонія не будетъ таковымъ?

„Конечно, этого никто не станетъ утверждать.

— Однако по опредѣленію графа Л. Н. Толстого, можно отвергнуть любое произведеніе искусства, такъ какъ всегда можно найти невѣжественнаго человѣка, на котораго оно не произведетъ должнаго впечатлѣнія. Наконецъ, въ своемъ опредѣленіи искусства графъ не дѣлаетъ разницы между художникомъ-творцомъ и художникомъ-техникомъ, или исполнителемъ идеи или замысла творца. Такимъ образомъ, по опредѣленію графа, всякое исполненіе оркестра или хора можно исключить изъ числа художественныхъ твореній, такъ какъ исполнители (по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ) не испытываетъ тѣхъ чувствъ, которыя вызываются въ слушателяхъ и которыя, быть можетъ, одушевляли композитора въ моментъ его творчества. Наоборотъ, балетъ, который графъ считаетъ „развратнымъ представленіемъ“, по его же опредѣленію, должно признать за искусство, если балерины будутъ испытывать тѣ же чувства, которыя вызываются въ зрителяхъ. Слѣдовательно нашъ философствующій графъ самъ себѣ противорѣчитъ. Жаль, что онъ понапрасну потерялъ столько словъ и къ тому же и насъ увлечь къ тратѣ силъ и времени, не давъ ничего цѣннаго, кромѣ вритіи Вагнера. Вслѣдствіе его ослѣпленности сколько потрачено печатной бумаги, чернилъ, трудовъ, наборщиковъ и переплетчиковъ, занятыхъ въ разныхъ типографіяхъ при печатаніи и переплетѣ брошюръ объ искусствѣ графа Л. Н. Толстого! Поплачемъ по примѣру графа по поводу этой бесполезной траты труда ни въ чемъ недовѣннаго народа, который мы не имѣемъ права заставлять *подневольно* тру-

диться для искусства“¹⁾, а тѣмъ менѣе для бесполезныхъ разсужденій объ искусствѣхъ.

„Однако какой вы безпощадный насмѣшникъ! Заслуги Льва Николаевича стоятъ лучшаго обращенія съ нимъ, съ укоризной замѣтилъ мнѣ мой опонентъ.

— *Quamquam ridentem dicere verum quid vetat?* ска- залъ я въ свое оправданіе слова Горация²⁾. За заслуги я воздаю графу по заслугамъ; а за слабости и грѣхи свои онъ стоитъ осужденія. Повѣрьте мнѣ, что врядъ ли кто-ни- будь больше меня восторгался его художественными про- изведеніями изящной литературы. Но для философіи у графа мало данныхъ, и я, право, не понимаю, для чего онъ фи- лософствуетъ передъ толпою.

„Заподозрѣть его въ корыстолюбіи и эгоистическихъ побужденіяхъ никакъ нельзя: вѣдь, онъ предоставилъ пу- бликѣ безвозмездно свои сочиненія послѣднихъ лѣтъ. Очевидно, онъ заинтересованъ распространеніемъ истины и правды.

— А я думаю, что онъ просто жаждетъ популярности и славы. Графъ не довольствуется своими старыми, хотя и неувядшими, лаврами писателя-романиста, но жаждетъ уд- вить толпу еще *новымъ* искусствомъ, на подобіе Слона въ нашей баснѣ; однако это новое искусство ему совсѣмъ не по плечу. А толпа, слѣпо поклоняющаяся своимъ кумирамъ не можетъ разобраться въ сложныхъ и запутанныхъ вопро- сахъ философіи, религіи, политики, искусства. Злоупотребляя своимъ громкимъ именемъ, графъ зайгрываетъ и кокетни- чаетъ съ грамотной толпой и при этомъ не только ломаетъ стулья, но отъ куреній толпы, подобно дельфійской Пифіи, приходитъ въ экзальтацію и порой произноситъ парадок- сальныя изреченія, которыя толпа принимаетъ за проро- ческія вѣщанія!

Я невольно всталъ со стула и безпокойно зашагалъ по комнатѣ, отдаваясь потоку нахлынувшихъ чувствъ и мыслей. Вернувшись къ моему собесѣднику, о которомъ я забылъ на мгновенье, я продолжалъ:

¹⁾ Л. Н. Толстой, Что такое иск. цитир. изд. II гл. 10 стран. 16 строка св.

²⁾ *Horatii, Satyrae I.* „Однако ничто не мѣшаетъ со смѣхомъ говорить правду“.

— Спрашивается однако, ужели такъ невинна игра въ Пшеи, затѣянная графомъ? Я знаю примѣры, что молодые люди, наглотаившись нравственно-философскихъ проповѣдей графа Толстого и не переваривъ ихъ, бросали университетскія скамьи и обратились въ бѣгство отъ „растлѣвающихъ жизнь“ городовъ, ища за сохой и заступомъ новыхъ идеаловъ! Я знаю одного молодого увлекающагося человѣка, словака изъ Венгрии, который благодаря проповѣдямъ графа не захотѣлъ исполнять воинской повинности—и кончилъ дѣло тюрьмой и потерей своего докторскаго диплома и врачебной практики. Свою жизнь онъ вскорѣ кончилъ въ Лондонѣ въ числѣ социаль-революціонеровъ. Дилеттантизмъ графа въ философіи нельзя считать невинной забавой, если онъ свѣтъ плевелъ и производитъ смуту въ незрѣлыхъ головахъ и головкахъ! Такой человѣкъ, какъ графъ Л. Н. Толстой, и притомъ въ такіе преклонные годы, не имѣетъ права быть легкомысленнымъ: вспомните басню нашего дѣдушки Крылова „Сочинитель и Разбойникъ“!.. Не можетъ графъ не знать, что и геніальнѣйшіе философы заблуждались, даже и такіе, которые всю свою жизнь посвятили исключительно философіи; а графъ ничѣмъ не оправдалъ своихъ претензій на философію. Не можетъ же онъ считать себя непогрѣшимымъ. Поэтому я не могу быть снисходительнымъ къ популярной философіи графа, которая свѣтъ смуту и дѣлаетъ несчастными образованныхъ, но увлекающихся юношей и малограмотную чернь. Вспомните, какъ онъ высмѣиваетъ ученыхъ и философовъ; вспомните, какъ онъ кощунствуетъ въ своей Крейцеровой Сонатѣ надъ обрядами и таинствами православной церкви: сегодня я заразился его тономъ и манерой говорить. Пусть же графъ получитъ возмездіе тѣмъ же мечомъ, который самъ обнажилъ!

VII.

Наступило молчаніе. Мой терпѣливый слушатель задумался. Докуривъ свою папиресу, онъ со вздохомъ произнесъ:

„А все же, если бы Левъ Николаевичъ не написалъ своей статьи объ искусствѣ, то намъ не пришлось бы въ голову пофилософствовать на эту тему. Что тамъ ни говори, а Левъ Николаевичъ будитъ насъ отъ спячки. Допустимъ,

что онъ не философъ по профессіи; но онъ заставляетъ насъ читать и философствовать даже своими чисто литературными произведеніями. Помнится, нѣсколько лѣтъ тому назадъ я для сестры выписывалъ дешевый журналчикъ; его заглавіе не припомню, кажется „Вѣстникъ иностр. литературы“. Однажды передъ сномъ, ложась въ постель, я взялъ въ руки послѣдній номеръ журналчика, еще не разрѣзанный, и началъ читать съ первой страницы, чтобы скорѣе уснуть. Но не тутъ-то было: читаю, читаю и не могу оторваться: удивляюсь художественности изложенія, яркости красокъ и картинъ, тонкости психологическаго анализа. „Да кто же это такъ пишетъ въ дешевомъ журналѣ?“ изумился я; разрѣзываю книгу до послѣдняго листика разсказа и читаю подпись автора „Л. Н. Толстой“. „То-то!“ воскликнулъ я невольно, и безъ остановки дочиталъ весь разсказъ съ возрастающимъ и духъ захватывающимъ интересомъ—вся ночь ушла на чтеніе разсказа: это былъ „Хозяинъ и работникъ“. Да, художественно написано, а фабулы почти нѣтъ. А сколько думъ, сколько мыслей вызвалъ онъ.

— Жаль, что графъ не продолжаетъ именно этой дѣятельности, прибавилъ я: въ ней-то онъ неподражаемый мастеръ! Однако и въ ней за послѣдніе годы проглядываетъ нѣкоторая тенденціозность и прописная мораль: работникъ добрѣе и благороднѣе хозяина; работникъ не замерзаетъ, а хозяинъ замерзаетъ, хотя онъ гораздо лучше былъ защищенъ отъ холода.

„А по вашему развѣ не можетъ быть художественнымъ литературное произведеніе и въ то же время служить нравственной тенденціи?“

— Мораль, конечно, можетъ быть и часто она бываетъ въ литературныхъ произведеніяхъ; но только она не должна, итти въ ущербъ съ жизненной правдой, не должна быть какъ говорятъ, „притянутой за волосы“. Вполнѣ уместна она въ лирикѣ, напр. въ сатирѣ, въ баснѣ, въ эпиграммѣ; но все же даже не во всей лирикѣ она составляетъ существенный признакъ лирическаго произведенія. Отсутствуетъ же нравственная тенденція въ орнаментикѣ и въ живописи пейзажей, морскихъ видовъ и *nature morte*; отсутствуетъ она и въ произведеніяхъ музыки, которыя не примѣнены къ опредѣленнымъ словамъ и къ религіознымъ обрядамъ.

Нравственная тенденція, очевидно, не входитъ въ понятіе искусства, какъ существенный признакъ: поэтому она не должна составлять непосредственной цѣли искусства, другими словами, *искусство не должно быть тенденціознымъ!*

„Но одной праздной забавой? съ ироніей ввернулъ мой опонентъ.

„Нѣтъ! Я этого не утверждаю. Я не отвергаю того факта, что всякое искусство, и даже чистое искусство, содѣйствуетъ нашему облагораживанію и нравственному совершенствованію: оно намъ доставляетъ возвышенныя интеллектуальныя наслаженія, и притомъ безкорыстныя,—одновременно множеству людей, сближая ихъ въ единомъ общемъ настроеніи. Искусство облагораживаетъ наши вкусы и стремленія и отвлекаетъ насъ отъ низменныхъ развлеченій и пагубныхъ страстей. Но всё эти дѣйствія искусства—болѣе отдаленныя; они достигаются цѣлымъ рядомъ *разныхъ* произведеній искусства, и притомъ зависятъ и отъ подготовленности людей, наслаждающихся искусствомъ. Такимъ образомъ нравственно-воспитательныя вліянія искусства являются болѣе отдаленнымъ дѣйствіемъ искусствъ, но не составляютъ ихъ непосредственной и ближайшей задачи. Нравственно-воспитательная цѣль стоитъ на первомъ мѣстѣ въ *другихъ* отрасляхъ человѣческой культуры, а именно: въ религіи, въ законодательствѣ, въ правосудіи, въ этикѣ или нравственной философіи, въ политикѣ, въ педагогикѣ. Правда, иногда злоупотребляютъ искусствомъ, преслѣдуя постороннія ему цѣли, въ томъ числѣ и безнравственныя; но злоупотребленіе не уничтожаетъ правила; въ злоупотребленіяхъ виновата дурная воля людей, а не искусство само по себѣ. То же, вѣдь, можно сказать о любой человѣческой дѣятельности. Развѣ не злоупотребляютъ иногда религіей, наукой, властью, законодательствомъ? И самъ графъ Л. Н. Толстой, такой выдающійся художникъ слова, злоупотребляетъ своимъ искусствомъ писать—для философскихъ и разсужденій, для которыхъ у него мало данныхъ. Тотъ же порохъ можно употребить и для фейерверковъ, для взрыванія подводныхъ скалъ, мѣшающихъ плаванію,—и для избіенія ни въ чемъ неповинныхъ людей!

Окончивъ свое сравненіе, я сѣлъ и задумался.

„Значить, вы согласны, что искусство не должно быть одной праздной забавой, замѣтилъ мой собесѣдникъ. Въ искусствѣ должна быть своя идея!

— Объ этомъ можно сказать: и да, и нѣтъ, отвѣтилъ я покойно. Это зависитъ отъ того, что мы будемъ разумѣть подъ этимъ словомъ: слово „идея“ имѣетъ за собой цѣлую литературу на протяженіи двухъ тысячелѣтій, начиная съ Платона и кончая нашимъ вѣкомъ.

Вошедшая служанка доложила, что поданъ уже обѣдъ.

— Объ идейности или идеѣ въ искусствѣ мы потолкуемъ съ вами когда-нибудь въ другой разъ.

Мой гость посмотрѣлъ на часы и вскочилъ, словно ужаленный: „Батюшки! Уже пять часовъ! Мы уже больше трехъ часовъ провели за нашей философіей объ искусствѣ. Однако все-таки не пришлн ни къ какому результату.

— Результатъ нашихъ разсужденій таковъ:

1) Слово „искусство“ употребляется въ двоякомъ значеніи: въ субъективномъ—какъ способность человѣка творить, и въ объективномъ значеніи, какъ совокупность созданныхъ человѣкомъ художественныхъ произведеній.

2) Въ понятіи „искусства“ въ его субъективномъ значеніи тоже нужно различать *два* стороны, а именно: способность создавать *новыя* оригинальныя художественныя творенія, т. е. *творчество* (въ тѣсномъ смыслѣ), и способность *воспроизводить и исполнять* задуманное другимъ, т. е. *технику*.

3) Въ понятіе „искусства“ входитъ, какъ *существенный и неотъемлемый признакъ, красота* въ широкомъ смыслѣ, возбуждаемая въ развитомъ зрителѣ или слушателѣ, независимо отъ ожидаемыхъ или возможныхъ выгодъ.

4) Искусство имѣетъ свои собственныя цѣли: оно *не должно быть тенденціознымъ*.

5) Графъ Толстой не только не опровергъ вѣ эстетики, но и самъ заблуждается относительно сути искусства, давъ неправильное опредѣленіе его.

7) Разсужденіе графа не только не уясняетъ сути искусства и его задачъ, но наоборотъ, вноситъ еще большую смуту въ умы читателей.

Вотъ, тѣ главнѣйшіе вопросы, которые мы съ вами обсудили. А теперь, любезнѣйшій Арсеній Поликарповичъ, подкрѣпимся пищей, которую графъ Толстой поставилъ рядомъ съ нами. Обѣда уже давно...

„А по вашему, что же такое искусство? Вы критиковали и опровергали графа; однако сами не дали никакого опредѣленія искусства.“

— Чтобы дать научное и вѣрное опредѣленіе искусства, для этого нужно было бы продѣлать ту сложную умственную операцію, которую я вамъ раньше намѣтилъ. Но для этого теперь у насъ нѣтъ ни времени, ни запаса свѣжихъ силъ. Объ этомъ мы потолкуемъ послѣ обѣда.

Гость мой согласился пообѣдать со мной и моей женой. Тема бесѣды была измѣнена: я намѣренно избѣгалъ возвращенія къ искусству. Послѣ обѣда я самъ возобновилъ бесѣду, сказавъ:

— *Искусство въ объективномъ значеніи этого слова есть совокупность человеческихъ произведеній, въ которыхъ подражаютъ элементамъ дѣйствительности; таковыя подражанія, сгруппированныя по опредѣленному плану, дѣйствуя на зрѣніе или слухъ (или на оба чувства вмѣстѣ) при соблюденіи возможной экономіи во времени и пространствѣ, могутъ вызывать или дѣйствительно вызываютъ эстетическія чувства.* А подъ таковыми я разумѣю приблизительно то же, что другіе называютъ „красотой“ въ широкомъ смыслѣ. Въ общемъ это—*пріятныя чувства и настроенія*, хотя въ нихъ часто бываютъ и примѣси непріятнаго. Эти чувства имѣлъ въ виду возбудить творецъ, или же исполнитель, или воспроизводитель-художникъ, хотя бы они сами не испытывали подобныхъ чувствъ во время творчества или во время воспроизведенія или исполненія чужого творенія. Таково мое опредѣленіе искусства.

Конечно, я не ручаюсь, что оно вполне точно: дать такое безъ предварительнаго подробнаго анализа весьма не легко. Тѣмъ не менѣе и безъ опредѣленія и безъ теоріи искусства такое существуетъ и услаждаетъ человѣчество уже тысячелѣтія; искусство будетъ существовать на землѣ до тѣхъ поръ, пока на экваторѣ среди льдовъ и снѣговъ не попуститъ духъ послѣдній человѣкъ! Будемъ и мы наслаждаться чистымъ искусствомъ: вмѣстѣ картъ и кутежей, несмотря ни на какія нападки и попытки поработить его какамъ бы то ни было поспороннимъ цѣлямъ! *Эт...*

И. О. Продана.

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ А. П. ЧЕХОВА.

Хороша жизнь! Правда, она тяжела, скоротечна, но зато какъ богата, умна, разнообразна, какъ изумительна“.

А. Чеховъ.

(„Письмо“).

„Солнце не восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды“.

А. Чеховъ.

(Разсказъ неизвѣстнаго человѣка).

I.

Разборъ богатаго духовнаго наслѣдія, оставленнаго намъ сошедшимъ раньше срока въ могилу нашимъ художникомъ А. П. Чеховымъ, можно сказать, еще только начинается. Пока живъ былъ самъ художникъ, критика, подъ вліяніемъ обаянія его сильнаго и красиваго дарованія, рѣдко пыталась проникнуть во внѣшній смыслъ его произведеній, больше интересуясь личными взглядами автора на ту или иную сторону общественной жизни. его направленіемъ. Нынѣ эти вопросы теряютъ свой интересъ. Наступаетъ пора совершенно объективнаго уясненія общаго смысла того богатаго художественнаго матеріала, который писатель оставилъ въ своихъ твореніяхъ. Несомнѣнно, онъ успѣлъ оставить намъ лишь крупницы своей многогранной души, снялъ лишь верхній слой зерна изъ богатаго закрома, тѣмъ не менѣе, и оставленное намъ заключаетъ въ себѣ живой интересъ, а вдумчивое изученіе этого наслѣдія обѣщаетъ очень важные выводы и обобщенія.

Покойный писатель, обладая въ высшей степени развитымъ даромъ художественнаго проникновенія, былъ такой удивительный мастеръ схватывать характернѣйшія черты окружающей его жизни, что каждая мелочь, каждый пустиакъ въ его произведеніяхъ имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе. Да, у него все просто, но простота эта, если къ ней присмотрѣться, въ высшей степени содержательна, полна тонкаго художественнаго проникновенія, яркости окраски настроеній и переживаній, глубины пониманія; самые узоры мыслей въ изящной простотѣ своей доведены до высшей степени совершенства, любимыя имъ черты проведены съ замѣчательнымъ мастерствомъ, красиво утончены и изящно округлены. Въ этомъ, конечно, и заключается тайна художественнаго творчества.

Весь секретъ той значительности, отъ сознанія которой мы не можемъ отказаться, читая произведенія Чехова, заключается въ томъ, что писатель почти въ каждомъ штрихѣ, каждой черточкѣ, отмѣчаемой какъ бы мимоходомъ, обнаруживаетъ глубокое умѣніе связывать ихъ съ конечными рѣшеніями вопроса о смыслѣ и стилѣ жизни. Въ частности, Чеховъ является изумительнымъ мастеромъ въ умѣніи придать своимъ образамъ яркую жизненную индивидуальность.

Чеховъ откликался на жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, служа, дѣйствительно, какъ бы эхомъ тому, что происходитъ въ жизни, заботясь прежде всего о вѣрности и правдѣ отраженій. Эти отраженія, проходя черезъ призму души художника, образовывали своеобразныя комбинаціи и получалось что-то новое, чего, можетъ быть, и нѣтъ на самомъ дѣлѣ, но что суммируетъ цѣлыя категоріи явленій дѣйствительности. Къ нему удивительно подходятъ слова Брандеса о Тургеневѣ: „прежде всего, говоритъ знаменитый критикъ, ему (т. е. Тургеневу) въ высшей степени свойственна особенность истинныхъ поэтовъ воспроизводить людей, которые дѣйствительно живутъ. Жизнь его образовъ, не только болѣе рельефно очерченная вѣщная жизнь, — они жизненны до кончиковъ пальцевъ; это въ то же время до такой степени внутренняя жизнь, что мы можемъ вполне и всесторонне изучить ее“. Эту характеристику вполне, цѣлкомъ можно отнести къ творчеству Чехова.

Теперь же посмотримъ, полюбуемся, хоть издалека, на тѣ грани жизни, которыя такъ или иначе нашли болѣе рельефное выраженіе въ его твореніяхъ, порою недосягаемыхъ по силѣ его глубокаго и проникновеннаго созерцанія, т. е. такихъ, которыми онъ оставилъ послѣ себя такой прекрасный слѣдъ и сумѣлъ завѣщать своему имени такой лучистый ореолъ, который неудержимо манитъ къ себѣ и будитъ желаніе постигать и постигнуть, хоть, отчасти, его высокое мастерство во всей его многогранности и сложности.

II.

Свое выступленіе на литературную дорогу Чеховъ отмѣтилъ небольшими рассказами, въ которыхъ обнаружился его веселый, молодой юморъ; этотъ юморъ мало-по-малу уступалъ мѣсто болѣе зрѣлому, вдумчивому, безпристрастному созерцанію жизни въ ея разнообразныхъ излученіяхъ. Въ этомъ созерцаніи жизни сказался очень зрѣлымъ очень крупный, очень оригинальный талантъ.

Задавшись цѣлью изучать жизнь и людей по отдѣльнымъ явленіямъ и лицамъ, стремясь накопить извѣстный, потребный запасъ наблюденій для того, чтобы въ богатомъ синтезѣ ихъ можно было найти данныя для такихъ или иныхъ выводовъ, обобщеній, заключеній, Чеховъ, однако могъ лишь вскрыть больныя стороны жизни и людей и поставить, быть можетъ, вѣрный, но неутѣшительный діагнозъ: онъ усмотрѣлъ въ жизни отсутствіе добра и счастья. Любопытнымъ въ этомъ отношеніи представляется одинъ изъ рассказовъ „Счастье“. Два пастуха, старикъ и молодой, стерегутъ ночью въ степи стадо овецъ. Возлѣ нихъ останавливается какой-то объѣздчикъ, чтобы достать огня для трубки; старикъ между прочимъ, начинаетъ съ нимъ разговоръ о томъ, что въ ихъ мѣстности повсюду закрыты клады—„счастье“ которое, однако, нельзя найти. Старикъ мечтаетъ найти такой кладъ, но, когда молодой пастухъ спросилъ, что-бы онъ сдѣлалъ съ найденнымъ „счастьемъ“, старикъ на это ничего не могъ отвѣтить. Рассказъ кончается такими словами: „въ синеватой дали, гдѣ послѣдній видимый холмъ сливается съ туманомъ, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые тамъ и сямъ высились надъ горизонтомъ

и безграничной степью, глядѣли сурово и мертво; въ ихъ неподвижности и беззвучии чувствовались вѣка и полное равнодушіе къ человѣку; пройдетъ еще тысяча лѣтъ, умрутъ миллиарды людей, а они все еще будутъ стоять, какъ стояли, ни мало не сожалѣя объ умершихъ, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будетъ знать, зачѣмъ они стоятъ и какую степную тайну прячутъ подъ собой“ 1).

Въ этомъ разсказѣ, въ прелестной жанровой картинкѣ авторъ, несомнѣнно, символизируетъ нѣкоторые выводы, сдѣланные имъ изъ своего изученія жизни; конечно, этотъ выводъ получился печальнаго характера и онъ дѣлаетъ его сдержанно, не рѣшается сообщить ему всеобщее значеніе; въ нарисованной имъ жизни разумъ и смыслъ отсутствуютъ; но не вся жизнь такова: если взобраться на одинъ изъ высокихъ холмовъ, то станетъ видно, „что на этомъ свѣтѣ, кромѣ молчаливой степи и вѣковыхъ кургановъ, есть другая жизнь, которой нѣтъ дѣла до закрытаго счастья и овечьихъ мыслей“ 2). Такой выводъ напрашивается при чтеніи многихъ другихъ разсказовъ Чехова, напр., „Случай изъ практики“, „Въ сумеркахъ“, „Хмурые люди“ и др.

Какъ внимательный наблюдатель и чуткій психологъ. Чеховъ, конечно, замѣчалъ такихъ людей, которые слишкомъ болѣзненно ощущаютъ ненормальности въ жизни, но они по его наблюденію, не могли ни сами рѣшить, что имъ дѣлать, какими способами бороться, съ этими ненормальностями, ни добиться желаннаго указанія, отъ кого этого указанія можно было бы требовать. Когда въ „Скучной исторіи“ Катя говоритъ Николаю Степановичу: „Я не могу дальше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога, скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать“?, то Николай Степановичъ можетъ только отвѣтить: „Что же я могу сказать? Ничего я не могу. По совѣсти Катя, не знаю“ 3). Или когда въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка“ на тотъ же вопросъ хочетъ получить отвѣтъ Зинаида Феодоровна, то между нею и „неизвѣстнымъ человѣкомъ“ выходитъ такой разговоръ: „Что дѣлать?—на этотъ вопросъ нельзя, отвѣтить сразу. Я прошу

1) Собрание сочиненій А. П. Чехова, изд. А. Ф. Маркса СПБ. 1918 г., т. V, стр. 48.

2) Ibid., стр. 49.

3) Op. cit., т. VII, стр. 116—117.

отвѣта по совѣсти, Владимиръ Ивановичъ, сказала она и лицо ея стало сердитымъ. Разъ я рѣшилась задать вамъ этотъ вопросъ, то не для того, чтобы слышать общія фразы. Я васъ спрашиваю, продолжала она, стуча ладонью по столу, какъ бы отбивая тактъ:—что я должна здѣсь дѣлать? И не только здѣсь въ Ниццѣ, но вообще? Подумайте серьезно и скажите: что мнѣ дѣлать? Научите меня. Служить идеѣ можно не на одномъ какомънибудь поприщѣ. Если ошиблись, извѣрились въ одномъ, то можно отыскать другое. Миръ идей широкъ и неисчерпаемъ. Миръ идей!—проговорила она и насмѣшливо поглядѣла мнѣ въ лицо. Такъ ужъ лучше мы перестанемъ... Что ужъ тутъ“ 1).

Многіе изъ его персонажей пришли къ такому отрицательному исповѣданію—иные съ грустью, а иные даже съ удовольствіемъ, какъ бы найдя въ немъ нѣкоторое душевное удовлетвореніе. Таковъ, въ особенности, Орловъ въ „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“, излагающій такія мысли: „Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ личность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость“ 2). „Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которые будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ безъ воли Отца Небеснаго, другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не творится такъ-себѣ. Все обосновано и необходимо. А если такъ, то что же намъ особенно беспокоиться“ 3).

Изображая и протестующихъ, и примиряющихся, Чеховъ, видимо, симпатизируетъ не послѣднимъ, не тѣмъ, которые философски примиряются съ дѣйствительностью. Въ „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“, едва ли случайно, лицо, совѣтующее пассивно отдаваться теченію жизни и капитулировать передъ неправдами и страданіями жизни, представлено авторомъ въ такомъ свѣтѣ, что оно никакъ не можетъ вызвать въ читателѣ симпатіи, расположенія къ себѣ. Видно, какъ Чехову больно мириться съ мыслью о невозможности борьбы съ торжествомъ добра, счастья въ жизни. Въ разсказѣ же „Домъ съ мезониномъ“ авторъ прямо на-

1) Op. cit., т. IX, стр. 83—84.

2) Ibid., стр. 26.

3) Ibid., стр. 91.

становляетъ на необходимости такой дѣятельности, которая облегчала бы народнымъ массамъ жизнь, будила бы самосознаніе, самоопредѣленіе, сознаніе свободы для проявленія ихъ природныхъ способностей, дарованій. „Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда. Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человѣка въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Сдѣлайте же для нихъ ненужнымъ грубый животный трудъ, дайте имъ почувствовать себя на свободѣ, и тогда увидите, какая въ сущности насмѣшка эти книжки и аптечки. Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, наука, искусства, а не эти пустяки. Наука и искусства, когда онѣ настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библиотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь“ 1). Вотъ онѣ ближайшія условія, которыя, по мнѣнію Чехова, необходимы для созданія возможности болѣе охватливой, осмысленной жизни; какъ для этого дѣйствовать—Чеховъ не указываетъ, такъ какъ практическая программа—уже не дѣло художника.

—Въ разнѣ

III.

—оя дѣлѣт ѣн

Пассивное созерцаніе жизни, найдя себѣ соотвѣтствующее выраженіе, мало-по-малу уступало мѣсто созрѣвающей силѣ критическаго отношенія ко всему, что отражала окружающая действительность въ его проникновенномъ созерцаніи. Чеховъ не только созерцаетъ жизнь, но и судитъ и съ высоты созрѣвавшихъ идеаловъ въ его душѣ Чеховъ протестуетъ противъ всякихъ „футляровъ“, въ которыхъ люди уходятъ отъ жизни, противъ уаости шаблоновъ, но умѣетъ въ высшей формѣ различать и чувствовать живое содержаніе человѣческой души, живую человѣческую личность.

Пристрастіе человѣческой природы къ прежнему опыту, привычка вращаться въ сферѣ хорошо усвоенныхъ формъ, и органическая боязнь всего новаго, что могло бы нарушить прежній опытъ, замѣчаютъ то, что заслуживаетъ иногда должнаго вниманія, находятъ для себя справедливую критическую оцѣнку. Жизнь по шаблонамъ парализуетъ умъ, чувство и волю, отнимая у нихъ свѣжую, здоровую пищу, изъ міра окружающей дѣйствительности и замыкая ихъ въ узкую сферу личныхъ переживаній; формальность въ жизни, патологически развивая самоуглубленіе, исканіе внутри себя „уразумѣнія“ сущности жизни, удаляетъ отъ живой жизни съ ея здоровыми впечатлѣніями, дающими ключъ къ разрѣшенію коллизій съ дѣйствительными отношеніями.

Въ разсказѣ „Человѣкъ въ футлярѣ“ рисуется человѣкъ, въ которомъ формализмъ развитъ до такихъ предѣловъ, какіе только можно себѣ представить. Бѣликовъ, учитель гимназіи, представляетъ типъ крайней замкнутости; онъ не только всѣ свои вещи держитъ въ футлярахъ, но и мысли. Всѣ его поступки опредѣлялись циркулярами, отъ которыхъ онъ не смѣлъ отступать ни на іоту. Бѣликовъ поддерживалъ, какъ ему казалось, дружественныя отношенія съ товарищами, но, при посѣщеніи кого-нибудь изъ нихъ, онъ все время молчалъ: лишнее слово, по его мнѣнію, могло его выдать и тѣмъ нарушить его покой. Единственная попытка оставить свой футляръ приводитъ его къ гибельному концу; исторія съ Коваленками—братомъ, учителемъ исторіи и географіи, и сестрой Варенькой, на которую онъ имѣлъ нѣкоторыя виды, окончилась такъ неудачно, что Бѣликовъ слегъ въ постель, съ которой больше не всталъ; „и когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе его было кроткое, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его положили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ. Да, онъ достигъ своего идеала“ 1). Къ аналогичнымъ разсказамъ относятся: „Іонычъ“, „По дѣламъ службы“, „Крыжовникъ“, „Любовь“, „Случай изъ практики“ и др.

Для самаго Чехова, наоборотъ, истинная жизнь только тамъ, гдѣ она освободилась отъ тисковъ формы, а торже-

1) Op. cit., т. XII, стр. 141.

ство послѣдней—смерть. Идеаль Чехова въ свободномъ расцвѣтѣ жизни, освобожденной отъ всѣхъ футляровъ, отъ всѣхъ, сковывающихъ, ее ограниченій, формъ; „принято говорить, что человѣку три аршина земли нужно. Но вѣдь три аршина трупу нужны, а не человѣку. Человѣку нужны не три аршина. не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ бы онъ могъ на просторѣ проявить всѣ особенности своего духа“¹⁾. И къ людямъ, въ душѣ которыхъ есть еще искра любви и святой уголокъ, обращается писатель съ горячимъ призывомъ: „Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, добры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ то болѣе разумномъ и великомъ. Дѣлайте добро“²⁾.

Настойчивый призывъ писателя къ дѣланію добра покоился на его твердомъ убѣжденіи, на его горячей вѣрѣ, которая росла и крѣпла; эта вѣра настолько незыблемо укрѣплялась въ душѣ Чехова, что даже созерцаніе такихъ проявленій неразумія и неправды, какъ описанныя имъ въ „Случаѣ изъ практики“, не подрывало ея. Въ этомъ рассказѣ Королеву, при видѣ багровыхъ оконъ фабрики, „казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ самъ діаволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми“³⁾. И тѣмъ не менѣе, на слѣдующее утро, „проѣзжая черезъ дворъ и потомъ по дорогѣ на станцію, Королевъ думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ это тихое, воскресное утро“⁴⁾.

Правда, горячая вѣра Чехова въ возможность торжества лучшей, счастливой жизни, признаніе, что въ жизни есть какой-то высшій смыслъ, во имя котораго надо жить, какъ бы это ни было подчасъ тяжело—эта вѣра замѣтно колебалась; въ неудержимомъ стремленіи поддержать въ себѣ и укрѣплять въ другихъ эту вѣру, писатель словно изнемогалъ, его духомъ овладѣвала усталость⁵⁾, но это изнеможеніе, эта усталость были временными, пока еще достаточ-

¹⁾ Ibid., стр. 147.

²⁾ Ibid., стр. 10.

³⁾ Ibid., стр. 158.

⁴⁾ Ibid., стр. 13.

⁵⁾ Это настроеніе выразилось въ пьесахъ „Дядя Ваня“ и „Архерей“.

но въ его душѣ не созрѣли питавшіе, поддерживавшіе ее идеалы. Все же творчество Чехова, за упомянутыми исключеніями, отражаетъ исканіе вѣры, исканіе такого идеала, который озарялъ бы жизнь, окрылялъ бы стремленія человѣка, сообщалъ бы ему постоянный подъемъ душевныхъ силъ, словомъ давалъ бы все то, что даетъ настоящая вѣра. Живая вѣра помогаетъ человѣку знать, для чего онъ живетъ, для чего страдаетъ. „Черезъ двѣсти—триста, наконецъ, тысячу лѣтъ—дѣло не въ срокъ, говоритъ Вершининъ, наступитъ новая, счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, страдаемъ, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье... Не я, то хоть потомки потомковъ моихъ“ 1). Заканчивается пьеса почти повтореніемъ вершининской мысли. „Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица кто бы онъ ни былъ. и въ этомъ одномъ заключается смыслъ и цѣль его жизни, его счастья, его восторга“ 2). „Прійдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ наступитъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь... Будемъ жить 3)!

IV.

Послѣ „Архіерея“ въ настроеніи Чехова совершился новый, еще невиданный у него раньше подъемъ, въ творчествѣ его зазвучали новыя, неслыханныя у него раньше, мажорныя ноты, явилась надежда на близкое идеальное переустройство жизни. Произведеніями, въ которыхъ, какъ въ заключительномъ аккордѣ, все это вылилось, являются—„Невѣста“ и „Вишневый садъ“. Эти произведенія показываютъ, что періодъ тоски, усталости, безнадежной скорби, который предъ тѣмъ переживался писателемъ, уступилъ мѣсто бодрости, вѣрѣ въ человѣческія силы, окрылявшей надеждѣ на возможность завоеванія этого близкаго будущаго. „Когда перевернете вашу жизнь, говоритъ Саша въ „Невѣстѣ“, то все измѣнится. Главное—перевернуть жизнь, а все остальное не нужно“.

1) Op. cit., XII, стр. 106.

2) Ibid, стр. 140—141.

О повелительной необходимости „перевернуть жизнь“ говорить пьеса „Вишневый садъ“. Тихою, кроткою, какою то изыщною грустью полно это послѣднее произведеніе Чехова. Кротко, покорно, съ тихими слезами уходятъ со сцены люди, неспособные къ завоеванію жизни. Добрая, но безхарактерная Раневская и ея братъ Гаевъ, добродушный престарѣлый младенецъ, безопасно прожили свое состояніе и должны разставаться съ своимъ дѣдовскимъ гнѣздомъ и красивымъ вишневымъ садомъ; ими завладѣетъ купецъ Лопухинъ, сынъ ихъ прежняго крѣпостного. Въ этомъ, собственно,—содержаніе пьесы.

Лопухинъ, вмѣстѣ съ Трофимовымъ выражаютъ, такъ сказать, философію пьесы. „Приходите всѣ смотрѣть, какъ Ермолай Лопухинъ хватить топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья! Настроимъ мы дачь, и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь“ 1). Трофимовъ, старый студентъ, рассказываетъ Анѣ, дочери Раневской: „Мнѣ еще нѣтъ тридцати, я молодъ, я еще студентъ, но я уже сколько вынесъ! Какъ зима, такъ я голоденъ, боленъ, встревоженъ, бѣденъ, какъ нищій, и—куда только судьба не гоняла меня, гдѣ я только ни былъ“ 2).

И однако, лишенія и невзгоды переносятся имъ легко, весело, нужду онъ переноситъ терпѣливо, матеріальныя блага для него—ничто. Когда Лопухинъ предлагаетъ ему помочь, онъ говоритъ: „Дай мнѣ хоть двѣсти тысячъ, я не возьму. Я свободный человѣкъ. И все, что такъ высоко и дорого цѣните вы все, богатые и нищие, не имѣетъ надо мной ни малѣйшей власти, вотъ какъ пухъ, который носится по воздуху. Я могу обходиться безъ васъ, я могу проходить мимо васъ, я силенъ и гордъ“ 3) Онъ оптимистъ, онъ всегда бодръ, его вѣра въ процессъ, въ завоеваніе человечествомъ счастливаго будущаго несокрушима. „Мы, говоритъ онъ, идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ, въ дали. Впередъ! Я предчувствую счастье, вотъ оно подходитъ все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидимъ, не узнаемъ его, то что за бѣда? Его увидятъ другіе“ 4).

Чеховъ устами Трофимова какъ бы сказалъ, что новая жизнь для всѣхъ будетъ, не исключая и тѣхъ, которымъ

1) Ibid., стр. 225.

2) Ibid., стр. 224.

3) Ibid., стр. 215.

4) Ibid., стр. 214, 215.

съ такую болью приходится отказаться отъ стараго. Такой смыслъ имѣютъ и тѣ слова, которыми Аня утѣшаетъ свою мать: „Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама“¹⁾. Но какъ „насадить новый садъ“, что нужно для этого? На это устами Трофимова Чеховъ отвѣчаетъ такъ: „Мы отстаемъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ на двѣсти, у насъ нѣтъ ровно ничего, нѣтъ опредѣленнаго отношенія къ прошлому, мы только философствуемъ, жалуемся на тоску. Вѣдь такъ ясно: чтобы начать жить въ настоящемъ, надо сначала искупить наше прошлое, покончить съ нимъ, а искупить его можно только страданіемъ, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ“²⁾.

Чехову немислима жизнь бездѣятельная, чисто созерцательная, исчерпывающаяся самонаблюденіемъ и заботой о пассивной покорности старымъ формамъ жизни. Онъ требуетъ жизни дѣятельной, активной, творческой. Онъ убѣжденъ, что никто не только не можетъ достигнуть относительнаго совершенства, но и ставить себѣ достижимыхъ и соотвѣтствующихъ его натурѣ цѣлей внѣ живой активной дѣятельности. Дѣятельность, это—воздухъ, безъ которой не можетъ жить и развиваться человѣческая личность.

На страданія, угнетающія человѣческую жизнь, по нему, надо смотрѣть не какъ на грознаго побѣдителя, а „какъ на вѣстника иного повелителя, котораго скрываетъ еще отъ взора изгибъ дороги“. Онъ его не боится, онъ выходитъ, чтобы говорить съ нимъ; и, говоря съ нимъ, онъ „смотритъ чрезъ его плечо, чтобы разглядѣть въ пыли горизонта великую идею, которой онъ, быть можетъ, является предтечѣй“.

Это истинный итогъ изъ передуманнаго и переживаннаго, это и завѣтъ, оставленный намъ чуткой душой художника, который обѣщалъ въ будущемъ прекрасную возможность болѣе свѣтлой, яркой, красивой жизни.

V.

Жить для высшихъ цѣлей, жить для вѣчнаго и общаго, постоянно искать добра и счастья, Бога, души, въ чемъ за-

¹⁾ Ibid., стр. 226.

²⁾ Ibid., стр. 221.

ключается задача наукъ и искусствъ, „когда онѣ настоящія“— этому настойчиво училъ нашъ художникъ-философъ. И страстно ждалъ, страстно тосковалъ онѣ по этой свѣтлой, прекрасной жизни и во всѣхъ своихъ созданіяхъ отражалъ свою жажду этой новой жизни. Точно видѣніе какого-то иного міра, далекій отблескъ какихъ-то волшебныхъ грезъ „о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ“, вѣчно жила въ душѣ его мечта о возможности прекрасной жизни. Временами она то представлялась писателю близкой и скоро достижимой, то уходила въ безграничную даль, то какъ бы совсѣмъ переносилась въ потусторонній міръ. Такъ непрестанно искалъ нашъ художникъ счастья жизни, такъ тосковалъ по иной, прекрасной жизни, и этими исканіями, этой тоской и этой мечтой наполнилъ свои созданія, далъ имъ красоту, глубину и неумирающую жизнь; и вѣчно новою пребываетъ нестарѣющая красота, трепетно мерцаетъ, манитъ и волнуется она въ его сказаніяхъ.

Душа Чехова непрестанно жила въ тоскѣ по прекрасной жизни, въ ожиданіи ея, въ предощущеніи ея. Ей самой всегда, какъ Надѣ въ „Невѣстѣ“, „хотѣлось думать, что... гдѣ то подъ небомъ, надъ деревьями, далеко за городомъ, въ поляхъ и лѣсахъ, развернулась своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, не доступная пониманію слабого, грѣшнаго человѣка“ 1).

Эта обаятельная, зовущая, идеальная жизнь удалена на неприступныя, вѣчно прекрасныя дали; витая тамъ, она освѣщаетъ своею печальною улыбкой, какъ заходящее солнце, печальную дѣйствительность. Идеалъ съ печальной ласковостью съ своихъ отдаленныхъ высотъ, маня нѣжнымъ свѣтомъ, но власть его зова безсильна предъ страшной силой дѣйствительности, предъ засасывающей властью обыденной жизни. Здѣсь источникъ пессимизма Чехова, его тоски; но эта тоска спокойна, меланхолична, звучитъ мягкими свѣтлыми тонами, нѣжно убаюкивая насъ, какъ ласка, потому что писатель, при неразгаданности интересующихъ его явленій жизни, чувствуетъ все-таки въ этихъ послѣднихъ хорошую стройную силу, которая рано или поздно должна освободиться отъ сковывающихъ ее узъ, найти благодатный роздыхъ въ живомъ, жизнеобмѣнѣ...

1) Оп. сѣт., т. XXI, стр. 5.

На первый взглядъ странно, что писатель, который изображалъ только обыденную жизнь съ ея мелкими, простыми фактами, у котораго нѣтъ пышныхъ образовъ, яркихъ словъ, который скупъ на лирическія изліянія,—намъ такъ близокъ, такъ дорогъ и милъ. А это потому, что для Чехова судьба человѣка и его счастье дороже всего на свѣтѣ; людямъ онъ горячо сочувствуетъ, горячо любитъ, жадно слѣдитъ за ихъ судьбой, искренно сожалѣетъ объ ихъ горѣ, невзгодахъ и печаляхъ и страстно ищетъ возможностей облегчить людямъ ихъ существованіе. Вотъ почему, при одномъ упоминаніи имени Чехова, на губы прокрадывается улыбка, какъ будто упомянули имя близкаго друга, съ которымъ связаны какія-то очень дорогія воспоминанія; онъ интимно близокъ тѣми настроеніями и тѣми мыслями, которыя такъ индивидуально ярко запечатлѣны въ его созданіяхъ. „Поэтическій порывъ, говоритъ Мережковскій ¹⁾, мгновенно налетаетъ, охватываетъ душу, вырываетъ ее изъ жизни и также мгновенно уносится. Въ неожиданности заключительнаго аккорда, въ краткости—вся тайна неопредѣлимаго никакими словами музыкальнаго очарованія. Читатель не успѣлъ опомниться. Онъ не можетъ сказать, какая тугъ идея, насколько полезно или вредно это чувство. Но въ душѣ остается *свѣжесть*. Словно въ комнату внесли букетъ живыхъ цвѣтовъ или только что вы увидѣли улыбку на миломъ женскомъ лицѣ“ ²⁾. Чеховъ, такимъ образомъ, самъ того не сознавая, похожъ на тѣхъ „жрецовъ древнихъ религій, которые очищали вершины горъ отъ шиповъ и терновниковъ для принятія небеснаго огня“...

Сюжеты Чехова, въ большинствѣ случаевъ, касаются самаго обыкновеннаго ³⁾, какой-нибудь мелоча жизни, иной

¹⁾ Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Изд. И. Д. Сытина Москва 1914 г., т. XVIII, стр. 257.

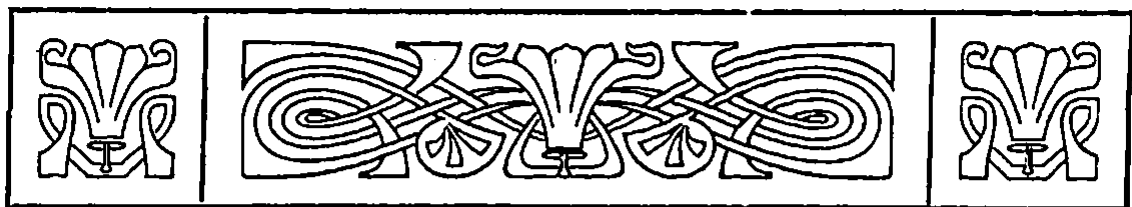
²⁾ О В. Гаршинѣ, напр., извѣстно, что онъ незадолго предъ смертью прочелъ повѣсть Чехова „Степь“; Гаршинъ искренно восторгался его непосредственнымъ чувствомъ природы, здоровьемъ, спокойною любовью къ жизни, увѣрялъ, что „Степь“ какъ будто исцѣлила и на минуту заставила его забыть страданія.

³⁾ Истинныя произведенія искусства всегда просты и безыскусственны. Они властно захватываютъ насъ, но очарованіе ихъ всегда непосредственно, сила ихъ сказывается безъ усилій, изящество безъ изысканности.

разъ на первый взглядъ чего нибудь совсѣмъ случайнаго, но и эта случайность, эта мелочь жизни, эта обыденность оказываются на самомъ дѣлѣ чрезвычайно существенны, важны и знаменательны; и дѣйствующія лица, если ихъ брать въ отдѣльности, не представляютъ собою чего-нибудь значительнаго, типичнаго, но всѣ они вмѣстѣ, въ художественномъ синтезѣ даютъ замѣчательно выразительную, красивую и содержательную картину, чарующую богатствомъ красокъ и роскошью узоровъ, полную глубокаго смысла и неисчерпаемаго интереса. „На нервахъ поэта, говоритъ Мережковскій, отзывается каждый трепеть жизни, какъ малѣйшее прикосновеніе на листьяхъ нѣжнаго растенія. И эта жадная впечатлительность вѣчно стремится къ новому и неиспытанному, ищетъ никѣмъ не слышанныхъ звуковъ, невиданныхъ оттѣнковъ въ самой будничной знакомой дѣйствительности. Въ мимолетныхъ настроеніяхъ, въ микроскопическихъ уголкахъ, въ атомахъ жизни поэтъ открываетъ цѣлые міры, никѣмъ еще неизслѣдованные. Умъ художника спокоенъ, но нервы его такъ же чувствительны, какъ слишкомъ напряженныя струны, которыя, при малѣйшемъ дуновеніи, издають слабый и плѣнительный звукъ“¹⁾.

Какъ золотая тучка, переночевалъ поэтъ на груди утеса-великана, Россіи, и рано умчался въ надзвѣздный край „и съ собой въ могилу онъ унесъ летучій рой“ могучихъ, яркихъ вдохновеній; тѣмъ не менѣе, вѣрится, всегда онъ будетъ плѣнять и чаровать насъ тою многогранной кристалльно-чистой думой, тою свѣтлою, кроткою грезой о лучшей, красивой жизни съ пламенною вѣрой въ ея полную возможность; всѣ эти яркія качества глубокой души поэта сообщаютъ его творчеству неизгладимую печать обаянія неизмѣнной цѣнности, а потому, вѣрится, его цѣнное литературное наслѣдство крупнымъ слагаемымъ войдетъ въ общую сумму вѣчныхъ цѣнностей духовнаго богатства русской литературы.

И. Гладкій.

Борьба Христианства съ остатками язычества въ древней Руси.

(Продолженіе *).

ГЛАВА VII.

Жели.

§ 64.

Борьба съ языческими погребальными обычаями. Тризна. Поминальная трапеза.

Послѣ введенія на руси христианства, представителямъ церкви пришлось вести продолжительную борьбу противъ языческихъ погребальныхъ обычаевъ, каковы: тризна, поминальная трапеза и жели, плачь по умершихъ. Наиболѣе рѣзкимъ языческимъ обычаемъ была тризна, погребальное состязаніе, погребальные игры ¹⁾. Мы знаемъ, что св. Ольга заповѣдала не устраивать по себѣ тризны. То же самое знаемъ о св. Константинѣ, князѣ Муромскомъ ²⁾. Тризна была очевиднымъ, для всѣхъ явнымъ проявленіемъ язычества, и потому іерархіи не стоило большого труда искоренить тризну въ ея чистомъ видѣ. И тѣмъ не менѣе остатки тризны существовали еще долгое время, какъ видно изъ исповѣдныхъ вопросовъ. „Дравься по мертвом 15 дн. (поста). „Ащел по мертвом дрался“. „Дравшись по мертвом или волосъ рвавши или порты потерзавши 12 дней (поста) ³⁾.

Естественно, что тризна, игры въ честь умершаго, за-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13 за 1915 г.

1) Сборникъ отдѣл. рус. яз. Акад. Наукъ, т. 88, № 3, стр. 273.

2) См. глав. I, § 27.

3) Алмазовъ. Тайная исповѣдь, томъ III, стр. 276, 151, 282.

канчивались широмъ. Начальная лѣтопись свидѣтельствуешь, что это такъ и было. Княгиня Ольга, послѣ смерти Игоря, на предложеніе древлянамъ выйти замужъ за ихъ князя, послала сказать: „се уже иду къ вамъ, да пристройте меда многи въ градъ, идѣ же убисте мужа моего, да поплачуся надъ гробомъ его, и сотворю тризну мужю моему“. Прибывъ на гробъ Игоря, Ольга плакала по немъ, потомъ приказала насыпать надъ умершимъ великую могилу (вѣроятно курганъ) и повелѣла творить тризну. Послѣ всего начался пиръ: древляне сѣли шить и упились, такъ какъ было заготовлено большое количество меда¹⁾. Объ обѣдѣ и ужинѣ за упокой упоминается въ словѣ, приписываемомъ препод. Феодосію Печерскому. Полагаемъ, что обычай устраивать поминальную трапезу былъ весьма распространенъ на Руси. Эти трапезы, сопровождавшіяся обильнымъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, приводили трапезовавшихъ въ веселое настроеніе, а иногда заканчивались и драками. Поминки покойниковъ даже въ XVI столѣтіи во многомъ напоминали языческую тризну съ плачемъ, заканчивавшемся весельемъ. По свидѣтельству Стоглава, въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходились мужчины и женщины на жальникахъ (кладбищахъ) и плакались на гробахъ умершихъ съ великимъ воплемъ, а потомъ, съ приходомъ скормороховъ, на тѣхъ же жальникахъ устраивались пляски и бѣсовскія игры съ сатанинскими пѣснями. Въ „отвѣтъ“ постановлено было, чтобы покойниковъ помянуть по христіански²⁾. Въ челобитной 1636 г. новгородскіе священники писали, что въ седьмой четвертокъ по Пасцѣ (въ семикъ) народъ устраивалъ одно изъ позорищныхъ сборищъ—„на оубогихъ домовъ“ (sic), т. е. на мѣстѣ погребенія умершихъ насильственной смертью. Что происходило на убогихъ домахъ, изъ челобитной ясно не видно: „Да тѣ позорища повычны: с сел и з деревен съѣзжаются, и бываютъ многонародныи зѣло безчинства, полныи оубиства“³⁾. Вѣроятно, послѣ погребенія умершихъ, народъ начиналъ развлекаться.

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, страница 56.

²⁾ Стоглавъ, глава 41, вопросъ 23.

³⁾ Чтен. общ. и ист. древн. рос. 1902, кн. II, отд. IV, стр. 28.

§ 65.

Плачь—жели.

Оплакиваніе мертвыхъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ обычаямъ человѣчества. Эти плачи назывались—жели. Жели—скорбь, печаль, терзаніе. Желѣти—сожалѣть, скорбѣть. Жальникъ—могила.

Въ древнемъ Египтѣ смерть царя оплакивалась всеѣмъ народомъ: женщины съ громкимъ плачемъ бѣгали по улицамъ и рвали на себѣ волосы; мужчины держались серьезно и молча, печально, со слезами, повисшими на глазахъ ¹⁾. Мирмидонцы цѣлую ночь провели надъ трупомъ Патрокла въ стенаніяхъ и плачѣ. Ахиллесъ оплакивалъ своего друга съ причитаніями ²⁾. Смерть Гектора оплакивалась всею Троею: мать подняла горестный вопль, рыдалъ старикъ Пріамъ: „кругомъ же граждане подняли плачь; раздавались вопли по цѣлому граду“ ³⁾. Обычай оплакивать умершихъ существовалъ также у евреевъ. Давидъ оплакивалъ въ плачевной пѣснѣ смерть царя Саула и сына его Ионафана ⁴⁾.—Наша начальная лѣтопись свидѣтельствуешь, что въ древнѣйшія до-христіанскія времена у насъ существовалъ обычай оплакивать умершихъ. О плачѣ княгини Ольги мы уже упоминали. Этотъ обычай продолжалъ существовать и съ принятіемъ христіанства. Въ 1078 г. князь Ярополкъ оплакивалъ смерть отца своего Изяслава Ярославича, причитая: „отець, отецъ мой“, и проч. ⁵⁾. Владиміръ Мономахъ писалъ Олегу Святославичу, у котораго въ плѣну находилась вдова—невѣстка Мономаха: „а сноху мою послать ко мнѣ... чтобы я могъ оплакать ея мужа и ихъ свадьбу, вмѣсто пѣсней (свадебныхъ). Ради Бога, пусти ее ко мнѣ скорѣе по первому слову, да окончивъ съ нею слезы, посажу ее на мѣстѣ, и сядетъ какъ горлица на сухомъ деревѣ желѣючи (тоскуя) ⁶⁾.

По слову о полку Игоревѣ, русскія жены оплакивали съ причитаніями своихъ мужей, погибшихъ на берегахъ

¹⁾ Оппель. Чудеса древней страны пирамидъ. 1868 г., стр. 91.

²⁾ Иллиада перев. Гнѣдича, пѣснь XVІІІ, ст. 315 и ниже.

³⁾ Ibid., пѣснь XXІІ, 403 и ниже.

⁴⁾ 2 книга Царствъ, глава I, статья 17 и ниже.

⁵⁾ Лѣтопись по Лаврентьевской синек. страница 196.

⁶⁾ Ibid. страница 224.

Каялы. Высоко поэтическій плачь Ярославны извѣстенъ. Въ Задонщинѣ приводится плачь московскихъ боярынъ по своимъ мужьямъ. Конечно. Слово о полку Игоревѣ поэма, а не историческій документъ въ родѣ грамоты; то же самое необходимо сказать и о Задонщинѣ, которая кромѣ того является мѣстами рабскимъ подражаніемъ Словоу о полку Игоревѣ. Но составители обоихъ произведеній, говоря о плачѣ по покойникамъ, очевидно имѣли въ виду всѣмъ извѣстный въ ихъ время обычай. Этотъ обычай существовалъ въ XVI в., какъ видно изъ Стоглава; тогда въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходились мужчины и женщины на жальникахъ (кладбищахъ) и плакались на гробахъ умершихъ съ великимъ воплемъ, а потомъ на тѣхъ же жальникахъ устраивались пляски и бѣсовскія игры съ сатанинскими пѣснями.

Скорбь и печаль о потерѣ близкаго человѣка свойственны человѣку. Христіанство, внесшее въ жизнь человечества миръ и любовь, и на самую смерть смотритъ, какъ на переходъ отъ одной формы бытія въ другую, лучшую. Къ сожалѣнію смерть явленіе столь подавляющее, что потерявшій близкаго человѣка иногда всецѣло поддается горестному чувству и даже впадаетъ въ отчаяніе. Такая безграничная скорбь по умершимъ свойственна язычески настроенному человѣку. Въ этомъ случаѣ скорбь выражается вовнѣ соотвѣтствующими знаками. Литературные памятники свидѣтельствуютъ, что въ древней Руси долгое время сохранялось обыкновеніе выражать по покойникамъ печаль чисто языческимъ способомъ. Очевидно, христіанскій взглядъ на смерть не былъ усвоенъ русскими людьми 1). Нѣкоторые, потерявъ близкаго человѣка, доходили до такого отчаянія, что налапали на себя руки и оканчивали жизнь самоубійствомъ. Доказательствомъ вышеизложенныхъ мыслей служитъ слово о желѣющихъ, приписываемое св. Діонисію и извѣстное въ двухъ видахъ 2). Это слово мы считаемъ русскимъ произведеніемъ. Въ словѣ рѣшается вопросъ: есть ли какая польза умершимъ отъ продолжительнаго по нимъ желѣнія со многими плячемъ и рыданіемъ. Плакивавшіе покойниковъ носили на глазахъ нечистыя и скверныя „скуты“, —

1) Барсовъ. Причитанія Сѣвернаго края. Часть I, страница XI.

2) См. томъ II, приложение 17, страница 167.

вѣроятно, это были женщины, покрывавшія свои головы старыми платками. О мужчинахъ сказано, что они въ знакъ печали по покойникамъ не стригли волосъ на головѣ. Извѣстно, что такъ дѣлали и опальные бояре. Св. Діонисій указываетъ, что излишне печалующіеся по покойникамъ тяжело грѣшатъ, послѣдуя проклятымъ и окаяннымъ саддукеямъ. Пусть вѣрующіе отвергаются козней діавола, который излишне печалующихся по мертвымъ побуждаетъ рѣзаться, давиться, тониться въ водѣ, чтобы не одному ему быть въ мукѣ. Не поганые только, но и многіе изъ христіанъ такъ дѣлають и, впавши въ отчаяніе, погибають.

Самоубійства вслѣдствіе смерти близкаго лица свидѣтельствуяють, что многіе русскіе люди не были еще проникнуты христіанскимъ ученіемъ. Въ словѣ, приписываемому Іоанну Златоусту „да не излишне по младенцамъ плачетъ“ 1), вѣроятно русскомъ произведеніи, развивается мысль, что плакать по умершимъ дѣтямъ можно, только не очень продолжительное время и безъ лицедранія и вырыванія волосъ; надо готовиться къ своей смерти и плакать о своихъ грѣхахъ. Въ словѣ „еже не плакати о умирающихъ“ 2), приписываемомъ по обыкновенію Златоусту, но которое скорѣе всего составлено русскимъ книжникомъ, заповѣдается не плакать много по умершимъ, не терзать волосъ, не драть лица. Въ концѣ слова отмѣчена важная черта. крайніе знаки печали по поводу потери близкаго лица иногда бывали обнаруживаемы неискренно, изъ тщеславія. Вѣроятно, истерическія проявленія печали продѣлывались при выносѣ покойника или на кладбищѣ, вообще на глазахъ у толпы. Неискренность такихъ людей сказывалась въ томъ, что *отшедши*, т. е. вернувшись домой, они *оупиваются и кощоны дѣють*“.

Отмѣтимъ, что въ Измарагдѣ второй редакціи есть „слово Іоанна Златоуста о терпѣннѣ благохваленія, да не много о умершихъ плачемся“ 3). Въ описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки сказано, что

1) См. приложение № 18, страница 176.

2) Томъ II, приложение 19, страница 179.

3) Рукопись Троицк. Серг. Лавры XVI вѣка, № 203, глава 58, л. 77; № 91, (XV в.) лѣт. 206, рукоп. Московской Духовной Академіи XVI в. № 46, глава 59; № 113 (435) (XVI вѣка), лѣтопись 6.

это слово „собрано изъ разныхъ“ 1), изъ чего можно заключить, что Горскій и Невоструевъ считали этотъ памятникъ русской компиляціей. На самомъ дѣлѣ это слово—переводъ съ греческаго и числится среди сомнительныхъ твореній (Златоуста 2). Слово о терпѣннѣ имѣеть нѣкоторыя сходныя выраженія съ словомъ, „да не излишне по младенцамъ плачемъ“ 3). Полагаемъ, что слово „о терпѣннѣ“ не можетъ принадлежать Златоусту: въ этомъ словѣ есть указаніе на хожденіе души по мытарствамъ; вѣрованіе въ мытарства возникло позже эпохи Златоуста.

Приведемъ изъ слова о терпѣннѣ выдержку о плачѣ по умершихъ. Да не мозѣмъ вѣрннѣ невѣрныхъ подражати не раздираимъ ризъ нашихъ нѣ пачъ дшю смиримъ. и насъ бо также чаша ждетъ. и не бѣимо въ прѣси да не оуподобимся сѣлиномъ. не трѣзаимъ власъ отъ главы. да не осраимъ главы нашеа ха. не многы дни плачемъ. да не вѣровати начнемъ въскрснїю. и языкомъ не изрѣѣмъ хоулы. да не собѣ ни оумръшемоу не сътворимъ пакости 4).

Противъ неумѣреннаго плача о покойникахъ ратовали, какъ видно изъ вышесказаннаго, авторы, имена которыхъ намъ неизвѣстны. Того же предмета касается митр. Данїилъ (1522—1539 г.) въ словѣ „о божїихъ судьбахъ и о младенцахъ умирающихъ“. Данїилъ доказываетъ, что излишне скорбѣть о младенцахъ не слѣдуетъ. Развиваемыя Данїиломъ мысли заимствованы у св. Аѳанасїя Александрійскаго 5).

Изъ исповѣдныхъ вопросовъ видно, что плачъ по умершимъ въ духѣ древняго язычества былъ распространенъ у насъ. Есть такіе вопросы: „или по мертвомъ плакалъ еси безмѣры и власы терзалъ еси“ 6). „Или по мертвомъ плакалъ много“ 7). Обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій вопросъ поселя-

1) Отдѣлъ второй, 3, 1862 года, страница 62.

2) См. Montfalcon opp. chrysostomi Spuria IX, 896.

3) Рукопись Троицк. Серг. Лавры № 91, лѣт. 222, Измарагдъ 2-й редакц. слово 70.—Слово о терпѣннѣ помѣщено въ Великихъ минеяхъ Четїяхъ за 13 ноября. Изаніе Арх. Ком. страница 1422, но въ иномъ переводѣ, чѣмъ въ Измарагдѣ.

4) Переводъ см. полное собраніе твореній Іоанна Златоуста въ русскомъ переводѣ. СПб. 1903 г., IX, страница 227.

5) Жмакинъ. Митр. Данїилъ и его соч. Москва 1881 г., стр. 382—389.

6) Трѣбн. рлц. XVI в. Соф. б. № 190. Алмазовъ, III, прил. стр. 155.

7) Рлц. той же библ. XVI, № 875, стр. 129. Алмазовъ, ibid., стр. 153.

номъ: „Въ великій четверток не ходил ли еси по что в лѣсѣ и в дому не творилъ ли какова клича и бесчестія“ 1). Полагаемъ, что здѣсь имѣются въ виду остатки языческаго культа предковъ.

Не только духовная власть боролась противъ народнаго обычая оплакивать покойниковъ; попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана и гражданскою властью. Въ 1715 г. царь Петръ, по случаю кончины царицы Маріи Матвѣевны, супруги царя Теодора, запретилъ приговаривать и рваться надъ умершими. Но запрещеніе Великаго Преобразователя не имѣло никакого вліянія на народную массу: „непристойный и суевѣрный обычай“, какъ называлъ Петръ вопли по покойникамъ, продолжалъ существовать. И даже самая смерть Петра была оплакана особою народною причеткою 2).

Плачь по умершимъ—это естественное проявленіе печали по дорогомъ покойникѣ. Въ крестьянской средѣ плачь сопровождается обыкновенно причитаніями. Существуетъ множество причитаній, что видно изъ изданія Барсова „Причитанія Сѣвернаго края“. Въ настоящее время языческое значеніе плача забыто. Существуетъ даже убѣжденіе, что долго оплакивать покойниковъ грѣшно. Въ этомъ мы усматриваемъ вліяніе церкви, ратовавшей противъ желѣнія.

§ 66.

Борьба церкви съ обычаемъ лишать погребенія умершихъ насильственной смертію.

Въ теченіе многихъ вѣковъ господства христіанства русскіе люди забыли древніе языческіе способы погребенія; было забыто, что покойниковъ когда-то пускали на воду (какъ теперь индусы); забыть древній смыслъ смерти чрезъ повѣщеніе. Осталось только сознаніе, что покойники, вынутые изъ воды или петли, вообще умершіе неестественною смертію, умерли не по-христіански и не должны быть похоронены по христіанскому обряду. Такое сознаніе породило особаго рода суевѣрія, съ которыми долго и не всегда успѣшно боролась русская іерархія. Древнѣйшимъ обличителемъ этого языческаго обычая былъ Серапіонъ Владимір-

1) Требн. XVII, собр. Погодина № 308, Алмазовъ, *ibid*, стр. 170.

2) Барсовъ. Причитанія Сѣвернаго края, часть I, страница IX.

скій (ум. 1273 г.). Изъятаго слова Серапіона видно, что въ XIII в. существовалъ обычай выгребать утопленниковъ. „Никакъ не отстаемъ отъ злыхъ обычаевъ нашихъ“, пишетъ Серапіонъ: „нынѣ, видя гнѣвъ Божій, заповѣдуете: если кто удавленника или утопленника похоронилъ, не погубите людей сихъ, выгребите. О, безуміе злое. О, мало-вѣріе! Мы полны зла, но не каемся. Потопъ былъ при Ноѣ не про утопленника, ни про удавленника, но за жудскія неправды. О, человекѣ, се ли ваше покаяніе? Симъ ли Бога умолите, что утопленника или удавленника выгребете? Этимъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братія, престанемъ отъ зла“ 1). Изъ словъ Серапіона видно, что въ XIII ст. существовало повѣріе, будто бы погребеніе утопленника или удавленника влекло за собою ненастную пору. А потому людей, умершихъ такою смертью, слѣдовало лишать погребенія, а погребенныхъ вырывать изъ могилы. Серапіонъ спрашиваетъ: неужели выгребаніе утопленника или удавленника, являясь будто бы дѣломъ пріятнымъ Богу, можетъ смягчить казнь Божію за наши грѣхи? Древній языческій обычай былъ живучъ. Противъ него въ XVI в. вооружался знаменитый ревнитель благочестія, преп. Максимъ Грекъ. Онъ съ негодованіемъ писалъ объ обычаѣ русскихъ оставлять не погребенными тѣла утопленниковъ и убитыхъ или же, въ случаѣ погребенія, раскапывать ихъ могилы. Этому предмету посвящено особое „посланіе на безумную прелесть и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребенія для утопленнаго или убитаго бываютъ плодотворны стужи земныхъ прозябаній“ 2). Приведя свидѣтельство одного греческаго мудреца, который похоронилъ утопленника, Максимъ Грекъ спрашиваетъ: „Мы же правовѣрніи кій отвѣтъ сотворимъ въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убитыхъ и поверженныхъ не сподобяюще я погребенію, но на поле извлекше ихъ отыняемъ коліемъ, и еже, беззаконнѣйше и богомерзко есть, яко аще случится, въ веснѣ, студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими, садимая и сѣмая. Нами не преуспѣваютъ на лучшее, оставивше молитися Создателю и Строителю всѣхъ—аще увѣмы нѣкоего утопленнаго или убитаго неиз-

1) Лекція Степана Шевырева. Исторія русской словесности. Части 3 и 4. СПб. 1837 года, страница 21.

2) Сочиненія Максима Грека. Казань. 1862 г. ч. 3, стр. 170—178.

давна погребена, оле безумія и благочеловѣчія нашего! раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и не погребенна покинемъ“ 1). Въ примѣръ того, что покойниковъ слѣдуетъ погребать, Максимъ Грекъ ставитъ Товита. Даже іудеи просили Пилата перебить голени распятыхъ, чтобы поскорѣе похоронить ихъ. Далѣе указывается на примѣръ Іисуса Навина, приказавшаго похоронить пять царей іевусеовыхъ. Даже некрещенные не поступаютъ такъ со своими несчастно умершими, какъ русскіе. Максимъ Грекъ лично наблюдалъ въ Перекопѣ, какъ два татарина съ честью („милостиво“) похоронили трупъ повѣшеннаго за какую-то вину татарина. Послѣ доводовъ изъ священнаго писанія и своихъ разсужденій, Максимъ Грекъ дѣлаетъ выводъ, что Богъ караетъ за грѣхи, а не за погребеніе утопленника или убитаго 2). Отмѣтимъ, что сама церковь запрещала хоронить по христіански тѣла лицъ, умершихъ неестественною смертію. Въ XIV, XV и XVI вв. тѣла умершихъ насильственной смертію у насъ не погребали, но клали ихъ на курганахъ; не хоронили даже тѣла умершихъ отъ чумы 3). Митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи къ новгородцамъ въ 1410 г. запрещалъ хоронить убитаго на полѣ, на судебномъ поединкѣ 4). Въ поученіи къ псковскому духовенству тотъ же Фотій въ 1416 г. запрещалъ у церкви хоронить, отпѣвать и поминать всѣхъ, наложившихъ на себя руку: удавленниковъ, зарѣзавшихся и утопившихся: тѣла ихъ слѣдовало закопать въ ямѣ, въ пустомъ мѣстѣ 5). Въ патріаршей грамотѣ Макарьевскому Желтоводскому (1628 г.) монастырю запрещается хоронить по христіански умершихъ случайно или насильственной смертію“. А который человекъ вина упьется, или удавится или ножемъ зарѣжется, или съ качелей убьется, или своею охотою купаючися утонетъ, или ино какое дурно самъ надъ собою учинитъ своими руками, и тѣхъ у церкви Божіи не хоронити и надъ ними не отпѣвати, а велѣтъ ихъ класть въ убогихъ дому, а не будетъ убогихъ дому, и ихъ класть въ полѣ, чтобъ отъ церкви далече 6). Дѣлая такія запрещенія, іерархія

1) Ibid., страница 170—171.

2) Ibid., страница 177.

3) Николаевскій, Рус. проп. Ж.М.Н.П. 1868г., апр. ч. 138, стр. 119-121.

4) Акты археографической экспедиціи томъ I, № 369, стр. 462.

5) Акты Историч., томъ I, № 22, стр. 46.

6) Акты археографической экспедиціи, томъ III, № 175.

желала показать свое отрицательное отношеніе къ самоубійству и вообще къ смерти безъ христіанскаго присутствія. Какъ извѣстно, у насъ до 1771 г. существовалъ обычай всѣхъ умиравшихъ неестественною смертью удавленниковъ, утопленниковъ, замерзшихъ и т. д. не отпѣвать и не класть на кладбищахъ: ихъ неотпѣтыми отвозили на такъ называемые убогіе дома (божедомы, скудельницы), которые находились внѣ городовъ, и представляли изъ себя глубокія ямы, имѣвшія надъ собой „молитвенные храмы“, попросту сараи. Сложенныя тамъ тѣла оставались неотпѣтыми и незасыпанными до Семицкаго, седьмого четверга по Пасхѣ. На Семицъ священникъ служилъ общую панихиду, а добровольно являшіеся сюда мужчины и женщины, въ видѣ религіознаго подвига, зарывали яму съ тѣлами и вырывали новую 1). Характерно, что помянувъ покойниковъ на убогомъ домѣ, народъ обращался къ увеселеніямъ, обычнымъ въ Семицъ 2).

Понятно, почему сознательныхъ утопленниковъ, удавленниковъ и проч. не отпѣвали: какъ самоубійцы, они не достойны были христіанскаго погребенія. Но почему же ихъ не хоронили? Вѣдь человѣкъ могъ утонуть не намѣренно, а случайно, вслѣдствіе несчастной случайности. Но и такой утопленникъ оставался не похороненнымъ. Почему, въ случаѣ зарыванія утопленниковъ и удавленниковъ въ землю, ожидали дождей? Если тѣла выгребались, и они оставались на поверхности, то одно это обстоятельство по-видимому было надежнымъ средствомъ противъ излишнихъ дождей. Именно такое вѣрованіе существуетъ даже и въ наше время; полагаемъ, оно служитъ остаткомъ стариннаго вѣрованія, противъ котораго вооружался Серапіонъ Владимірскій. Среди нашего сельскаго населенія существуетъ убѣжденіе, что пребываніе тѣла удавленника или утопленника въ нѣдрахъ земли влечетъ за собою дождливое время. Здѣсь чувствуется намекъ на какую-то связь тѣла умершаго съ водой. Не служитъ ли вышеприведенное вѣрованіе отзвукомъ до-историческаго похороннаго обычая шускать тѣло умершаго въ воду? Вѣдь русалки, обитательницы водной стихіи, — души умер-

1) Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій. СПб., 1888 г., стр. 171—172. Голубинскій Исторія русской церкви. Вторая половина изданіе 2, стр. 469.

2) Снегиревъ. Русск. прот. права. т. III, 1898 г., стр. 184.

шихъ. Можетъ быть обычай оставлять удавленниковъ незакрытыми сложился такъ: сохранилась неясная память, что смерть чрезъ удушеніе была священнымъ—жертвеннымъ актомъ; а всякая жертва сожигалась. Христіанство лишило самоубійць христіанскаго погребенія, а похороны чрезъ сожженіе вышли изъ употребленія. Такимъ образомъ удавленники и остались безъ всякаго погребенія на поверхности земли.

§ 67.

Обличенія остатковъ языческаго культа мертвыхъ. Бани для покойниковъ, трапезы и огни для покойниковъ.

Касаясь интимнѣйшихъ сторонъ человѣческаго духа, память о почившихъ и почитаніе ихъ во всѣ времена были священной обязанностью для живыхъ. Культъ предковъ былъ дѣломъ частнымъ, домашнимъ; а потому здѣсь устойчивѣе, чѣмъ въ другихъ вѣрованіяхъ, могли сохраниться древнія традиціи. Дѣйствительно, литературные памятники древней Руси показываютъ, что въ культѣ мертвыхъ у насъ сохранились весьма многія языческія вѣрованія. Церковь боролась противъ нихъ; это доказываютъ намъ безыменные слова и поученія.

Обращаемся къ безыменнымъ обличеніямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ словахъ и поученіяхъ нашихъ старинныхъ сборниковъ.

Мы имѣемъ важныя указанія относительно культа мертвыхъ въ словѣ св. отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа Константина града, „о томъ како первое погани вѣрвали въ идолы“ 1). Изъ слова видно, что въ древности былъ обычай топить бани для мертвыхъ; въ банѣ ставили кушанья—мясо, молоко, масло, яйца. Въ банѣ подавали пару, вѣшали полотенце и какую-то одежду. Полъ въ банѣ посыпали пепломъ, чтобы видны были слѣды приходившихъ покойниковъ. На другой день по полу на пеплѣ находили чьи-то слѣды. Замѣчательно, что благочестивый обличитель искренно вѣритъ, что въ баню, истопленную для предковъ-покойниковъ, кто-то приходилъ и оставилъ слѣды; только онъ былъ убѣжденъ, что то были бѣсы, дѣлавшіе это въ

1) Ркп. XIV в. Софійск. б. № 1262. См. т. II, прил. № 5, стр. 59.

посмѣяніе и для пагубы маловѣрныхъ. Въ Чудовской ркп. XVI в. № 270, л. 221 помѣщено „слов сти григорья изъобрѣтено въ толцѣхъ его. о томъ како первое погани соуще языци кланялися идоломъ“ 1). Это слово—компиляція. Многое заимствовано изъ Софійской ркп. кн. № 1262. Но есть самостоятельныя мѣста, важныя для исторіи нашихъ суевѣрій. Нѣкоторыя мѣста весьма важны. Такъ, напр. характерна слѣдующая черта: „вѣроуютъ оупиремъ и младнцы знаменаютъ мртви и берегинямъ.“ Не даромъ мертвые младенцы упомянуты между ушьями и берегинями: по современному народному вѣрованію мертво-рожденный мальчикъ превращается въ ушья, а дѣвочка въ берегиню-русалку. Выраженіе „младенцы знаменаютъ мртвы“, можетъ быть, означаетъ обрядъ нареченія имени мертворожденному или умершему безъ крещенія ребенку. Продолжаемъ выдержку изъ Чудовской ркп. „о оубъгаѣ коурята. яже на жертвоу идоломъ рѣжутся. инни (а инѣми—Соф. № 1262) въ водахъ потапляемн суть. а инни къ кладеземъ приносяще молятся, и в воду мечють“. Это мѣсто (не буквально) имѣется и въ ркп. 1262. Итакъ, куръ и цыплятъ топили въ водѣ, о чемъ сообщаетъ и Левъ діаконъ. Мы знаемъ, что этотъ обрядъ имѣлъ какое-то погребальное значеніе. Сознали ли значеніе обряда у насъ въ XIV—XVI вв., не извѣстно, но обрядъ, очевидно, держался. Въ Софійск. ркп. есть неясное мѣсто: творятъ—„мосты. и просвѣты. и бдѣльники“ 2). Въ Чудовской ркп. № 270 это мѣсто читается такъ: „мосты чинять по мртвыхъ и просвѣты. и бдѣльникъ“ 3). Бдѣльникъ вѣроятно бдннъ, намогильная постройка; что же касается мостовъ и просвѣтовъ, то, какъ видно изъ слова „къ невѣжамъ“ 4) такія наименованія могли быть даваемы печеньямъ, оставленнымъ на трапезахъ въ честь мертвыхъ. Слово „къ невѣжамъ“ содержитъ весьма важныя указанія на культъ мертвыхъ. Составитель слова обличаетъ гибельный для правовѣрныхъ обычай, несомнѣнно чисто языческаго характера. Оказывается, въ Чистый четвертокъ „довѣдали“ мертвымъ,

1) См. приложение 2, страница 38. Изъ онъ „дѣлѣнъ“

2) Приложение, страница 60. „дѣлѣнъ“

3) Ibid., страница 34.

4) Ibid., приложение № 1, страница 13. Всѣ радуются, что на Руси для нихъ готовятъ сыры, масло, яйца, плутки, коровки, велія мосты и просвѣты велія“

т. е. предлагали или поставляли для мертвыхъ мясо, молоко и яйца; въ тотъ же четвертокъ топили мыльницы, поддавали пару (на печь льютъ), сыпали посреди бани пепель вѣшали чехлы и убрusy, чтобы навья могли обтереться, и говорили: „мойтесь“. Потомъ находили на пещи слѣдъ, подобный куриному, и говорили: „приходили к намъ навья мыться“. Составитель слова „къ невѣжамъ“ утверждаетъ, что приходили мыться не покойники, а бѣсы.—Здѣсь наиболѣе ярко связываются два міросозерцанія—древнее языческое и новое христіанское: по языческому вѣрованію трапеза и баня изготовлялись для мертвыхъ, которые и пользовались услугами живыхъ; христіанинъ же утверждалъ, что въ баню приходятъ бѣсы, они же съ удовольствіемъ вкушали предлагаемую пищу. Итакъ, древнія языческія навья въ христіанскую эпоху переходятъ на положеніе бѣсовъ. Отмѣчаемъ двоевѣріе обличителя: онъ все-таки убѣжденъ, что бѣсы—навья могутъ ѣсть и мыться въ банѣ. Кромѣ чистаго четверга, топили баню для умершихъ еще въ Великую субботу и пятьдесятную какъ видно изъ исповѣдныхъ вопросовъ. „Въ великую субботу, и въ пятьдесятную егда память творим оусопшимъ, бани не велѣлъ ли еси топить?“ 1). Въ Чудовской ркп. имѣется указаніе на обычай, частію извѣстные и въ настоящее время. „И воду къ коутыи заупокойнѣй (и) ставлюють на столицы“ 2). Въ настоящее время вода и кутья стоятъ только во время нахождения покойника въ домѣ; до сорока же дней стоитъ одна кутья. Изъ приведеннаго мѣста можно заключить, что при кутьѣ всегда ставили воду. „И сметье оу воротъ жгоуть въ великой четвергъ. молвящ тако оу того огня дша приходяще согрѣваются“ 3).

Вотъ каковъ смыслъ запрещаемого Стоглавомъ обычая жечь въ великій четвергъ солому: у этого костра грѣются души умершихъ. „Ногти обрѣзавше кладоуть. и за надра (нѣдра) мещють. а ножнии на голову“ 4). И теперь существуетъ обычай пропускать чрезъ открытый воротъ рубашки (нѣдра)

1) Требникъ XVII в. собраніе Погодина, № 308. Вопросы поселянамъ. Алмазовъ. Табл. исп. III, страница 170.

2) Приложение, страница 34.

3) Ibid.

4) Ibid., страница 35.

срѣзанные ногти; оказывается, раньше ножные ногти клали на голову. Эти обычаи, очевидно, стоятъ въ связи съ вѣрованіями въ загробное странствованіе души. Шло время, древніе обычаи продолжали существовать, но смыслъ ихъ все болѣе и болѣе затемнялся.

Въ ркш. Румянцевскаго Музея № 374 (дата 1754 г.), въ словѣ, направленномъ противъ суевѣрій, есть слѣдующее, въ высшей степени характерное мѣсто: в „великій четвертокъ постѣли для блохъ сожигаютъ, и хмели палятъ, платья моютъ до солнца, и моются сами“ 1). Подъ сожигаемой въ Великій четвергъ постелью надобно разумѣть сѣно и солому, которыми обычно бываетъ набить сѣнникъ, мѣшокъ, на которомъ спятъ. Обличитель полагалъ, что, сжигая соломенные постели, хотѣли сжечь блохъ; вслѣдъ за этимъ онъ обличаетъ обычай мыться въ Великій четвергъ и вообще заниматься обычными дѣлами: повидимому онъ желалъ праздничнаго времяпрепровожденія. Но Великій четвергъ день не праздничный, а предпраздничный; обличеніе послѣдовало, вѣроятно, вслѣдствіе того, что обличитель инстинктивно чувствовалъ здѣсь языческую подкладку. Четверговые обычаи имѣютъ аналогію съ радуницей. Обычай почитать мертвыхъ въ чистый четвергъ, полагаемъ, произошелъ слѣдующимъ психологическимъ путемъ. Великій четвергъ обыкновенно въ народѣ называется „чистымъ четвергомъ“, можетъ быть потому, что въ этотъ день Спаситель омылъ ноги ученикамъ на Тайной Вечери; а можетъ быть и потому, что въ виду наступающаго праздника Пасхи въ этотъ день считается наиболѣе удобнымъ произвести уборку дома, а послѣ этого и самимъ людямъ вымыться. Моешь въ банѣ, и сейчасъ оставляютъ воду и вѣнникъ для покойниковъ. Тѣмъ болѣе своевременно позаботиться о покойникахъ въ „чистый“ день. Въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ бываетъ Радуница—весенній праздникъ въ честь умершихъ. Радуница сопровождается пѣснями и играми, что постомъ несвоевременно. Четверговый костеръ это тотъ самый костеръ на кладбищѣ, который на радуницу поддерживается для подогрѣванія покойниковъ. Изъ сказаннаго мы дѣлаемъ выводъ, что весенній языческій праздникъ въ честь умершихъ въ

1) См. приложение № XI.

христианскую пору совершается частію въ Чистый четвергъ, а частію на Радуницу. Мы видѣли, что церковь и частію государство боролись противъ языческихъ погребальныхъ обычаевъ, служившихъ выраженіемъ вѣрованій язычника въ загробное существованіе. Чѣмъ же окончилась борьба? Конечно, культурная часть русскаго общества всецѣло раздѣляетъ ученіе церкви относительно загробной жизни и руководится установленными церковью похоронными обрядами и обычаями. Не то мы найдемъ среди низшихъ слоевъ русскаго общества.

§ 68.

Живучесть культа мертвыхъ.

О степени живучести древнихъ языческихъ вѣрованій въ загробную жизнь можно судить на основаніи современныхъ вѣрованій бѣлоруссовъ. Эти вѣрованія и обряды отзываются сѣдой стариной. По вѣрованію бѣлоруссовъ, умершіе встаютъ изъ могилы по ночамъ. Готовясь къ хавтурамъ, осеннимъ поминкамъ, домашніе и гости прежде всего идутъ въ баню, моются, отливая воды и оставляя вѣнникъ для умершихъ. Затѣмъ, по захожденіи солнца, отправляются на могилу умершаго, везутъ съ собой дернъ, вѣнникъ и дрова; и при огнѣ облагаютъ дерномъ могилу поминаемаго и обметаютъ вѣнникомъ возлѣ могилы; вѣнникъ оставляютъ на могилѣ, чтобы покойникъ, когда разойдутся живые, могъ привести въ порядокъ свою могилу. Къ полуночи никого не должно оставаться на кладбищѣ, иначе вставшіе изъ могилы въ полночь покойники задушатъ живого и утащатъ его въ могилу. Зажженные костры горятъ всю ночь. Таковы обычаи въ Минской губ. Тамъ же сохранился старинный обычай, вѣроятно, остатокъ тризны по покойникѣ. Послѣ угощенія въ память покойника хозяйка дома приноситъ рѣшето качановъ и ставитъ на столъ.

Каждый изъ присутствующихъ имѣетъ въ карманахъ капустныя хрянки (кочерыжки). Первенствующій беретъ качанъ и бросаетъ въ хозяина дома, а затѣмъ всѣ начинаютъ биться качанами и хрянками. При недостаткѣ качановъ и хрянокъ начинаютъ бросать другъ въ друга чѣмъ попало, что находится подъ рукой. Рѣдкій бываетъ случай, чтобы

поминки обошлись безъ драки. За церемоніей бросанья или біенія качанами слѣдуютъ пѣсни, маскарады, музыка и пляски. Такъ совершаются осеннія поминки, называемыя хавтурами 1). Подобныя, чисто языческія вѣрованія, сохранились и въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Такъ, крестьяне Смоленской губ. вѣрятъ, что послѣ смерти душа человѣка сохраняетъ тѣ же потребности, какъ и при жизни; поэтому въ прежніе годы въ гробъ умершаго клали особенно любимые имъ предметы, но дѣлали это незамѣтно для другихъ. Любителямъ выпить клали въ гробъ бутылочку съ водкою. Теперь этотъ обычай вывелся, но на старыхъ кладбищахъ, разрывая могилы для новыхъ покойниковъ, иногда находятъ бутылки. Мѣсто жилища покойниковъ гдѣ-то на вершинѣ ледяной горы 2), на которую трудно взбираться; тутъ помогутъ тѣ ногти, которые, срѣзывая при жизни на землѣ, люди пропускаютъ сквозь воротъ растегнутой рубашки 3). Въ ночь подъ радуницу на кладбищѣ горятъ огни; это называется „подогрѣвать покойниковъ“.—Все это отзывается древнимъ язычествомъ, надъ искорененіемъ котораго придется еще немало трудиться.

Н. М. Гильковскій.

(Продолженіе будетъ).

1) Шенъ. Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣвера западн. края. Сборникъ отдѣл. русскаго языка и слов. Акад. Наукъ 1890 г. томъ I. № 9, страница 587—588.

2) У Котляревскаго. О потреб. обыч., страница 199.

3) Справ. Чудовскаго рукописей № 270, л. 221. Ногти обрѣзавше

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

31 Іюля

1915 года.

Содержаніе. Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. — Архипастыри, посѣтившіе Харьковъ и Харьковскую епархію въ текущемъ 1915 году. — Архипастырское благословеніе. — Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Отъ Купянскаго Духовнаго Училища. — Епархіальныя извѣщенія.

I.

Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

*Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь.*

Согласно одобренному Совѣтомъ Министровъ и представляемому къ подписи Его Императорскаго Величества проектъ Именного Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату о призывѣ на военную службу лицъ, родившихся въ 1896 году, первымъ днемъ явки по призыву назначается повсемѣстно седьмое Августа 1915 года; призывъ въ каждомъ уѣздѣ долженъ производиться уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ, причемъ призывные обязаны являться на сборный пунктъ по тому мѣсту, гдѣ они окажутся на жительствѣ ко времени призыва. Въ отношеніи отсрочекъ по призыву для окончанія образованія предположено предоставлять таковыя только лицамъ, уже состоящимъ ко времени призыва ихъ на военную службу въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 61 Уст. воин. пов: (по прод. 1912 г.), а также въ желѣзнодорожныхъ училищахъ, упомянутыхъ въ ст. 61¹ того же Устава, притомъ дѣйствительными учениками и студентами, по отнюдь не вольнослушателями. Означеннымъ молодымъ людямъ поступленіе на военную службу будетъ отсрочиваться до указанныхъ въ ст. 61 Уст. воин. пов. сроковъ съ тѣмъ, чтобы лица, оканчивающія курсъ или выбывающія изъ учебныхъ заведеній ранѣе сихъ сроковъ, привлекались къ исполненію воинской повинности не позднѣе 1-го числа мѣсяца, слѣдующаго за окончаніемъ ими полнаго курса сихъ заведеній либо за выбитіемъ изъ оныхъ.

Для полученія указанной отсрочки молодые люди должны быть снабжены отъ своихъ учебныхъ начальствъ надлежащими удостовѣреніями о нахожденіи ихъ въ учебномъ заведеніи и затѣмъ подать, не позднѣе пятаго августа 1915 года, въ уѣздное (окружное) или городское по воинской повинности присутствіе по мѣсту призыва ихъ на дѣйствительную военную службу соответствующее заявленіе объ отсрочкѣ, съ приложеніемъ указаннаго удостовѣренія. Подлежащее воинское присутствіе обязано будетъ въ кратчайшій срокъ заявленіе это разсмотрѣть и въ случаѣ его уважительности выдать временное свидѣтельство объ отсрочкѣ для окончанія образованія. Если таковое свидѣтельство будетъ на рукахъ у призывного ко дню, назначенному ему для явки на сборный пунктъ уѣзднаго воинскаго начальника, то онъ освобождается отъ таковой явки.

Что же касается молодыхъ людей, кои до 5-го августа не успѣютъ возбудить передъ мѣстнымъ по воинской повинности присутствіемъ ходатайства объ отсрочкѣ (съ приложеніемъ удостовѣренія учебнаго начальства о состояніи ихъ въ учебномъ заведеніи), а также тѣхъ изъ нихъ, которые хотя и возбудятъ такія ходатайства своевременно, но не успѣютъ ко дню, назначенному для явки на сборный пунктъ для лицъ, проживающихъ въ одной съ ними мѣстности (городѣ, волости и проч.) получить свидѣтельство объ отсрочкѣ, то лица эти отъ прибытія на сборный пунктъ и поступленія на военную службу не освобождаются. По первымъ изъ сихъ лицъ будетъ разрѣшено представить не позднѣе перваго сентября сего года своему военному начальству надлежащія удостовѣренія о нахожденіи ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ удостовѣренія эти будутъ военнымъ начальствомъ препровождены подлежащимъ воинскимъ присутствіямъ, вторымъ же надлежитъ заявить своему военному начальству о возбужденіи уже ими ходатайствъ объ отсрочкѣ, вслѣдствіе чего симъ начальствомъ будетъ затребовано отъ воинскаго присутствія надлежащее свидѣтельство объ отсрочкѣ. По полученіи отъ присутствій временныхъ свидѣтельствъ о явкѣ тѣхъ или другихъ лицъ къ исполненію воинской повинности (объ отсрочкѣ), лица эти будутъ изъ войскъ уволены.

Въ виду спѣшности и важности настоящаго дѣла за Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Товарищъ Министра въ должности Гофмейстера Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Плево отношеніемъ отъ 11-го сего Іюля за № 24224 просить о зависящихъ распоряженіяхъ и безотлагательномъ заготовленіи началь-

ствами высшихъ и среднихъ заведеній вѣдомства Православнаго Исповѣданія на каждаго изъ обучающихся въ оныхъ молодыхъ людей изъ числа родившихся въ 1896 году и нуждающихся въ отерочкѣ для окончанія образованія подлежащихъ въ томъ удостовѣреній и о безпрепятственномъ, при томъ въ кратчайшей срокъ, снабженіи означенныхъ лицъ таковыми удостовѣреніями въ цѣляхъ предоставленія имъ возможности своевременно подать присутствіямъ по воинской повинности заявленія о предоставленіи имъ отерочки.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить Вашему Высокопреосвященству и покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, не отказать въ зависящихъ отъ Васъ распоряженіяхъ по настоящему предмету въ самомъ непродолжительномъ времени.

Испрашивая молитвъ Вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря, покорнѣйшимъ слугою

(подп.) *Александръ Самаринъ.*

Вѣрно: Начальникъ Отдѣленія *Н. Шарановъ.*

Архипастыри, посѣтившіе Харьковъ и Харьковскую епархію въ текущемъ 1915 году.

Высокопр. Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій 28—21 мая; освятилъ Трехсвятительскій храмъ 29 мая, а 31 совершилъ литургію въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Высокопр. Владиміръ, Архіепископъ Пензенскій и Саронскій въ январѣ, служилъ всенощную и литургію въ соборѣ и говорилъ поученіе.

Преосв. Гавріилъ, Епископъ Челябинскій, бывшій Острожскій. Въ январѣ совершилъ въ кафедральномъ соборѣ всенощную и литургію, а въ іюлѣ совершилъ литургію и всенощную—въ Святыхъ Горахъ (5-го), въ Благовѣщенскомъ соборѣ литургію (8-го), въ Покровскомъ архіер. монастырѣ (10-го) литургію и 12-го—всенощную и литургію); на всѣхъ литургіяхъ говорилъ поученія.

Преосвщ. Никодимъ, Епископъ Бѣлгородскій служилъ въ кафедральномъ соборѣ всенощную подъ 31 мая въ Каѳ. соборѣ, а 31-го сослужилъ Митрополиту въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Просвящ. Пантелеймонъ, Епископъ Двинскій — служилъ 10 и 11 іюля акаенсть и всенощную—въ кафедральномъ соборѣ, 12-го тамъ же литургію, а 15-го всенощную и литургію въ Святогорскомъ монастырѣ.

Пресвященныя: *Ееофанъ, Епископъ Полтавскій и Черяславскій, Сильвестръ, Епископъ Омскій и Павлодарскій, Анапій, Епископъ Екатеринославскій и Мариупольскій, Давидъ Епископъ Балтскій, Прокопій, Епископъ Елисаветградскій и Ееофанъ, Епископъ Рылскій* заѣзжали въ будніе дни и служеній не совершали кромѣ послѣдняго, отслужившаго чередной молебень предъ Озерянскою иконою Божіей матери въ Покровскомъ монастырѣ. Пресвященный Неофитъ, епископъ Прилукскій. Пресв. Пахомій, еп. Новгородъ-Сѣверскій. Пресв. Аверкіи, еп. Острожскій.

Всего за послѣдніе 71,2 мѣсяцевъ Харьковъ удостоился принять четырнадцать гостей Владыкъ.

Архипастырское благословеніе.

Резолюціей Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Артырскаго, на рапортъ священника Рождество-Богородичной церкви с. Берестовой, Купянскаго уѣзда, Максима Несвѣдова о томъ, что въ с. Берестовомъ прихожане единодушно согласились убрать солдатскій хлѣбъ въ первую очередь, при чемъ на долю каждой солдатки убрано 2—3 десятины совершенно безплатно,—преподается Архипастырское благословеніе прихожанамъ и пастырю Берестовскаго прихода.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

„Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища объявляетъ, что пріемные экзамены въ 1-й и другіе классы и переэкзаменовки во всѣхъ классахъ Училища назначены на 24, 25, 26 и 27-е августа 1916 года“

Предсѣдатель Совѣта, *Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.*

Членъ-Дѣлопроизводитель, *Прот. Н. Липскій.*

Отъ Купянскаго Духовнаго Училища.

Правленіе Купянскаго Духовнаго Училища извѣщаетъ, что нріемные экзамены въ пригготовительномъ классѣ будутъ производиться *27 августа*, а не 17, какъ было раньше напечатано.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи, *Викторъ Пантелеймоновъ*, 9 іюля опредѣленъ на священническое мѣсто при Тихоновской церкви с. Ганусовки, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Заштатный псаломщикъ, *Николай Мухинъ*, 10 іюля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви с. Крючки, Изюмскаго уѣзда.

3) Бывшій Псаломщикъ, *Тихонъ Мядскій*, 17 іюля опредѣленъ на таковое же мѣсто при церкви с. Заводы, Изюмскаго уѣзда.

4) Кандидатъ богословія Кіевской Духовной Академіи *Иванъ Первовъ*, опредѣленъ съ 1 августа на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви с. Алексѣевки, Валковскаго уѣзда.

5) Заштатный псаломщикъ *Андрей Бондарь*, 21 іюля опредѣленъ на таковое же мѣсто при Пророко-Ильинской церкви гор. Бѣлополя съ рукоположеніемъ въ санъ діакона.

6) Сынъ діакона, *Александръ Сертеевъ*, 21 іюля опредѣленъ на таковое же мѣсто при Архангело-Михайловской церкви г. Харькова.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Червленное, Лебединскаго уѣзда, *Николай Антоновъ*, резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 6 іюля перемѣщенъ въ с. Межиричъ, Лебединскаго уѣзда, къ Успенской церкви.

2) Священникъ церкви с. Поповки, Купянскаго уѣзда, *Леонидъ Соколовскій*, 6 іюля перемѣщенъ въ с. Червленнос, Лебединскаго у.

3) Священникъ Успенской церкви с. Межерича, Лебединскаго уѣзда, *Іоаннъ Соколовскій*, 6 іюля перемѣщенъ въ с. Поповку, Купянскаго уѣзда.

4) Священникъ церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда, *Ни-*

колай Голубовъ, по прошеніи, 9 іюля перемѣщенъ на службу въ Костромскую епархію.

5) Священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Шубиной, Харьковскаго уѣзда, *Петръ Подлужскій*, 9 іюля перемѣщенъ къ Митрофаніевской больничной церкви гор. Изюма, по прошенію, а на его мѣсто, по прошенію, 13 іюля перемѣщенъ священникъ церкви с. Пятницкаго, Волчанскаго уѣзда, *Іаковъ Коцаревъ*,

6) Священники церквей: с. Матузовки, Зміевского уѣзда, *Іоаннъ Андроновъ*, и с. Токарей Сумскаго уѣзда, *Феофилактъ Павловскій*, по прошенію 15 іюля взаимно перемѣщены.

7) Священники церквей: с. Зориковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Николай Николаевскій*, по прошенію, перемѣщенъ къ Покровской церкви с. Старой Водолаги, Валковскаго уѣзда, Преображенской—с. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Андрей Лѣпскій*, по прошенію, перемѣщенъ въ с. Зориковку, того-же уѣзда и с. Ганусовки, Старобѣльскаго уѣзда *Александръ Тихоміровъ*, согласно прошенію, перемѣщенъ въ с. Марковку, того-же уѣзда, на мѣсто священника А. Лѣпскаго.

8) Діаконъ-псаломщикъ Харьковской Преображенской церкви, *Петръ Григоровичъ* и діаконъ церкви с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда, *Николай Поповъ*, по прошенію, 11 іюля взаимно перемѣщены.

9) Псаломщикъ Покровской церкви с. Алексѣевки, Валковскаго уѣзда *Василій Михайловскій*, по прошенію, 14 іюля перемѣщенъ къ Вознесенской церкви с. Пески, Изюмскаго уѣзда.

10) Псаломщики церквей: Николаевской с. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, *Гаврилъ Торанскій* и Николаевской—с. Березовки, того-же уѣзда, *Михаилъ Мураховскій*, согласно ихъ прошенію 17 іюля взаимно перемѣщены.

11) Псаломщики церквей: с. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, *Іоаннъ Раевскій* и с. Шандриголовой, того-же уѣзда, *Іоаннъ Оворовъ*, согласно ихъ прошенію, 21 іюля взаимно перемѣщены.

3) Объ увольненіи духовенства за штатъ.

1) Священникъ Успенской церкви с. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда *Косма Щелоковскій*, по прошенію 7 іюля уволенъ за штатъ.

2) Священникъ церкви с. Заводы, Изюмскаго уѣзда, *Василій Овощевъ*, 7 іюля епархіальнымъ начальствомъ уволенъ отъ мѣста.

3) Священникъ Покровской церкви с. Старой Водолаги, Валковскаго уѣзда, *Іоаннъ Николаевскій*, по прошенію 7 іюля уволенъ за штатъ и отъ должности благочиннаго.

4) Діаконъ-псаломщикъ церкви с. Крючки, Изюмскаго уѣзда, *Теодоръ Ткаченко*, 10 іюля уволенъ за штатъ.

4) Псаломщикъ Владимірска-Богородичной церкви с. Должика, Харьковскаго уѣзда, *Николай Гриценко*, 7 іюля уволенъ отъ мѣста.

6) Псаломщикъ церкви с. Заводы, Изюмскаго уѣзда, *Іоаннъ Мартыновъ*, 23 мая уволенъ отъ мѣста.

7) Псаломщикъ Пророко-Ильинской Церкви гор. Бѣлополя, *Захарій Молчанъ*, по прошенію, 21 іюля уволенъ за штатъ.

4) О смерти духовенства.

1) Священникъ церкви с. Денежниковой, Старобѣльскаго уѣзда, *Алексій Торанскій*, 4 іюля умеръ.

2) Псаломщикъ церкви с. Пески, Изюмскаго уѣзда, *А. Ворбиновъ*, 12 іюля умеръ.

5) Ванантныя мѣста.

1) Священническія:

При Успенской церкви с. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.

„ Петро-Павловской церкви с. Заводы, Изюмскаго уѣзда.

„ Петро-Павловской церкви с. Денежниковой, Староб. уѣзда.

„ Іоанно-Предтеченской церкви с. Знаменскаго, Изюм. уѣзда.

Вакантныхъ діаконскихъ и псаломщицкихъ мѣстъ не имѣется.

II.

Содержаніе. Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ теченій. (Окончаніе). *Свящ. М. Слущкаго.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія Богослуженія.—Паломничество „ревнителей святой православной вѣры и благочестія“ изъ города Харькова въ Куряжскую обитель. (Продолжен.)—Иноеперхіальный отдѣлъ.—Пастырь-мученикъ.—Озапасенныхъ священникахъ въ Тульской епархіи.—О близости къ народу.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Народные или приходскія дома.—Объявлен.

Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ теченій.

(Окончаніе)*.

Всѣ эти выступленія украинцевъ, демократовъ съ требованіями „четыреххвостки“, а также нѣкоторыхъ земцевъ съ мечтой наложить свою руку на церковныя земли, чтобы дать народу больше веселыхъ удовольствій,—все это напоминало лишь всплески волнъ послѣ бурь 1905 г., все это были выкрики отдѣльныхъ ночныхъ филиновъ и совъ, все это было лишь жалкое шипѣнье пресмыкающихся. На съѣздѣ уже чувствовался восходъ русскаго свѣта и русской правды, почему всѣ эти филины, совы и насвистанные въ дни революціи попугаи не имѣли того успѣха, о которомъ мечтали. Теперь иныя пѣсни, иныя настроенія. Общій духъ, царившій на съѣздѣ, говорилъ о томъ, что все спасеніе жизни какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлыхъ обществъ и государствъ не во внѣшнихъ условіяхъ, а во внутреннемъ перерожденіи души, мысли, чувствъ, воли, настроеній. Это очень важный итогъ, полученный отъ цѣлаго ряда докладовъ. Центръ тяжести видимо перенесенъ совершенно въ иную плоскость, чѣмъ полагали всѣ эти отсталые въ идейныхъ теченіяхъ самозванные вожди народныхъ массъ, перелетающіе съ одного съезда на другой, чтобы вспрыскивать революціонный морфій, дабы искусственно вспыхнуть притокомъ якобы новыхъ силъ, энергій, но послѣ чего обычно наступаетъ еще большая слабость и увяданіе. И какъ ни старались всѣ эти морфинисты вспрыснуть и въ организмъ съѣзда губительный ядъ, этого имъ не удалось. И съѣздъ

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13 за 1915 г.

на революціонный путь не вступилъ, давъ должный отпоръ соблазнительямъ, потребовавъ ихъ удаленія изъ засѣданія 12-го іюня въ народномъ домѣ. Большаго позора, большаго оскорбленія не могли получить „свободолюбцы“. Если-бы ихъ удалили по приказу администраціи, или требованію „черносотенцевъ“, о, тогда бы они съ гордымъ челомъ покидали залъ, переживая внутренній восторгъ отъ побѣды. Но здѣсь вѣдь здравомыслящее собраніе демократическаго характера потребовало удаленія „товарищей-демократовъ“ съ болѣзненно-разстроенной фантазіей, впавшихъ въ революціонную прелесть, не желавшихъ считаться съ жизнью и переживаемыми событіями. Выгоняемые недавніе демагоги, властители трибунъ, не хотѣли вѣрить, что ихъ выводятъ изъ собранія, какъ зарвавшихся, ихъ же недавніе товарищи значительно поумнѣвшіе, болѣе постигшіе сущность прогресса. Ясно было, что всѣ эти выходки г. Ивановыхъ, недавно считавшіяся за высшій, кульминаціонный пунктъ демократизма, теперь, послѣ итоговъ жизни и болѣе продуманной мысли, казались уже, несомнѣнно, какъ болѣзненный наростъ, язва, болячка, говорящая за то, что въ организмѣ все еще есть остатки яда, заразы и что съ этимъ зломъ продолжаетъ бороться организмъ, жаждущій полного выздоровленія. Этотъ фактъ сознанія, что вся великая творческая работа жизни и живыхъ душъ зависитъ отъ личности чело-вѣка, его внутренняго багажа, а не отъ политическихъ формъ жизни, является самымъ главнымъ по нашему мнѣнію достояніемъ съѣзда и самымъ главнымъ условіемъ для культурнаго развитія общества. Теперь политическія страсти должны стихнуть, ибо не въ нихъ сила и тайна счастья жизни. А вѣдь что такъ портило кашу жизнь, наши взаимоотношенія, какъ не политическая борьба, которая друзей сдѣлала врагами, которая внесла удушливые газы въ семейные очаги, вооружила легкодовѣрчивыхъ дѣтей противъ родителей, которая создала пирамиды костей и провела русла слезъ въ нашей жизни. И все вѣдь это сѣялось нѣмцами, а культивировалось русскими измѣнниками, продавшими совѣсть за нѣмецкіе сребренники. Нѣмцы привили намъ болѣзнь политической борьбы, борьбы страстной, нарисовавъ рукою Бебеля, Маркса, Либкнехта и др. соціальный рай счастья. И мы боролись, мы враждовали на свою поги-

бель. Не было съѣзда, собранія, гдѣ-бы этотъ политическій психозъ не сказался и не поднялась война между близкими люлями. Политика давила на нашу мысль, чувства, настроенія. И люди ждали счастья. Теперь съѣздъ заявилъ, что все это миражъ, что нужно избрать для счастья людей иные пути. И это самая важная побѣда съѣзда, который снялъ нѣмецкіе оковы, развязалъ руки русскаго чудо-богатыря и публично осудилъ мятежниковъ недавнихъ въ лицѣ г. Иванова, по адресу котораго несся могучій протестъ русскаго народа: „вонъ его“, „провокакторъ“, „хочетъ сорвать собраніе“ и т. п.

Благодаря большинству членовъ съѣзда восторжествовало надъ безуміемъ отдѣльныхъ выскочекъ, желавшихъ въ эти историческіе дни міровыхъ событій подчинить волю большинства своимъ узко-партийнымъ интересамъ, сѣять смуту, производить рознь, особенно цѣнную для нѣмцевъ.

Не можемъ скрыть и того, что громаднѣйшее количество докладовъ было посвящено разнаго рода разумнымъ развлеченіямъ почти исключительно свѣтскаго характера. Правда, выступали въ дебатахъ нѣкоторые ораторы, упоминашіе о душѣ, о духовномъ прогрессѣ, о воплощеніи въ жизни высшихъ идеаловъ, но все это были отдѣльные отклики душъ, отклики довольно туманные, неясные, далекіе отъ Церкви и несомнѣнно чуждые и малопонятные для той сермяжной Руси, которая искони вѣковъ воспиталась въ духѣ церковно-христіанскихъ идеаловъ и нынѣ сіяетъ плодами этого воспитания предъ всѣмъ міромъ.

Въ большинствѣ странъ міра мы видимъ, что руководящіе умы націи, ея духовные вожди, раздѣляютъ въ большей или меньшей степени національную религіозность, между тѣмъ у насъ такіе защитники вѣры являются рѣдкими единицами, что особенно ярко сказалось на съѣздѣ. А между тѣмъ, только на почвѣ вѣры, высшихъ христіанскихъ идеаловъ и возможна духовная культура и единеніе всѣхъ духовныхъ вождей съ народными массами. При помощи же только кинематографовъ, народныхъ домовъ, театровъ, лекцій и цѣлаго ряда веселыхъ развлеченій духовная культура народныхъ массъ невозможна, какъ невозможно и единеніе интеллигентныхъ лицъ съ народомъ-богоносцемъ. Только религіозные идеалы могутъ слить эти два русла на-

шей жизни въ одинъ океанъ высшихъ настроеній и благороднѣйшихъ часовъ священнаго досуга.

Когда вы заходите въ синагогу, костелъ, кирху, мечеть—вы всюду видите сліяніе всѣхъ классовъ общества—на почвѣ родной и святой вѣры. Здѣсь всѣ-богатые и бѣдные, знатные и убогіе, ученые и простецы, забываютъ свое различіе земное и предъ Богомъ сливаются въ одинъ молитвенно-взывающій къ Богу хоръ. И такого единенія всѣхъ народныхъ силъ возможно достигать только на почвѣ религія; вотъ почему, по словамъ проф. Шульце Геверницъ, „религія и до сихъ поръ есть нервъ англо-саксонской культуры и на ряду съ духовенствомъ всюду выступаютъ и свѣтскіе проповѣдники: врачи, юристы, вожакіи рабочихъ“. Но какъ рѣдко у насъ на Руси сліяніе великой русской семьи! Наши образованные вожди не только удаляются отъ „мужицкой“ вѣры, но еще стремятся всѣми способами разрушить народную вѣру, изгнать церковность изъ общаго уклада русской жизни, разлагая этимъ и пародную душу, сдвигая ее съ крѣпкихъ вѣковыхъ основаній. И если народный досугъ въ особенности по селамъ будетъ заполненъ только развлеченіями свѣтскаго характера: театромъ, музыкой, кинематографомъ и если душа народная будетъ лишена духовнаго хлѣба, высшей церковной поэзіи, религіозно-нравственныхъ утѣшеній и воодушевленій, то подобнаго рода развлеченіями гг. культурегетеры привьютъ здоровому деревенскому организму всѣ пороки городской культуры съ ея гангреной духа, распущенностью и полной безпринципностью. И вотъ на эту сторону нашей жизни, при шествіи колесницы увеселеній изъ города на деревенскія цѣльныя нивы, нужно обратить особенное вниманіе, чтобы увеселеніе и развлеченіе не перешло въ одно развращеніе народныхъ массъ, если гг. просвѣтителіи не будутъ уважать религіозно-нравственныя основы народа и будутъ веселиться подъ удары колокола, въ часы освященныхъ вѣками богослуженій, игнорируя голосъ Церкви.

Мы очень жалѣемъ, что наши доморощенные демократы, выступавшіе на съѣздѣ и полагающіе, что построеніе жизни народной и использованіе досуга на принципахъ демократизма должно совершаться прежде всего игнорированіемъ Церкви и голоса ея пастырей, мало знакомы и не

воспользовались поучительными примѣрами самыхъ демократическихъ странъ міра—Американскихъ штатовъ и Англии. Какъ же тамъ заполняютъ народный досугъ? Только кинематографомъ, театромъ, танцами? Нѣтъ. Есть и эти виды удовольствій, но тамъ есть кое-что поучительное и для нашихъ демократовъ, питающихся обычно отбросами цивилизации.

Въ самой демократической странѣ міра—Америкѣ культурно-общественное развитіе народныхъ массъ *идетъ параллельно съ религіознымъ* и потому въ его существѣ нѣтъ той нравственной дряблости, которая составляетъ выдающуюся черту въ культурныхъ классахъ европейскихъ народовъ и особенно нашей интеллигенціи, о которой справедливо сказалъ въ „Вѣхахъ“ С. Булгаковъ, что „нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская. Атеизмъ есть общая вѣра, въ которую крещаются вступающіе въ лоно церкви интеллигентски—гуманистической, и не только изъ образованнаго класса, но и изъ народа. Религіознымъ индифферентизмомъ и отрицаніемъ пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура (которую теперь хотятъ насадить и среди народа), съ ея газетами, журналами, направленіями, нравами, предразсудками, подобно тому, какъ дыханіемъ окисляется кровь, распространяющаяся потомъ по всему организму“. По словамъ того же автора „ни въ одной странѣ въ Европѣ интеллигенція не знаетъ такого повального массоваго индифферентизма къ религіи, какъ наша“. И въ этомъ отношеніи шестіе этой рати въ деревню, гдѣ еще религія является движущей силой, для всего вѣрующаго народа, для Церкви и особенно для пастырей должно быть не безразлично, почему теперь же должны быть приняты мѣры, чтобы веселая плотская, материалистическая культура не загасила лампаду вѣры въ народной душѣ. Вѣдь насаждать увеселительную культуру среди религіознаго, серьезно-смотрящаго на жизнь трудового населенія будутъ такіе просвѣтители, большинство которыхъ сами не имѣютъ духовнаго елеса, чтобы озарять народу путь, которые сами запутались среди „бездорожья“ и страдаютъ сами отъ духовнаго обнищанія. Конечно, есть и среди нашего образованнаго общества идейные борцы за святыни души, за Церковь, но все это рѣдкія пока свѣтящіяся

Демократическая Америка не знаетъ такой интеллигенціи, которая подтачивала бы свое нравственное существо отрицаніемъ религіознаго начала; въ ней нѣтъ общества, отдѣленнаго отъ церковной корпораціи, и нѣтъ литературы, игнорирующей религію, какъ одинъ изъ важныхъ дѣятелей культурнаго и общественнаго развитія. Вотъ поэтому-то тамъ и наука живетъ, а также и всѣ просвѣтительныя дѣянія въ гармоническомъ единеніи съ религіозною вѣрою и скептическія произведенія стараго свѣта тамъ почти совсѣмъ не находятъ сбыта. У демократовъ въ Америкѣ, на которую часто ссылаются демократы Россіи, нѣтъ того разлада между разными силами духа, которымъ страдаютъ наши прогрессисты,—тамъ нѣтъ противорѣчія между разумомъ и вѣрой.

Вслѣдствіе этого, въ Америкѣ самое центральное мѣсто отведено религіи и въ дѣлѣ использованія наилучшимъ образомъ народнаго досуга и тамъ само общественное мнѣніе громко и опредѣленно высказывается противъ всякаго уклоненія отъ общепринятаго религіозно-нравственнаго начала. И въ этомъ отношеніи наши демократы совершенно не похожи на демократовъ Америки.

Мы указали уже, сколько веселья, удовольствій, развлеченій готовятъ наши интеллигенты для селъ и городовъ, конечно, приурочивая эту обильную пищу для воскресныхъ и праздничныхъ дней.

О, какъ бы хотѣлось, чтобы въ эти великіе христіанскіе дни звучала иная проповѣдь-проповѣдь о великомъ, важномъ и святомъ для человѣческой души. Чтобы дѣйствительно душа отдохнула, освѣжилась, насытилась обильно духовными зернами вѣры. А тутъ готовятся театры, кинематографы, танцы, безъалкогольные трактиры. Если бы еще съ подмостковъ театра, чрезъ кинематографъ призывали къ благородному, высокому и доброму, то это еще допустимо. Но мы уже знаемъ, въ какіе очаги заразы превращаются театры, кинематографы въ нашихъ городахъ. И какъ жаль, если подобные потоки грязи польются въ еще свѣжія виды народной жизни.

Несомнѣнно подавляющее большинство просвѣтителей скажетъ намъ: да возможны ли ваши рецепты въ наши дни, въ вѣкъ демократизма?

Конечно возможны. Посмотрите на Англию, Америку, гдѣ воскресенье еще свято читается народомъ. Въ Америкѣ въ этотъ день закрываются не только всѣ торговля, промышленныя, питейныя и *увеселительныя заведенія*, но даже и общественныя библіотеки, а у насъ демократическая рать стремится создавать дворцы для разнаго рода увеселеній именно въ дни Божіи, въ дни священные. Наскільки демократы новаго свѣта чтутъ воскресный день, объ этомъ можно судить потому, что, когда введеніе въ Ізвѣстный Домъ новаго президента, совершающееся обыкновенно 4 марта, совпало съ воскреснымъ днемъ, то общественное мнѣніе не позволило нарушить его святости даже этимъ великимъ національнымъ торжествомъ и вопреки обычаю „инавгураціи“ была отложена до слѣдующаго дня.

Общественное мнѣніе съ такою же силою высказалось противъ открытія по воскреснымъ днямъ всемірной выставки въ Филадельфіи, не смотря на то, что тутъ общественному мнѣнію приходилось считаться съ сильнымъ иностраннымъ элементомъ въ видѣ разноязычныхъ и разновѣрныхъ экспонентовъ и посѣтителей выставки. Въ одномъ изъ большихъ городовъ антрепренеръ одного изъ городскихъ театровъ вздумалъ отступить отъ общаго обычая и сталъ давать представленія и по воскреснымъ днямъ, рассчитывая на значительный доходъ. Но онъ ошибся. Общественное мнѣніе энергично высказалось противъ такого нововведенія тѣмъ, что среди лучшаго мѣстнаго общества открылась подписка подъ клятвой никогда не посѣщать такого театра, который будетъ открывать свои двери по воскреснымъ днямъ. А у насъ теперь стремится наивозможно шире распахнуть двери театровъ да еще и на государственный счетъ, чтобы скорѣе закрыть двери храмовъ Божіихъ и музыкой заглушить звонъ церковныхъ колоколовъ.

Члены съезда, по нашему глубокому убѣжденію, создавали проекты разнаго рода раввлеченій, не учитывая психологию народной, не считаясь съ бытомъ и укладомъ жизни нашего народа-богоносца, почему не могли нарисовать той перспективы, какая получится въ жизни народной при проведеніи всѣхъ этихъ однобожихъ проектовъ.

На съездѣ видимо была группа руководителей, которые дипломатично старались какъ нибудь изъять религиозно-

нравственный элементъ въ дѣлѣ использованія народнаго досуга и, такъ казалось, силились все это просвѣщеніе насаждать свѣтскими силами безъ участія самыхъ интеллигентныхъ силъ деревни—духовенства, ибо о немъ очень и очень мало упоминалось Несомнѣнно, все это дѣлалось для того, чтобы потомъ, когда будутъ ассигновываться средства на поднятіе духовной культуры народа и просвѣтителі будутъ распредѣлять свои роли, можно было сказать пастырямъ, что эти средства предназначены на все, кромѣ религіозно-нравственнаго отдѣла, *ибо о немъ нѣтъ никакихъ пожеланій съѣзда, а эти пожеланія съѣзда, на основаніи научно-разработанныхъ докладовъ, положены въ основаніе всей культурно-просвѣтительной работы и на основаніи ихъ распредѣляются и ассигновки, дѣлаются соотвѣтствующія ходатайства къ Правительству, земству, обществамъ и т. д.* А поэтому, выходило такъ, что если-бы какой-либо пастырь пожелалъ насаждать духовную культуру въ селѣ, собравъ соработниковъ, и обратился за денежной помощью къ насадителямъ культуры—помочь оборудовать аудиторію, пріобрѣсти картины, фонарь и т. п. то ему всегда могли бы сказать: извините, батюшка, на религіозно-нравственное просвѣщеніе у насъ нѣтъ средствъ, *ибо мы строго выполняемъ пожеланія съѣзда.*

Вотъ предвидя эти дипломатическіе отвѣты свѣтскихъ просвѣтителіей, мною былъ предложенъ на I секціи рядъ тезисовъ и объ участіи духовенства, какъ историческихъ вождей народа, также и объ внесеніи въ перечень разнаго рода просвѣтительныхъ лекцій и бесѣдъ и *религіозно-нравственныхъ лекцій, бесѣдъ, вечеровъ.* Всѣ эти тезисы, переданные потомъ мною предсѣдателю секціи письменно, были приняты членами съѣзда и даже я удостоился, сверхъ всякаго ожиданія, апплодисментовъ.

Что-же оказалось потомъ? Оказалось то, что практикуется обычно въ жизни. Когда 12 іюня въ Народномъ домѣ собрались всѣ члены съѣзда (около 500 человѣкъ), чтобы санкціонировать постановленія секцій, объ участіи духовенства я уже не слышалъ, а также почему-то былъ изъятъ отдѣлъ религіозно-нравственный, ибо о религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ *не упомянуто.* Перечислены были: исторія, географія, гигиена, сельско-хозяйственныя бесѣды, санитарія и *этика, а религіозно-нравственныя бесѣды чьею-то не-*

въдомую рукой были изъяты. Считая это изъятіе большимъ пробѣломъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа, я, не взирая на то, что на этомъ пленарномъ засѣданіи поправки уже не допускались, а постановили: или принимать положенія или отвергать голосованіемъ, я какъ представитель духовенства, выразилъ протестъ противъ этого изъятія религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и просилъ г. предсѣдателя С. А. Раевского и президіумъ внести и религіозно-нравственный отдѣлъ и участіе духовенства въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ. Мое предложеніе было внесено на баллотировку и, къ великому утѣшенію, подавляющее большинство членовъ (свыше 400 членовъ) высказались за внесеніе моего предложенія, что и было сдѣлано. Такимъ образомъ, съѣздъ санкціонировалъ важность религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и участіе духовенства, какъ культурныхъ работниковъ на нивѣ народной. Теперь и духовенство имѣетъ равноправіе на средства и созиданіе разнаго рода культурныхъ очаговъ для поднятія духовнаго роста народа: библіотеки, читальни, оборудованіе залъ, приобрѣтеніе картинъ, приходскихъ домовъ.

Предъ духовенствомъ теперь открывается громадное поле для творчества и труда при поддержкѣ матеріальной Государства, земства, обществъ и городовъ. Если всѣ просвѣтители рассчитываютъ на эти средства, то вѣдь и духовенство работаетъ на той же нивѣ и сѣетъ изъ богатой кошницы тѣ же зерна добра.

Внесенная мною поправка-добавленіе дала поводъ и г. Иванову внести тоже „поправки“, но г. предсѣдатель, предчувствуя духъ этихъ поправокъ, уже раздававшихся на секціи, лишилъ Иванова этого права, что вызвало бурю, поднятую демократами и закончившуюся тѣмъ, что г. Ивановъ по требованію подавляющаго большинства членовъ съѣзда былъ удаленъ изъ зала и съѣздъ благополучно закончилъ свои дѣянія. Благоразуміе и единодушіе большинства взяло перевѣсъ надъ небольшою кучкою ораторовъ, мечтавшихъ половить рыбку въ мутной водѣ и желавшихъ дѣловой съѣздъ превратить въ митингъ политическаго характера.

Въ виду того, что всѣ эти дѣянія съѣзда несомнѣнно будутъ проводиться въ жизнь и уже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ разрабатываются проекты созданія

народныхъ домовъ, а многіе города и земства уже ихъ создаютъ, необходимо, чтобы и духовенство *немедленно* приступило къ выработкѣ своихъ проектовъ, дабы не оказаться въ хвостѣ просвѣтителей. Мы имѣемъ всѣ данныя на равноправіе съ другими дѣятелями. Тамъ уже идетъ подготовительная работа, создаются планы домовъ, производится подсчетъ затратъ, вербуются дѣятели, организовано уже лекціонное бюро и бюро по наведенію всѣхъ справокъ, устанавливаются взаимоотношенія между городомъ, уѣздомъ и сслами, словомъ тамъ готовится планомѣрная работа. Среди идейныхъ работниковъ, желающихъ искренно блага народу, конечно готовятъ свои планы и враги Церкви, чтобы использовать всѣ каѳедры: театра, кинематографа, лекцій и т. п. ибо враги не дремлютъ. Необходимо поэтому, чтобы и наше духовенство, которое несомнѣнно первымъ должно почувствовать всѣ блага и прелести шествія культурной колесницы, не оказалось неподготовленнымъ.

Что-же должны мы-пастыри дѣлать? Съ чего начать творческую работу?

А вотъ что нужно начать теперь же.

1) *Организовать* въ г. Харьковѣ *Центральный Комитетъ* духовнаго просвѣщенія для выработки всѣхъ способовъ наивозможно рациональнаго использованія народнаго досуга въ духѣ религіозно-нравственныхъ основъ Православной Церкви.

2. Центральный Комитетъ долженъ въ первую очередь заняться: а) выработкою проектовъ и типовъ „*приходскихъ домовъ*“ и наивозможно шире пропагандировать предпочтительность „*приходскихъ домовъ*“, предъ домами-театрами на основаніи данныхъ жизни и съ идейной стороны; б) до-созданія приходскихъ или народныхъ домовъ разработать проектъ устройства разнаго рода чтеній, лекцій въ школьныхъ помѣщеніяхъ, имѣя въ виду и земскія школы, согласно заключенію съѣзда; в) подобрать кадръ работниковъ изъ „живыхъ силъ“ епархіи (участіе священниковъ, діаконъ, псаломщиковъ, учителей, регентовъ и тѣхъ членовъ семействъ духовенства, какія окажутся способными внести долю посильную своего труда напр. по завѣдыванію бібліотеками, читальнями, устройству духовныхъ концертовъ, лек-

цій); г) составить смѣты по устройству „приходскихъ домовъ“, библиотекъ, читаленъ, пѣвческихъ хоровъ; д) подобрать на первое время образцы лучшіе для библиотекъ, чтенія въ залѣ, картинъ и т. п. е) изыскать средства.

3. Центральный Комитетъ долженъ явиться для всѣхъ „живыхъ силъ“ епархіи той ячейкой, куда всѣ могутъ обращаться за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ, связанныхъ съ поднятіемъ духовной культуры народа; должна идти посильная братская помощь всѣмъ вопрошающимъ.

4. Въ виду важности предстоящихъ трудовъ, необходимо, чтобы съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства устроить съѣздъ изъ желающихъ духовныхъ силъ епархіи, гдѣ-бы побесѣдовать по этимъ вопросамъ и начертать соответствующій планъ работъ, а также вынести свои извѣстныя пожеланія, которыя несомнѣнно будутъ приняты и правительствомъ и обществомъ при проведеніи тѣхъ или иныхъ постановленій въ жизнь.

5. Центральный Духовный Комитетъ долженъ подготовить соответствующіе матеріалы для съѣзда и темы для докладовъ.

Несомнѣнно, что всѣ эти пожеланія наши вызовутъ у многихъ естественный вопросъ: время ли теперь для разнаго рода проектовъ, развлеченій, съѣздовъ, когда у всѣхъ должна быть одна забота о войнѣ и всѣхъ жертвахъ ея? Да, такой вопросъ задавали и мы, когда узнали о созывѣ съѣзда въ г. Харьковѣ. Быть можетъ и не время, но для насъ важенъ жизненный фактъ тотъ, что „просвѣтители“ работаютъ, создали проекты, сьорганизовались, намѣтили пути, изыскиваютъ средства и въ этомъ направленіи энергично проявляютъ соответствующее творчество. Вѣроятно и они вѣдь учитывали время и считаются съ моментомъ, подготавливая заранѣе все необходимое для культурныхъ развлеченій. А что, ихъ мечты, проекты не являются лишь простой болтовней и лишь взаимнымъ обмѣномъ мнѣній, объ этомъ говорятъ ассигновки на народные дома и постановленія городскихъ думъ и земскихъ собраній. Если же мы будемъ ублаживать себя мыслью, что теперь не время, что еще успѣемъ, то мы не будемъ на высотѣ своего званія и едва ли тогда успѣемъ въ подвигахъ религіозно-нравственныхъ веренъ.

Для насъ вотъ теперь-то время и является особенно благопріятнымъ. Война подвела итоги „обезбоженной“ культурѣ, дѣлающей душу людей „свинской“ и „лютой“, какъ это весь міръ видитъ на примѣрѣ нѣмцевъ. А вѣдь эти впечатлѣнія жизни неотразимы. Теперь всѣ уже убѣдились, что „Чингисъ-ханъ съ телефономъ“ (по выраженію Герцена) хуже „Чингисъ-хана безъ телефона“. Весь міръ теперь убѣждается въ банкротствѣ материалистическаго прогресса и всѣ лучшіе сыны Англии, Франціи теперь горячо молятся подъ сводами святыхъ храмовъ, возвращаются въ Церковь, обращаются къ вѣрѣ, религіи, какъ къ единственному якорю спасенія жизни отъ крушенія. По словамъ С. Булгакова, (въ статьѣ „Поверженный кумиръ“) *„Русская культура должна испить своихъ собственныхъ родниковъ, а истоки культуры тамъ-же, гдѣ и всякаго культа почитанія святыхъ—въ религіи. Религіозные ростки русской культуры изсушились европейскимъ раціонализмомъ, понятнымъ нашимъ западническимъ не какъ болѣзнѣ Европы, но какъ ея жизненное начало“* (Утро Рос.“ 30 авг. 1914 г.) Вотъ мы пастыри и должны теперь выступить во всеоружіи, съ богатымъ запасомъ жизненной правды и принять мѣры, чтобы болѣзни Европы не переносились на Св. Русь и чтобы дать должную оцѣнку тому архивному хламу европейской культуры, который выдается иногда за послѣднее слово прогресса.

Если мы дерзали и раньше выступать за родныя святыни вѣры и нравственности, за церковные идеалы русской души, когда мы были болѣе одиноки, а враги дерзки и надменны, то теперь намъ уже легче, ибо за насъ уже многіе стали и изъ тѣхъ, которые раньше были противъ насъ. Уже замѣчается поворотъ въ область православія, многіе уже цѣлуютъ опять ту „бѣлоснѣжную ризу Церкви“, которую раньше раздирали, ставятъ свѣчи и съ трепетомъ переступаютъ „опять дорогой“ порогъ храма Божія. Многіе же это скрываютъ въ душѣ лишь, не рѣшаясь высказать открыто. Но несомнѣненъ тотъ фактъ, что война переоцѣнила всѣ цѣнности и люди начали пересматривать сокровища души и мысли. И тѣ, которые раньше изрекали лишь осужденія Церкви и ея служителямъ, теперь, послѣ войны, уже вотъ что пишутъ: „Много добраго, много хлѣба и всякаго зерна хранится по русскимъ деревнямъ,—по лѣснымъ и степнымъ

равнинамъ, но лучше всего эта пшеница Господня, сохраненная Церковью, и которою питается русскій народъ. Отъ нея—доброе и простое сердце, всѣхъ милующее и о всѣхъ болящее. Спасибо вамъ, попы, и спасибо вамъ, дьяконы, и спасибо имъ, нашимъ древнимъ дьячкамъ, а теперешнимъ псаломщикамъ и господамъ звонарямъ. И въ самомъ звонѣ они воспитывали русскую душу: вѣдь какой онъ добрый и ласковый!“ И это признаніе силы религіи и подвиговъ духовенства свѣтскими интеллигентами являются знаменіемъ времени и предвѣстникомъ грядущей духовно-религіозной культуры, которая должна послѣ войны начать золотой вѣкъ жизни людей.

И нынѣ всѣ пастыри Церкви, всѣ лучшіе сыны родины, Государство и Земство и разнаго рода просвѣтители должны объединиться для того, чтобы всѣ эти богатства народнаго духа, питаемая Церковію, приумножить, укрѣпить, а не расхищать и уничтожать безрелигіозной и обезбоженной культурой, ибо они являются единственнымъ источникомъ духовной силы народа.

Разрушеніе же въ народѣ вѣковыхъ религіозно-нравственныхъ устоевъ прелестями отрицательной городской культуры посредствомъ порнографической литературы, соблазнительнаго театра и кинематографовъ освобождаетъ въ немъ темныя стихіи, освобождаетъ звѣря. И вы только присмотритесь, до какихъ границъ хулиганства, „библейскаго хамства“ доходятъ „просвѣщенные товарищи“ въ тѣхъ деревняхъ и подгороднихъ селахъ, куда проникла атеистическая культура и проповѣдь. Предъ хулиганствомъ „культурныхъ“ деревень содрагаются души многихъ.

Теперь уже лучшія, искреннія натуры и нашей интеллигенціи ясно сознаютъ, что возрожденіе и насажденіе культуры нынѣ только и можетъ быть на почвѣ святой вѣры, религіи. Этотъ поворотъ къ вѣрѣ, къ Богу, къ Церкви свидѣтельствуетъ о томъ, что въ атмосферѣ безбожья и культа одной плоти задыхается человѣческое существо, ибо „душа по природѣ христіанка“, и она всегда рвется къ свѣту и теплу Церкви Христовой, вотъ почему теперь особенно благовременно насаждать въ дни досуга религіозную культуру и въ насажденіи этой культуры духовенство обязано занять первобытную позицію и получить право первенства на ассиг-

новки отъ Государства, земства и другихъ источниковъ, при созданіи „приходскихъ домовъ“, библиотекъ, читаленъ, бесѣдъ, лекцій, тѣлескихъ обществъ и т. п. И затраты на эти очаги религіозной культуры дадутъ большіе проценты и Государству, и земству и обществу.

Недавно на страницахъ „Новаго Времени“ Энгельгардтъ въ статьѣ „Вѣщіе дни“ подѣлился мыслями неизвѣстнаго ему лично читателя. Скрывшій свое имя интеллигентъ свидѣтельствуешь, что „общество жаждетъ религіознаго содержанія“. „Многимъ изъ насъ, пишетъ тотъ же авторъ, хочется вновь ступить и душой и тѣломъ, и всѣмъ существомъ безраздѣльно на родную священную почву; хочется углубиться въ нее, чтобы почувствовать и понять ея богатѣйшія нѣдры. Точно и вправду имѣли мы дивныя россыпи, заглянули въ нихъ, чуть чуть покопались, а затѣмъ забросали, едва не забыли вовсе. Но, слава Богу,—наше богатство не за горами. Оно здѣсь, оно всюду кругомъ. Сколько ихъ, этихъ заброшенныхъ нами храмовъ, церквей и церковокъ. Сколько ихъ на Руси святой! Но мы-просвѣщенные, искушенные отъ многихъ чужихъ культуръ, *какъ долго мы обходили родную культуру духа, вѣрнѣе завѣщанную намъ культуру великой Эллады, культуру многообразную*“.

Продолжая дальше свои сужденія по данному вопросу, авторъ-интеллигентъ глубоко убѣжденъ, что это религіозное возрожденіе и обновленіе души интеллигенціи въ православіи принесетъ громаднѣйшую пользу какъ самой интеллигенціи, такъ и народу.

„Именно хочется вновь, откровенно сознается авторъ въ исповѣди души, а вѣрнѣе впервые просвѣтиться, уйдя въ глѣбъ, въ самыя нѣдра родимой духовной культуры. Хочется вѣры сознательной, хочется наслѣдія, которое можно смѣло почестъ наслѣдіемъ добра, правды и красоты и которое мы, какъ лукавые рабы, старались запрятать поглубже въ землю, поглубже въ сердце. Слава Богу, мы начинаемъ одумываться, что-то припоминать, что-то выкапывать изъ запустѣлыхъ рудниковъ духа нашего. И вотъ уже показываются на свѣтъ первыя золотыя крупинки. Но что будетъ дальше? Даже представить нельзя, какъ волшебнымъ образомъ, вся Россія, а оттого и весь міръ разбогатѣемъ духомъ, истиннымъ духовнымъ просвѣщеніемъ“.

Не объ этомъ ли имѣлъ мужество открыто исповѣдывать и свою душу на съѣздѣ г. Евдокимовъ, который поэтически обрисовалъ красоту нашихъ древнихъ храмовъ, который говорилъ „о духовномъ народномъ грунтѣ“, о красотѣ, о высшей духовной поэзи, которой и жаждетъ народная душа.

Лучшіе сыны Россіи и народныя массы несомнѣнно жаждутъ чистыхъ водъ и чистыхъ родниковъ и этой жажды одними театрами, кинематографами и безъалкогольными трактирами не удовлетворишь. Намъ, членамъ съѣзда, многіе докладчики указывали на образцы заграничной постановки для использованія народнаго досуга, но забыли отмѣтить, что и за границей теперь влеченіе души человѣческой къ религіи оказывается особенно замѣтно и досугъ народный наполненъ религіознымъ содержаніемъ. Ясно, что проектируемыя развлечения на заграничный ладъ являются теперь уже отсталыми, осужденными на съѣденіе архивныхъ крысъ, а не для того, чтобы этими отбросами западной цивилизаціи отравлять душу человѣка. Вкусивши горькихъ плодовъ матеріализма, сказавшагося особенно опаснымъ въ печати, литературѣ, наукѣ, въ поэзи, живописи, показавшаго духовные вкусы народа; переживъ страшныя испытанія души, лишенной вѣры, святынь, отдавшись влеченію своихъ страстей, *особенно возбуждаемыхъ театромъ, кинематографами, порнографической литературы*, человѣчество въ лицѣ его лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ устремляетъ уже взоры къ лучезарному и свѣтлому образу Спасителя, къ духовнымъ родникамъ церковной священной поэзи, къ богатѣйшимъ россыпямъ и драгоценнымъ жемчужинамъ богословской мысли, чувствуя сердцемъ, что только у ногъ Христа, у этихъ вѣчно свѣжихъ родниковъ и можно пріобрѣсти покой душѣ. И гг. члены съѣзда и всѣ просвѣтители и вожди народныхъ массъ, создавая проекты разумнаго досуга, должны твердо помнить и знать, что матеріализмъ и позитивизмъ въ настоящее время передовой Европой безусловно уже пережиты и на мѣсто ихъ возрождается религіозный идеализмъ, къ насажденію котораго должны стремиться и всѣ вожди св. Руси, чтобы не быть въ хвостѣ и считаться гнилыми отбросами. Намъ нужны вѣдь принципы, которыми движется жизнь. Если-же религіозный идеализмъ

будетъ положенъ въ основу и у насъ какъ разумное использование времени въ дни досуга, то вѣдь тогда и все содержаніе бесѣдъ, лекцій, театра получаетъ иной колоритъ.

Мы не можемъ не воспользоваться очень цѣннымъ мнѣніемъ такого авторитетнаго, маститаго философа, какъ проф. Руд. Эйкенъ, который недавно выпустилъ книгу: „*По вопросамъ о современномъ настроеніи души*“, въ которой религін отведено первенствующее мѣсто въ дѣлѣ культурнаго поднятія народныхъ массъ на должную духовную высоту, на что и г.г. члены съѣзда должны бы обратить вниманіе. По словамъ Р. Эйкана, „умножаются признаки того, что новое настроеніе и новыя стремленія, *больше благоприятныя религін, усиливаются.* Правда, внѣшній потокъ жизни еще направляется по преимуществу противъ религін, но все яснѣе становится, что этотъ потокъ не захватываетъ всей человѣческой жизни, что ему противодѣйствуетъ низовое теченіе совсѣмъ иного рода. Опытъ XIX вѣка заставилъ почувствовать противодѣйствіе жизни, запутанность человѣческой жизни, а также внутреннюю противорѣчивость нашего существа сильнѣе, чѣмъ въ предыдущую эпоху. *Ничто не было для религін больше опасно, нежели мнѣніе, что культурная жизнь, полная духовности, идеальнаго убѣжденія, возможна безъ ея помощи, даже вопреки ей. Теперь же мы видимъ, что потрясеніе религін есть самый выдающійся пунктъ потрясенія всей духовной жизни, и можно надѣяться, что если произойдетъ новое укрѣпленіе жизни, то это будетъ на пользу и религін и новому развитію*“.

Всѣ эти приговоры корифеевъ мысли передовыхъ странъ, всѣ итоги войны и современная переоцѣнка жизненности философскихъ матеріалистическихъ идей, на которыя возлагалось столько радужныхъ надеждъ, все это говоритъ о *восходящей зарѣ религіознаго идеализма въ жизни народовъ и царствъ.* И въ эти великіе историческіе моменты св. Русь должна засіять всеми перлами православія, должны явиться для человечества огненнымъ столбомъ по пути религіознаго шествія.

Предъ православнымъ русскимъ пастыремъ открываются великія грядущія дѣла и перспективы для творчества и труда, чтобы свято и достойно выполнить свою великую религіозно-просвѣтительную миссію. Жатва многа и обильна, необходимо, чтобы жатели братски объединились и

двинули св. Русь по пути дѣйствительнаго прогресса на началахъ религіознаго идеализма, согласно правиламъ св. Церкви.

Глубоко вѣримъ, что наше духовенство, искони вѣковъ стоящее во главѣ народныхъ массъ, займетъ передовыя позиціи и въ дѣлѣ использованія народнаго досуга, вдохновитъ дѣятелей-ревнителей вѣры на неотложный трудъ, вложитъ религіозное содержаніе въ просвѣщеніе народа, сѣумѣетъ оградить свое стадо отъ могущихъ быть соблазнителей и искушеній низкопробныхъ театровъ, кинематографовъ, лекцій и отстоитъ свое право на полученіе матеріальной помощи отъ Государства, земствъ, городовъ для поднятія духовной культуры народонаселенія, что конечно важно и въ интересахъ Церкви, и Государства и самого общества.

И если теперь всѣ согласны въ томъ, что необходимо наивозможно шире культивировать народныя массы, то нужно согласиться и съ тѣмъ, что народу нужна культура не обезбоженная, а съ религіознымъ содержаніемъ. Справедливо говоритъ Лютардтъ, что религія издавна была для культуры тѣмъ небеснымъ солнцемъ, отъ согрѣвающихъ и оживляющихъ лучей котораго она преуспѣвала. *И на союзъ съ религіознымъ духомъ основывается и ея будущность.* Она можетъ становиться во враждебныя отношенія къ религіи, какъ это и проектируютъ нѣкоторые враги Церкви, но тогда она отдается во власть безнравственныхъ силъ и *становится силой разрушенія для нравственной будущности человечества.* Только когда она сохраняетъ свое истинное духовное общеніе съ религіей, она и получаетъ значеніе блага. Тутъ мы видимъ также, что христіанство именно и возвышаетъ естественную жизнь на степень его истины, когда оно сообщаетъ ей новый духъ освященія.

Будемъ глубоко вѣрить, что всѣ наши Архипастыри, пастыри и вѣрные сыны Церкви поднимутъ свой голосъ въ защиту религіозной культуры. Если древніе греки понимали „досугъ“, какъ занятія возвышеннѣйшими предметами, какъ полетъ души, смыслей въ область высшихъ идеаловъ, то неужели же мы, христіане, разумныя развлечения въ дни „досуга“ свѣдаемъ только въ кинематографу, театру, игрѣ на балалайкахъ и т. п. Нашъ народъ—богоносецъ и мы,

уважаая этотъ народъ, цѣня его высокія черты, должны заполнить досугъ возвышеннѣйшими предметами и христіанскими идеалами, чтобы христіанизировать и самую жизнь народную.

И за эту творческую работу всѣ должны скорѣе приняться, чтобы жпзнь и народная нива не поросла плевелами и не заглушила зеренъ святой Христовой вѣры.

Членъ съѣзда, *Свнц. Михаилъ Слуцкій.*

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

11 іюня, наканунѣ храмоваго праздника, Преосвященнѣйшій Θεодоръ, Епископъ Сумскій, совершилъ всенощное бдѣніе въ Онуфріевской церкви Куряжскаго Преображенскаго монастыря, а 12 іюня, въ день праздника преп. Онуфрія Великаго, Божественную литургію совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Харьковскій Антоній въ Преображенской монастырской церкви, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ Онуфріевской церкви.

13 іюня, въ субботу, всенощное бдѣніе и 14 іюня, въ воскресенье, Божественную литургію совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній въ Харьк. Каѳедральномъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ Трехсвятительской церкви Харьк. подворья Куряжскаго монастыря.

20 іюня, въ субботу, всенощное бдѣніе Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ, а 21 іюня, въ воскресенье, Божественную литургію совершилъ въ церкви Губервской Земской Больницы на Сабуровой дачѣ. А Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ Богослуженіе въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

23 іюня Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ всенощное бдѣніе въ Каѳедральномъ соборѣ, а 24 іюня, въ день Рождества св. Іоанна Предтечи, Божественную литургію съ праздничнымъ молебствіемъ совершилъ въ Іоанно-Предтеченской церкви сл. Основы. А Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ Богослуженіе въ Куряжскомъ монастырѣ.

27 іюня, въ субботу, всенощное бдѣніе и 28 іюня, въ воскресенье. Божественную литургію Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ въ Каедральномъ соборѣ.

28 іюня, наканунѣ праздника св. Ап. Петра и Павла, всенощное бдѣніе и 29 іюня, въ день праздника, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ въ Куряжскомъ монастырѣ.

1 іюля, наканунѣ праздника въ честь Ахтырской Чудотворной Иконы Божіей Матери, всенощное бдѣніе и 2 іюля, въ день праздника, Божественную литургію съ праздничнымъ молебствіемъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Ахтырскомъ Покровскомъ городскомъ соборѣ.

2 іюля всенощное бдѣніе и 3 іюля, въ день основанія Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря, Божественную литургію съ праздничнымъ молебствіемъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ.

4 іюля, въ субботу, всенощное бдѣніе и 5 іюля, въ воскресенье, Божественная литургія и чинъ освященія новаго Казанско-Серафимовскаго женскаго монастыря, Ахтырскаго уѣзда, были совершены Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ. А Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ эти дни совершилъ Богослуженіе въ Каедральномъ соборѣ.

7 іюля все нощное бдѣніе и 8 іюля, въ день явленія Казанской Иконы Божіей Матери, Божественную литургію совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Харьковскій Антоній въ Каедральномъ соборѣ и Преосвященнѣйшій Гавріиль, Епископъ Челябинскій, въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Послѣ литургіи 8 іюля состоялось народное молебствіе о дарованіи русскому воинству побѣды надъ врагами, которое было совершено на площади предъ Каедральнымъ соборомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ, Преосвященнѣйшимъ Гавріиломъ, Епископомъ Челябинскимъ, и Преосвященнѣйшимъ Прокопіемъ, Епископомъ Елисаветградскимъ, при участіи монастырскаго и городского духовенства, прибывшаго на молебствіе съ крестьянскими ходами изъ Покровскаго монастыря и городскихъ церквей. А Преосвященнѣйшій Θεодоръ, Епископъ Оумскій, 7 іюля совершилъ всенощное бдѣніе въ Трехсвятительской церкви Харьковскаго подворья Куряжскаго монастыря, а 8 іюля Божественную литургію совершилъ въ Харьк. Свято-Духовской церкви. Послѣ литургіи Преосвященнѣйшимъ Θεодоромъ на

церковной площади также было совершено народное молебствіе о дарованіи русскому воинству побѣды надъ врагами.

10 іюля, въ день преп. Антонія Печерскаго, Божественную литургію въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ совершилъ Преосвященнѣйшій Гавріилъ, Епископъ Челябинскій.

11 іюля, въ субботу, всенощное бдѣніе и 12 іюля, въ воскресенье, Божественную литургію совершили: въ Каѳедральномъ соборѣ Преосвященнѣйшій Пантелеймонъ, Епископъ Двинскій, въ Покровскомъ монастырѣ Преосвященнѣйшій Гавріилъ, Епископъ Челябинскій, и въ Трехсвятительской церкви Куряжскаго подворья Преосвященнѣйшій Феодоръ, Епископъ Сумскій.

14 іюля всенощное бдѣніе и 15 іюля, въ день 900 лѣтія кончины св. Равноап. князя Владимира, Божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній; послѣ литургіи послѣдовалъ крестный ходъ въ Покровскій монастырь для водоосвященія. А Преосвященнѣйшій Епископъ Феодоръ совершилъ Божественную литургію и водоосвященіе въ Озерянской церкви.

18 іюля всенощное бдѣніе и 19 іюля, въ воскресенье и день преп. Серафима Саровскаго, Божественную литургію съ праздничнымъ молебствіемъ совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній въ Каѳедральномъ соборѣ, Преосвященнѣйшій Епископъ Феодоръ въ Трехсвятительской церкви Куряжскаго подворья и Преосвященнѣйшій Пантелеймонъ, Епископъ Двинскій, въ Покровскомъ монастырѣ.

22 іюля, въ день Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Божественную литургію съ молебствіемъ совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній, Преосвященнѣйшій Епископъ Двинскій Пантелеймонъ и Преосвященнѣйшій Епископъ Елисаветградскій Прокопій въ Каѳедральномъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Сумскій Феодоръ въ Трехсвятительской церкви Куряжскаго подворья.

23 іюля, въ день праздника въ честь Почаевской Иконы Божіей Матери, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ въ Покровскомъ монастырѣ была совершена Божественная литургія съ праздничнымъ молебствіемъ.

Паломничество „ревнителей святой православной вѣры и благочестія“ изъ города Харькова въ Куряжскую Спасо-Преображенскую обитель.

1915 г. Мая 10—11 дня.

(Продолженіе *).

Слово добраго пастыря-проповѣдника умилило сердца людскія... Двинулись въ путь дальше восторженныя, радостныя... Загѣли: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ нами Богъ“!.. и на этотъ разъ пѣлось какъ то еще воодушевленнѣе и эхо многотысячной семьи паломниковъ еще торжественнѣе оглашало равнины полей... Мы вышли въ поле, въ широкое поле, гдѣ ушла отъ глазъ сугста земная, гдѣ не слышно было шума и стука городскихъ мостовыхъ, и гдѣ нашъ взоръ любовался просторомъ засѣянныхъ равнинъ и пригорковъ, чудными картинами зеленокудрыхъ лѣсовъ, перелетомъ птичекъ, и душа, взирая и любясь природой, этой широко раскрытой предъ ней книгой о Богѣ Творцѣ міра, готова была восклицать съ псалмопѣвцемъ: „Да веселятся небеса, и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его; да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ все деревья дубравныя предъ лицомъ Господа... Ибо Твои, Господи, небеса и Твоя — земля; вселенную и что наполняетъ ее — Ты основалъ“!.. (Псал. 95, 11—13; 88, 12). Хорошо намъ было... Было прохладно и легко... Хорошо было не смотря на то, что все время моросилъ тихій и теплый, весенній дождикъ... То не дождикъ, а казалось тихія слезинки съ неба Божьяго ниспадали на грѣшную землю и омывали грѣхи тѣхъ, кто съ любовью кающагося сына шелъ къ Своему Отцу Небесному, чтобы выплакать на лонѣ Его грѣхи жизни своей и сподобиться вкусить Пречистаго Тѣла и Крови Христа и Бога Спаса своего!.. Радостно было идти... Всю дорогу пѣніе паломниковъ не умолкало, не превращалось: оно лишь какъ перебаты волнъ на морѣ то стихало, то вновь раздавалось и трогательнѣе и громче, ибо образовалось нѣскольکو хоромъ и то стихала въ одномъ мѣстѣ и вновь начинали пѣть въ другомъ, то вдругъ сливались все вмѣстѣ въ одинъ чудный, могучій, потрясающій хоръ... Всѣ, кто не встрѣчался на пути съ паломниками поражались невиданнымъ доселѣ шествіемъ и набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и сами присоединялись къ поющимъ... Но вотъ изъ-за горки, покрытой лѣсомъ, показались главы

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“ №-18 за 1915 г.

и кресты монастырскихъ храмовъ... Всѣ паломники набожно крестились, а уста тихо шептали: «Слава Тебѣ, Господи! Уже видна и Обитель Святая»!.. Сердце отъ душевнаго восторга забилося какъ то учащеннѣе и радостнѣе... Еще не много шествія и мы свернули по широкой дорогѣ за лѣсокъ... Мелодичный, торжественно-побѣдный и радостный, казалось какъ на св. Пасху, звонъ старинныхъ монастырскихъ колоколовъ уже пріятно ласкаетъ нашъ слухъ и радовалъ наши души... Мы прошли по пути къ монастырской часовнѣ. Здѣсь шествіе на мигъ остановилось. Руководитель паломничества священникъ о. Н. Загоровскій обратился съ краткой рѣчью ко всемъ паломникамъ, призывая всѣхъ духовно настроиться и приукраситься... «Братья дорогіе, други о Христѣ!.. Вы слышите радостный звонъ, вы видите вздымающіеся до небесъ главы и кресты святыхъ храмовъ Божіихъ?... Это, Обитель тихая, святая, куда мы идемъ!.. О, твердо же будемъ держать въ душахъ нашихъ: куда мы идемъ и зачѣмъ мы идемъ!.. Настроимъ и утвердимъ сердца наши въ Господѣ... Мы входимъ во дворецъ Царицы Небесной, честнымъ и св. чудотворнымъ образомъ Своимъ здѣсь пребывающей... Взгляните: вонъ Она Сама Владычица міра въ сонмѣ всесестной монастырской братіи и священнослужителей; изыдемъ же на встрѣчу Ей мы грѣшныя и недостойныя!.. Мы идемъ просить и молить Ея матерняго ходатайства и заступленія за насъ грѣшныхъ... Мы идемъ повѣдать Ей наше горе, что многіе погибшіе наши братья сбились съ пути истиннаго спасенія, ушли изъ подъ роднаго крова Св. Матери—Церкви Православной, и блуждаютъ, духовно погибая, по распутіямъ сектантства... Мы идемъ повѣдать и о второмъ тяжкомъ горѣ, постигшемъ нашу дорогую Родину... Мы идемъ выплакать предъ Нею,—единою въ скорбяхъ и печаляхъ Утѣшительницею,—нашу наболѣлую душу за родную землю нашу, за христолюбивое воинство наше, душу свою полагающее за друзей своихъ, за горе насъ постигшее... О, Она Пречистая Владычица міра извѣдала всю глубину человѣческаго горя, когда предстояла на Голгоѣѣ у вѣста возлюбленнаго Сына Своего и Бога нашего... Она услышитъ въ горѣ къ Ней молитвенно вопіющихъ, Она поможетъ и утѣшитъ... Но будемъ же достойны ея милостей... Какъ мудрыя дѣвы, оправимъ одежды души нашей, зажжемъ свѣтильники вѣры въ сердцахъ, восполнимъ слезами раскаянія слезы горящій и благоговѣнно, трепетно изыдемъ къ Ней, въ срѣтеніе намъ исходящей, взывая молитвенно изъ глубины души: *«Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!... Ты за всѣхъ молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всѣхъ твориши спастися, въ державный Твой покровъ приби-*

жающимъ... *И насъ всѣхъ заступи, о Госпоже Царице и Владычице!.. Ты бо еси божественный Покровъ рабомъ Твоимъ!*.. Въ народѣ слышались молитвенные вздохи и вопли... Мы шли, а насъ ожидало, какъ бы въ подтвержденіе словъ пастыря-проповѣдника, дѣйствительно поразительное и душу до слезъ умиляющее духовное зрѣлище... На пригоркѣ, гдѣ расположена Св. Куряжская Обитель, у Святыхъ воротъ обители, при торжественномъ звонѣ колоколовъ, по Архипастырскому распоряженію Настоятели святыя Обители, Преосвященнѣйшаго Теодора, Епископа Сумскаго¹⁾, паломниковъ встрѣчала вся монастырская братія въ праздничныхъ облаченіяхъ, съ хоругвями и крестами, съ кадилами и возженными свѣчами... Тустыя толпы монастырскихъ богомольцевъ тѣсной стѣной окружали братію Обители... Съ наступившими сумерками вся эта дивная картина казалась чѣмъ-то таинственнымъ, не земнымъ... Тутъ и одной минуты нельзя было оставаться духомъ на землѣ... Душа жила въ Богѣ... въ объятіяхъ міра небснаго... И такъ сладостно было всеѣмъ отъ святыхъ душевныхъ волненій въ эти минуты и плакать, и молиться, и радоваться о Божьей жизни... Во главѣ братіи стоялъ почтенный Казначей Обители Иеромонахъ о. Татіонъ... Онъ высоко, надъ головами всѣхъ, держалъ Святую Чудотворную Озерянскую Икону Божіей Матери... Боже мой, Боже мой! что за святая, трогательная, умиленная, никогда незабвенная минуты!... Только подошли паломники на небольшое разстояніе къ встрѣчавшей ихъ монастырской братіи, умолили колокола, о. Казначей поднялъ св. Икону, чтобы крестобразно освѣтить народъ, и братія обители зашѣла: *«Пресвятая, Богородице, спаси насъ!»*,—какъ всѣ многотысячные паломники опустились на колѣни и дивно, трогательно, величественно зашѣли: *Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво! моленій нашихъ не презри въ скорбехъ, но отъ бѣдъ избави насъ, едина чистая и благословенная!*.. О, еслибы можно было со всего міра собрать все краснорѣчіе словъ человѣческихъ, чтобы передать тѣ святая чувства души, то умиленіе сердца, какія всеѣмъ паломникамъ пришлось пережить при этомъ!.. Пѣніе дивной пѣсни Богоматери, предъ чудотворной Ея иконой, прерывалось рыданіями и воплями многихъ, которые не въ силахъ были сдержать святая волненія души своей, умиленіе своего вѣрующаго сердца... На три стороны благоговѣнно и истоиво о. Татіонъ крестобразно освѣтилъ паломниковъ св. чудотворной иконой,

¹⁾ Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ въ это время, по случаю храмоваго праздника, совершалъ богослуженія въ Святогорской пустыни. *Дет.*

вновь загудѣли колокола торжественно-радостно, запѣла монастырская братія: «*Радуйся, Царице, матеродѣвственная Славо*»,—и уже сливаясь въ общій хоръ съ монастырской братіей, и вслѣдъ за братією, съ неумолкаемымъ пѣніемъ: «*Пресвятая, Богородице, спаси насъ*»!,—паломники благоговѣнно вошли чрезъ святыя ворота въ тихую, святую и древнюю Обитель Куряжскую...

Въ Куряжской св. Обители мы, вонстипку, ощутились какъ въ тихой пристани моря житейскаго... Сколько любви, вниманія и заботливости оказано было паломникамъ со стороны Казначая Обители о. Татіона и всей монастырской братіи, любезно предоставившихъ паломникамъ для ночлега все свободныя помѣщенія обители и заготовившихъ особо устроенныя кубы съ нагрѣваемой въ нихъ водою... Около полу-часа паломники по приходѣ въ обитель отдыхали и за это время руководителю паломничества удалось размѣстить всехъ богомольцевъ по тѣмъ помѣщеніямъ, гдѣ предназначался имъ ночлегъ... Размѣстились все прекрасно... Въ 9 час. вечера раздался звонъ ко всенощному бдѣнію... Въ виду многочисленности богомольцевъ, которыхъ не могъ вмѣстить всехъ ни одинъ изъ монастырскихъ храмовъ, рѣшено было всенощное бдѣніе совершить подъ открытымъ небомъ среди зелени величественной и просторной монастырской ограды, возлѣ главнаго соборнаго храма... На особо приготовленномъ и красиво декорированномъ возвышеніи поставлены были прибывшіе съ паломниками два образа: Христа Спасителя и Преподобнаго Угодника Божія Серафима Саровскаго, а предъ ними на аналоѣ, украшенномъ живыми цвѣтами, Святая Чудотворная Озерянская икона Божіей Матери и Образъ Пресвятыя Троицы... Всенощное бдѣніе началось... О, какъ чудно, хорошо, стройно, умирительно, подъ открытымъ небомъ, возсылалось Господу Богу, Пречистой Богородицѣ и ихъ преславному Угоднику Серафиму моленіе всенощнаго бдѣнія, которое совершалъ священникъ о. Н. Загоревскій въ сослуженіи двухъ іеромонаховъ: о. Капитона и о. Власія и двухъ іеродіаконовъ... Все всенощное бдѣніе, кромѣ канона, пѣли паломники... И пѣли удивительно трогательно и воодушевленно благоговѣнно, съ молитвеннымъ настроеніемъ сердца, при чемъ положенныя пѣснопѣнія пѣли «*подъ Канонарха*»... Къ этому времени дождикъ совершенно пересталъ... Сдѣлалось тепло и тихо... Небо очистилось отъ тучекъ... Блѣдный серпъ луны, на небольшое время выплывшій на небосклонъ, пробиваясь своимъ свѣтомъ сквозь вѣтви деревьевъ, освѣщалъ усердно молившихся богомольцевъ... Миріады ярко искрившихся звѣздъ горѣли надъ нашими головами... И чуди-

лось, будто стоимъ мы въ какомъ-то таинственномъ и необъятномъ храмѣ Господнемъ, куполь котораго — полное святой тайны и божественнаго величія темно-голубое небо, усыпанное звѣздами... А изъ-за каждой звѣзды съ высоты небесъ будто взираютъ на насъ св. угодники, св. ангелы Божіи.. Умиляется душа... Дрожитъ на рѣсницахъ отъ молитвеннаго умиленія сердца слеза... Тихо горятъ многочисленныя свѣчи въ большихъ подсвѣчникахъ... Стройно, умирительно поютъ богомольцы... Вотъ запѣли все дружно, многогласно: *«Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа, ангелуіа»*... Среди ночной тишины, дружный хоръ поющихъ въ 3—4 тысячи человѣкъ, своими величественными и могущественными звуками, которые стройными аккордами неслись въ поднебесную высь и замирали гдѣ-то далеко, далеко, — производилъ неотразимо глубокое, и сильное, душу волнующее впечатлѣніе... И словно вторя молитвеннымъ воплямъ и дивнымъ пѣнопѣніямъ народа со всехъ сторонъ монастырскихъ лѣсовъ и садовъ раздавалось восторгающее пѣніе соловьевъ... О, незабвенныя, святыя минуты!.. Здѣсь все хвалили и прославляли Господа, вонстину какъ восторженно написано въ дивномъ хвалебномъ псалмѣ Царя Давида: *«Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ... Хвалите Его все Ангелы Его, хвалите Его все воинства Его. Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его все звѣзды свѣта... Хвалите Господа отъ земли, ...горы и все холмы, деревья плодоносныя и все кедры, звери и всякій скотъ, пресмыкающіяся и птицы крылатыя, цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юности и дѣвщцы, старцы и отроки... Да хвалятъ имя Господа; ибо имя Его единого превознесено, слава Его — на землѣ и на небесахъ»!* (Псал. 148). Нѣтъ, никогда, никогда не забудется эта высокая духовная услада дивнаго молитвеннаго настроенія предъ Господомъ... Тамъ, казалось, душа самая окоченѣлая въ тинѣ религіознаго индифферентизма вновь пробуждалась отъ своей мертвой спячки, воскресала, оживала, тянулась къ небу, къ Божьей жизни, пѣла, молилась, умилялась, плакала... Почему, когда отъ особымъ умиленіемъ стали пѣть величаніе предъ Св. Чудотворной иконой Богоматери со всехъ сторонъ изъ устъ богомольцевъ неслись молитвенные вздохи, на глазахъ многихъ видны были тихія слезы... — Слава Предвѣчному, Богу, Спасителю!.. Слава Пречистой, Его Матери!.. Слава дивному во святыхъ, пречудному Угоднику Его Серафиму!.. Только въ Богѣ радость души христіанской, ея утѣленіе, и спасеніе!.. Только Имъ мы и живемъ, и движемся, и существуемъ!.. Только Имъ и ѿ Имени Его мы славны, а

безъ Него немощны, съ Нимъ святы, а безъ Него исполнены грѣховъ и немощи, безъ Него малодушествуемъ — съ Нимъ держаемъ на все!.. Всѣ паломники сподобились приложиться къ Св. Чудотворной иконѣ, всѣ помазаны были освященнымъ елеемъ... Былъ уже поздній часъ ночи, а физической усталости какъ бы не чувствовалось никакой... Лица всѣхъ выражали высокій духовный подъемъ, глаза сіяли духовной радостью... Пользуясь рѣдкимъ случаемъ такого молитвеннаго бодрствованія въ поздній ночной часъ, подъ открытымъ небомъ, среди роскошной зелени деревьевъ монастырской ограды, гдѣ изъ подъ склоненныхъ зеленыхъ вѣтвей, словно живой, благолѣпный и благоукрашенный умильно взиралъ на богомольцевъ свѣтлый ликъ чуднаго Образа Св. Угодника Божія Серафима, — при взглядѣ на который вся эта обстановка невольно и живо напоминала какъ-бы пустынь Саровскую и воскрешала въ памяти молитвенные труды и подвиги Угодника Божія среди непроходимыхъ лѣсовъ Саровскихъ. — руководитель паломничества священникъ о. Ник. Загоровскій обратился къ паломникамъ за всенощнымъ бдѣніемъ съ прочувственнымъ пастырскимъ словомъ о подражаніи въ молитвенномъ подвигѣ Св. Угоднику Божію Серафиму, тысячу дней и ночей съ воздѣтыми къ небу руками, вопіявшему къ Богу молитвой мытаря: *«Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!»*.. Слово назиданія какъ нельзя больше соответствовало всей обстановкѣ и настроенію молящихся и глубоко тронуло сердца людскія... Только въ половинѣ 2-го часа ночи, когда уже сквозь вѣтви деревьевъ стало замѣтно, что начало просвѣтляться темно-голубое небо отъ первыхъ признаковъ предсвѣтной зари, заканчивали мы всенощное бдѣніе пѣніемъ великаго славословія... И съ какимъ восторгомъ души при взглядѣ на разсвѣтающее Божіимъ свѣтомъ небо произносились слова: *«Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!»*.. И съ какимъ вдохновеніемъ пѣлось: *«Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуцьхъ благоволеніе... Сподоби, Господи; въ день сей безъ грѣха сохранитися намъ... Яко Ты еси Богъ нашъ... Яко Ты источникъ живота... Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ, пробави милость Твою вѣдущимъ Тя!»*..

Послѣ всенощнаго бдѣнія до 3-хъ часовъ ночи въ большомъ соборномъ монастырскомъ храмѣ о.о. іеромонахи Обители исповѣдывали всѣхъ богомольцевъ, которые готовились приобщаться Святыхъ Тайнъ... Такимъ образомъ, во всю эту достопамятную ночь совсѣмъ не много времени отдыхали нѣкоторые усталые паломники; нѣкото-

рые же совсѣмъ не ложились спать, называя эту ночь «пасхальною» и всю ее провели въ бодрствованіи...

Въ 6 час. утра большой звонъ монастырскаго колокола уже вновь созываетъ паломниковъ на молитву... Въ Георгіевскомъ храмѣ Обители совершалъ раннюю литургію и приобщалъ паломниковъ Святыхъ Тайнъ священникъ о. Ал. Сокольскій; а въ храмѣ Обители во имя Св. Преподобнаго Онуфрія Великаго, что на источникѣ, раннюю литургію совершалъ и приобщалъ паломниковъ Святыхъ Тайнъ Казначей Обители іеромонахъ о. Татионъ соборне съ братією Обители...

Въ 8 час. утра въ большомъ соборномъ Спасо-Преображенскомъ храмѣ Обители началась поздняя литургія, которую совершалъ священникъ о. Николай Загоровскій въ сослуженіи іеромонаховъ: о. Капитона и о. Власія и двухъ іеродиаконовъ: о. Гурія и о. Виктора. Всю божественную литургію пѣли паломники, до тѣсноты переполнившіе соборный храмъ... О, какъ сладостно-умилительно было молиться у престола Божія древняго монастырскаго храма подъ этотъ дивный хоръ тысячей живыхъ христіанскихъ душъ, воспѣвавшихъ славу Господа... Чудилось, что это именно «первые, святые дни христіанства, когда у всѣхъ вѣрующихъ было какъ бы одно сердце и одна душа» и когда они вдохновенные горячею вѣрою сердца и объятые взаимною другъ ко другу любовію о Господѣ собирались для приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ!.. И что это за дивное, могучее средство для молитвеннаго умиленія души и сердца человѣка-христіанина — это общенародное пѣніе, да еще во святомъ Божіемъ храмѣ и именно въ то время, когда совершается міроспасительная божественная литургія, когда приносима Господу Богу безкровная, умилоствительная о грѣхахъ людскихъ жертва!.. Какъ оно захватывающе дѣйствуетъ на вашу душу, какъ оно способствуетъ въ эти св. минуты отложить всякое житейское попеченіе и предстоять подобно херувимамъ, воспѣвая трисвятую пѣснь Пресвятой Троицѣ!.. Не потому ли восклицаетъ и святой Апостоль: *«исполняйтесь Духомъ, назидавая самихъ себя псалмами и славословіями и пѣснопѣніями духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу»* (Ефес. 5, 18—19)!

Воистину, это переживалось и чувствовалось нами всѣми, паломниками, въ этотъ достопамятный и незабвенный день въ Обители Буряцкой, когда мы всѣ пѣли божественную Литургію... Нельзя было не плавать отъ умиленія, когда казалось: всѣ лики святыхъ, украшающіе своды и стѣны храма, пѣли съ тѣмъ же народомъ: *«Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и мо-*

милитися, Боже нашъ»!.. О, Господи, Господи! сколько богатства, премудрости, красоты и величія во Святой Православной Церкви съ ея дивнымъ богослуженіемъ... подъ сводами ея величественныхъ храмовъ... со множествомъ предстоящихъ и молящихся... Пади человекъ-грѣшникъ въ благоговѣйномъ страхѣ и трепетѣ предъ величіемъ любви Божіей и всего домостроительства Божія о твоёмъ спасеніи, ибо *«въ храмъ стояще — на небеси стояти миль»!*.. Да, словно на небеси, казалось, стоимъ и мы всѣ паломники: такое свѣтлое, высокое, святое, радостное о Господѣ настроеніе души было у насъ. О, какъ мы были бесконечно счастливы!.. Мы приготовляли свои души на чудную божественную вечерю; понесши цѣлонощный молитвенный подвигъ, мы готовились къ божественной, небесной Христовой Трапезѣ, мы готовились вкусить Пречистаго Тѣла и Крови Господнихъ, чтобы сподобиться таинственнаго единенія со Христомъ Спасителемъ Богомъ и содѣлаться причастниками вѣчной жизни!..

Всѣ молищися, до тѣноты переполнявшіе храмъ, все это и были причастники—паломники за поздней литургіей... Въ виду ихъ множества приобщали на двѣ чаши... За поздней литургіей, послѣ пѣнія «причастна», священникъ о. Іоаннъ Дмитревскій произнесъ глубоконазидательное слово къ паломникамъ, изложилъ православно-христіанское ученіе о Св. Троицѣ... А послѣ пѣнія: *Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка*—пастырское слово къ паломникамъ было произнесено священникомъ о. Н. Загоровскимъ на текстъ *«Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей»* (Іоан. 7—37) такого содержанія:

Возлюбленные о Христѣ братіе и сестры! Шныѣ у насъ великій и преславный праздникъ Св. Троицы... О, какъ многомилостивъ и щедръ къ намъ, грѣшнымъ, милосердный Господь нашъ Иисусъ Христосъ!.. Смотрите въ какомъ дивномъ храмѣ мы стоимъ съ вами и молимся... Смотрите въ какой дивной обители Господь сподобилъ насъ съ вами встрѣчать сей день великаго праздника и при какомъ дивномъ и многолюдномъ собраніи молящихся! Восчувствуемъ же бесконечную любовь къ намъ Господа и принесемъ Ему великую благодарность отъ сердець нашихъ!.. Братья и сестры—ревнители св. православной вѣры и благочестія! Вѣдь мы такъ хотѣли съ вами быть въ этотъ день и въ этой св. Обители... Мы такъ жаждали съ вами понести хотя малый молитвенный подвигъ на спасеніе души нашей... Мы такъ лелѣяли съ вами святое настроеніе сердца облегчить грѣховную ношу нашей души, поплакать здѣсь о своихъ согрѣшеніяхъ, и сподобиться приобщиться Святыхъ Животво-

рящихъ Таинъ Христовыхъ... Мы такъ стремились съ вами собраться здѣсь всей нашей братскою, ревнительскою семьей, чтобы вознести нашу общую молитву за Матерь Церковь, за погибающихъ въ сектанствѣ братьевъ нашихъ, за Царя Батюшку, за родную землю нашу, за христолюбивое воинство... Мы съ такой радостью и упованіемъ на помощь Божию ожидали съ вами для сего и сего великаго праздника... И Господь сподобилъ... О, какъ же намъ не радоваться нынѣ, духовно не торжествовать, не благодарить Господа Бога?.. Воспользуемся же, братья, нашимъ счастливымъ здѣсь пребываніемъ ради Господа и постараемся не уйти отсюда съ пустой, небогащенной духовными благами душой... Братья, братья!.. Други мои о Христѣ возлюбленные!.. тамъ дома, ради дня сего и сего молитвеннаго собранія, мы оставили всю бѣдность нашей житейской обстановки, въ которую вновь и возвратимся,—чего же мы пришли сюда?.. Что привлекло насъ, собрало? Неужели же надежда встрѣтить здѣсь и воспользоваться удобствами и жребіемъ болѣе богатой и счастливой обстановки, среди которыхъ понѣжилось бы наше тѣло и позабылись докучливые недостатки нашей сѣрой, обыденной жизни?.. Тамъ дома у большинства изъ насъ, если не у всѣхъ, остались и вновь ожидаютъ насъ темные, сырые чердаки, мокрая стѣны убогихъ жилыхъ помѣщеній, отъ которыхъ такъ часто болитъ усталая грудь, голова, чего же пришли мы сюда?... Неужели въ надеждѣ хотя на время, на часъ, найти палаты пышные, чертоги украшенные, ложе мягкое?.. Тамъ дома остались и ожидаютъ встрѣтить насъ все тѣ же—вопіющая нужда, горе, скорби, лишенія и повседневныя заботы о насущномъ кускѣ хлѣба—чего же пришли мы сюда?.. Неужели въ надеждѣ встрѣтить все то, что въ противоположность нуждѣ и горю, именуется «благами міра сего», среди которыхъ одѣваются въ порфиру и виссонъ и блистательно каждый день пиршествуютъ, среди которыхъ человѣкъ иногда даже доходитъ до безумныхъ восклицаній: «душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей и веселись»?.. О, нѣтъ и нѣтъ!.. *«Ибо какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу свою повредитъ? или какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою? (Марк. 8, —36—37).»* Мы, братья, оставили дома, семьи, дѣтей малыхъ, бѣдность и нужду жизни и сюда пришли вснать не удобства и роскошества для тѣла, не прелестей суетнаго міра; мы пришли сюда въ тихій пріютъ св. Обители, подъ кровъ Пречистой Богородицы, за богатствомъ для нашей бѣдной души, за ея радостями, за счастьемъ ея, за тѣмъ, что бы въ сей великій и святой праздникъ Пятидесятницы, когда надъ всѣмъ міромъ чувст-

вуется вѣяніе всепроникающей, возрождающей и животворящей благодати Всесвятаго Духа, просить и молить Господа нашего Іисуса Христа и нашу душу бѣдную обогатить дарами благодати Св. Духа, и нашу душу нагую одѣть въ одежду свѣтлую, потребную для чертога Господня, и нашу душу алчущую и жаждущую напитать и напоить нетлѣнной пищей Пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего... Вотъ въ чемъ наше счастье, и слава, и богатство при всей бѣдности и трудности жизни; вотъ отчего наше духовное веселіе при всѣхъ невзгодахъ и горестяхъ насъ окружающихъ... Вотъ чѣмъ усугубляется для насъ радость духовная нынѣшняго великаго праздника Св. Троицы... Нѣкогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, увидя на берегу Галилеякаго моря двухъ братьевъ: Симона и Андрея, закидывающихъ въ море сѣти, позвалъ ихъ, говоря: «идите за Мною, Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ», и они тотчасъ, оставивши сѣти, послѣдовали за Нимъ... Въ другой разъ Онъ увидѣлъ другихъ двухъ братьевъ: Іакова и Іоанна въ лодкѣ съ Зеведеемъ, отцемъ ихъ, починяющихъ сѣти, призвалъ и ихъ; и они тотчасъ, оставивши лодку и отца своего, послѣдовали за Нимъ... Такъ нѣчто подобное и у насъ съ вами; и насъ всѣхъ грѣшныхъ Господь милосердный призываетъ къ Себѣ... Нынѣ день Св. Троицы... И чудно, несказанно радостно отдается въ сердцахъ нашихъ призывъ Господа Іисуса Христа...

«Въ послѣдній день великій, великій праздника столъ Іисусъ и возгласилъ, говоря: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей; кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой» (Іоан. 7,—37—38)... Что же это за вода, которую обѣщаетъ призывая Господь жаждущимъ, и которая у вѣрующихъ должна послужить источникомъ цѣлыхъ рѣкъ живой воды, все оживляющей?... Эта вода—ученіе Господа о Духѣ Святомъ, *«Котораго имѣли принять вѣрующе въ Него* (Іоан. 7,—39) и о томъ—какъ надо прославлять Бога въ Троицѣ славимаго, и какъ нужно жить по Божьему!.. Живая вода—это дары Св. Духа, которые обильно изливаются отъ Бога истинно вѣрующимъ... Что же это за дары Св. Духа, и получаемъ-ли ихъ теперь мы, грѣшные люди?.. Пьемъ—ли мы эту живую воду до утоленія жажды?..

Да, по милости Божіей, и мы удостоиваемся пить эту воду. И мы, грѣшные, иногда чувствуемъ всею внутреннимъ существомъ своимъ вѣяніе благодати Св. Духа... Мы носимъ въ себѣ преподанные и преподаваемые намъ, вѣрующимъ, въ таинствахъ св. церкви дары Св. Духа и вѣруемъ, что эти дары служатъ источникомъ цѣлыхъ

рѣкъ живої воды, истекающихъ отъ насъ и на другихъ людей и на все окружающее, и приводитъ насъ въ жизнь вѣчную...

Множество христіанъ, напримѣръ, привыкаютъ съ малыхъ лѣтъ къ усердной молитвѣ Богу: любятъ молиться дома, неопустительно въ воскресные и праздничные дни присутствовать въ храмѣ Божиѣмъ за богослуженіями, любятъ храмъ Божій, умиляются божественными въ немъ службами, настыркими поученіями, бесѣдами о Богѣ, о небѣ, о душѣ, о вѣчной жизни... И вотъ это влеченіе къ тихой бесѣдѣ съ Богомъ въ молитвѣ и дома и стать въ праздники на молитву предъ алтаремъ, на которомъ приносится Господу безкровная жертва за грѣхи всѣхъ людей—и есть уже даръ Св. Духа... Осмотримся же братья: заглянемъ глубже въ свое сердце, въ свою душу и у кого есть этотъ Божественный даръ, кто готовъ съ псалмопѣвцемъ всегда восклицать: *«одного просилъ я у Господа, того только и ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домъ Господень во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святыи храмъ Его»* (Псал. 26,—4),—о, тѣ возблагодаримъ Господа Бога и будемъ помнить, что этотъ даръ надо лелѣять и беречь какъ даръ Божій, ибо эта живая вода утоляетъ жажду нашей души... У кого же нѣтъ сего божественнаго дара, кто въ настоящую минуту особенно чувствуетъ свое духовное убожество въ этомъ,—о, други и братья, не кручиньтесь, не плачьте безъ надежды: душа у такого человѣка останется еще жаждущею, а всѣ мы предстоимъ предъ Господомъ, зовущимъ насъ: *«кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей»*... О, станемъ же усердно и усердно просить и молить у милосерднаго Господа и себѣ сего божественнаго дара, и Онъ, въ день пятидесятый обогативый симъ даромъ св. апостоловъ, не оставитъ и насъ убогихъ и грѣшныхъ своею милостію, ибо Онъ Самъ сказалъ: *„все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите... И если чего попросите у Отца во Имя Мое, то съдѣлаю, да прославится Отецъ и Сынъ“*, (Мат. 21,—22; Іоан. 14,—13)!

Вотъ, мы иногда помогаемъ бѣдному человѣку совѣтомъ, деньгами или чѣмъ другимъ; помогаемъ вдовѣ, сиротѣ, подаемъ кусокъ хлѣба нищему, вслѣдствіе безпріютному, съ любовью снѣвшимъ къ болящимъ, въ темницѣ сидящимъ, плачущимъ, скорбящимъ, обремененнымъ тяжелой ношей жизненнаго вѣста, тайно творя милостыни свои предъ Господомъ, какъ дивный Угодникъ Божій Николай Мурликійскій или Іоасафъ Бѣлоградскій... О, какъ хорошо намъ въ эти часы и минуты бываетъ на душѣ, какъ радостно о Господѣ, когда мы видимъ, что и отъ мѣдной денежки и слова ласковаго бѣдняги съ сіяющими лицами

поднимаютъ молитвенный взоръ свой къ Тому, Кто Одинъ, жалѣя всѣхъ, и добрыхъ и злыхъ, говорилъ; *истинно, истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ*» (Мѣ. 25,—40)... О, братья, братья! кто имѣетъ сердце, преисполненное любви къ ближнимъ, которая заставляетъ ихъ все, что имѣютъ они, добровольно сжечь на altarъ самоотверженной любви ко Христу Спасу; кто чужую печаль, чужое горе, чужую нужду, чужія страданія постоянно переживаетъ какъ свои собственные и готовъ всѣ силы свои отдать на служеніе ближнему; кто въ мягкомъ сердцѣ своемъ говоритъ: какъ я откажу просящему, не дамъ немущему, отпущу неутѣшеннымъ плачущаго, буду равнодушенъ, видя скорбящаго? Какъ позволю себѣ излишество и роскошь въ пищѣ и одеждѣ, когда братъ мой умираетъ отъ холода и голода... Тотъ блаженъ... Это—опять даръ Св. Духа... Это опять живая вода, которая обильно утоляетъ жажду нашей души... О, въ комъ есть этотъ чудный божественный даръ, тѣ возблагодаримъ Господа Бога и будемъ помнить, что этотъ даръ надо лелѣять и беречь какъ даръ Божій... У кого же нѣтъ,—не кручиньтесь, не плачьте безъ надежды, други мои и братья: въ день сей великаго сего праздника обратимся съ горячею молитвою къ милосердному Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Онъ, обрадовавшій святыхъ Своихъ учениковъ и апостоловъ ниспосланиемъ Св. Духа, обрадовалъ и насъ грѣшныхъ, даровавъ намъ сердце любящее братій нашихъ, сердце кроткое, сердце смиренное, ибо Онъ Самъ сказалъ: *Приидите ко Мнѣ и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ*» (Мѣ. 11,—28—29)... Бываетъ, что много человѣка всю жизнь преслѣдуютъ скорби и бѣды, неудачи и несчастія одно за другимъ: то по службѣ, то въ хозяйственныхъ дѣлахъ, то въ семействѣ и жизнь превращается въ такой тернистый путь, въ такой трудный подвигъ крестоношенія, что у бѣдняка глаза не высыхаютъ отъ слезъ... Или злонамѣренные люди «забрасываютъ грязью» его честь и доброе имя, стараются очернить, распускаютъ про него дурные слухи, наговариваютъ начальству или хозяевамъ, намѣренно обижаютъ его, оскорбляютъ, зло издѣваются надъ нимъ... А онъ—какъ рабъ Божій—все благодушно терпитъ: и бѣды, и скорби, и обиды, и неудачи, и злую клевету—и никому, никому ничѣмъ враждебнымъ не отвѣчать, не ропщетъ на Бога, не клянеть долю... Въ тяжкомъ крестоношеніи—одинъ лишь молитвенный взоръ поднимаетъ свой къ небу, да вопль изъ наболѣлой груди Всемогущему Богу: *«Боже мой, Боже мой! зачѣмъ Ты меня оставилъ?»*.. Въ тяжкихъ лишеніяхъ и песча-

стіяхъ—подобно многострадальному Іову, восклицаетъ: «*Господь далъ, Господь и взялъ! да будетъ имя его благословенно!*», Въ тяжкихъ обидахъ, въ злой клеветѣ тихо молитесь за своихъ обидчиковъ: *Господи! не постави имъ грѣха сего!*.. О, сколь блаженъ предъ Богомъ такой человѣкъ... Это—онякъ даръ Св. Духа... это живая вода, утоляющая жажду нашей души... И кто, братья, имѣетъ сей божественный даръ—любите его, берегите, благодарите Господа... У кого же нѣтъ..., други мои и братья о Христѣ, не кручиньтесь, не плачьте безъ надежды... Поднимите взоръ свой къ сіяющему небу... Окрылитесь вѣрой въ Господа... Вспомните какъ Онъ милосердный обогатилъ симъ божественнымъ даромъ въ день 50-й святыхъ Своихъ Апостоловъ, ниспославъ имъ Св. Духа? Вспомните какъ они, облагодатствованные симъ даромъ, пошли мужественно и съ великимъ терпѣніемъ о Господѣ совершать свое великое служеніе?.. *Даже донынѣ,—пишетъ въ своихъ посланіяхъ св. ап. Павелъ,—терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ; юняютъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, весьма попираемый до нынѣ... Но во всемъ являемъ себя, какъ служители Божиі, въ великомъ терпѣніи, въ бдѣствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятеляхъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изнаніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ постахъ, въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ благодати, въ Духъ Святомъ, въ нелицемѣрной любви, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ... Посему умоляю васъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу»* (1 Коринѣ. 4,—11—16; 2 Коринѣ. 6,—4—8). О, братья, братья! Станемъ же и себѣ просить и молить у милосерднаго Господа сего божественнаго дара... Господь многомилостивъ... Мы и пришли сюда, въ эту святую обитель, затѣмъ, чтобы просить Господа обогатить симъ божественнымъ даромъ и наши убогія души... Вѣрьте же, что мы и получимъ просимое благо душѣ нашей, ибо Онъ Самъ сказалъ: «*Просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ; ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ... Ибо, если вы, будучи злы, умѣете даяніа благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него»* (Матѣ. 7,—7—11)!..

Бываютъ у человѣка разные свѣтлые, Божіи порывы или релігіозный подъемъ духа: сходить, напримѣръ, поклониться какой-либо святынь, излить чувства предъ св. чудотворной иконой, предъ свя-

тыми мощами, отслужить молебень, излить предъ Господомъ возникшее сильное религиозное чувство... Все это—дары Св. Духа, которые изобильно изливаются вѣрующимъ... И дары Св. Духа неисчислимы... И кто имѣетъ ихъ—терпѣть-ли благодушно бѣдствія, переноситъ злословіе, помогаетъ ближнему, горячо молится, исполняетъ съ умилениемъ данный себѣ какой-либо обѣтъ—всякій такой человекъ имѣетъ въ сердцѣ своемъ радостное чувство,—о, какъ хорошо у него на душѣ!.. Съ Господомъ—онъ и въ бѣдности своей чувствуетъ себя богатымъ, и въ сырой, убогой каморкѣ—лучше нежели въ пышныхъ палатахъ, и за сухой коркой хлѣба—радостнѣе нежели за столомъ богача, и въ дырявой одеждѣ—краще нежели «въ порфирѣ и вѣссонѣ»...

Возоимъ же молитвенно, братіе и сестры, ко Господу, да обогатитъ Онъ насъ дарами Духа Святаго... *«Царю Небесный, утѣшителю, Душе истинны, иже везде съи, и вся исполняи, сокроуище блаихъ и жизни подателю, прииди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша!»*... О, Ты, дающій жизнь всему существующему; Ты одѣвающій свѣжею, изумрудною зеленью луга и украшающій ихъ пестрыми, душистыми цвѣтами, а безжизненныя съ виду вѣтви деревьевъ вырѣзанными, густыми листьями; Ты въ тотъ день, какъ ввередовъ для небаго дѣла Своихъ учениковъ, Ты вдохни новую жизнь и въ наши одряхлѣлыя существа!.. Смерть въ страхѣ дрожить, когда Ты приближаешься... Жизнь цвѣтеть и царствуетъ тамъ, куда Ты приходишь... Ты повѣи, повѣи на насъ дыханіемъ Духа Твоего, пробуди насъ, оживи, возстанови насъ!.. Взойди надъ нами, лучезарное Солнце!.. Ты стоишь! и стоишь неизмѣнно на небесной тверди... Но мы-то Тебя не видимъ... Мы какъ-то заслонились отъ Твоихъ животворныхъ лучей... Такъ помимо нашей грѣшной воли, разсѣи окружающій насъ мракъ, доберись до скрывающейся отъ Тебя души нашей и исцѣли ее больную, обогати ее убогую... И пусть подъ лучами Твоей благодати бѣжить изъ насъ все низкое, грѣшное, условное, человѣческое, какъ слабость вѣры въ Тебя, и послѣднія сомнѣнія, и страхъ человѣческій побѣжали изъ душъ учениковъ Твоихъ, когда спустился на нихъ Твой Божественный Духъ!.. Раскрой предъ умомъ нашимъ всю тицету земныхъ усилій и земныхъ стремленій... Открой предъ нами сладость святой, вѣчной, неизмѣнной Божественной жизни... Даи пережить нашей душѣ, несчастной и задыхающейся въ тенетахъ міра, ту радость возвращенія къ Отцу, какую пережилъ блудный сынъ, вновь возвратившійся подъ покровъ родного Отца и на лонѣ его упокоившійся; какую пережила грѣшница, слезами омочившая нозѣ Спасовѣ и власы своими отершая

и услышавшая: «прощаются грѣхи твои многіе, за то, что ты возлюбила много»: какую пережилъ раскаявшійся Захкей мытарь, и спасенный Апостоль Петръ, упавшій въ волнахъ морскихъ!.. Господи, Господи!.. Прими и наши молитвы, и наши слезы, и наше покаяніе.. И ради этого возвращенія нашего на путь Божьей жизни устрой намъ со всеѣмъ усердіемъ отцовской любви Твоей, такой же духовный миръ, какимъ угощаль отецъ блуднаго сына, вернувшася къ нему, погибавшаго, и нашедшагося...

Пусть тамъ, гдѣ царствовалъ въ насъ грѣхъ, прензобилуетъ благодать, пусть добродѣтели сіяютъ, цвѣтутъ и благоухаютъ тамъ, гдѣ сидѣли смрадные пороки...

«Господи! Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоламъ Твоимъ испославый, Того, Благий, не отними и отъ насъ но обнови насъ молящихся!»!...

Ревнитель-Паломникъ.

Продолженіе будетъ).

ИНОПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

ПАСТЫРЬ-МУЧЕНИКЪ.

(Изъ воспоминаній о семинарской жизни).

Наступилъ злосчастный 1905 годъ. Губительная волна „еврейской революція“ своими бунтами и безобразными забастовками нарушила до этого мирную жизнь нашей алмае matris. Броженіе умовъ, быстро отзывающихся на все новое, невиданное юношей-семинаристомъ, необычайное! Красивыя слова: „я сочувствую общему русскому движенію“, а я „не сочувствую“ — слышатся и въ корридорѣ, и въ классѣ, и въ спальнѣ... Споры, ссоры, крики шумной толпы семинаристовъ говорятъ, что можетъ что-то совершиться!

Въ скромномъ уголкѣ обширнаго класса, предъ расположенными на партѣ въ большомъ количествѣ книгами и тетрадями сидитъ юноша, одетый въ монашескій подрясникъ...

На челѣ его глубокая дума... Среди встущейся толпы ожидающихъ и мечтающихъ чего-то и мечтающихъ о томъ, что-то юношей невольно приглядывается къ себѣ образъ сидящаго „себя“ отъ другихъ этого юноши...

Кто же это, мирно сидящій за партой и чуждый всего вокруг него совершающагося? Это Максимъ Сандовичъ, выходецъ изъ Галичины, теперь готовящійся подъ кровомъ Волынской духовной семинаріи къ пастырскому служенію своему родному галичскому народу...

Чѣмъ же живетъ его душа въ трудныя настоящія минуты семинарской жизни, и что за думы печалитъ чело его?.. Мысленно Сандовичъ тамъ, далеко, въ родной Галичинѣ!.. Думаетъ онъ о своемъ родномъ народѣ, въ страданіяхъ и неописуемыхъ лишеніяхъ свой жизненный тернистый путь совершающемъ. До его слуха доходитъ звонъ цѣпей невинныхъ узниковъ, страдающихъ за вѣру и правду сильныхъ духомъ галичанъ; стоны, вопли, страстотерпцевъ-галичанъ мнутъ его отзывчивую душу, пронзаютъ его любящее сердце, заставляютъ его страдальчески воскликнуть: „Зачѣмъ мнутъ сыны родной отчины“!..

Не могъ о. Максимъ безъ боли сердечной смотрѣть, какъ его товарищи, увлекшись безмысленнымъ „гарканіемъ“ еврейской толпы, забыли о своемъ призваніи „не за другими къ гибели идти, а за собою къ спасенію вести другихъ и ко Христу приводить, а не самому отъ Христа уходить“, какъ любилъ выражаться о. Максимъ. Не одинъ разъ говорилъ о. Максимъ: „если бы хотя одному изъ васъ, обращаюсь къ вамъ, попасть въ руки галичскихъ евреевъ да пановъ, то, вѣроятно, вы никогда не пошли бы на удочку русскихъ евреевъ и Господа благодарили бы за то, что живете не подъ тираніемъ австрійскаго цезаря, а подъ крѣпкой и справедливой властью русскаго Самодержавнаго Царя“.

На пастырство смотрѣлъ о. Максимъ, какъ на непрерывное шествіе крестнымъ путемъ, осыпаннымъ благоухающими розами, но колючимъ терніемъ и оканчивающееся, по его искреннему убѣжденію, мученичествомъ—это былъ идеаль о. Максима, къ которому онъ и стремился съ школьной скамьи и который осуществилъ въ своей многострадальной пастырской жизни и въ своей мученической кончинѣ. Хотя скорбную вѣсть принесть телеграфъ изъ Львова, сообщившій, что о. Максимъ казнень австрійцами, но мы знаемъ за что казнень—за вѣру православную, за любовь къ отчинѣ своей, за правду, попранную нечестіемъ рода развращеннаго, и этимъ утѣшаемся! Свѣтлый образъ о. Максима, какъ великаго борца за святое, вѣчно живущее православіе, да хранится въ нашей памяти и дѣло, совершенное имъ, и кончина его да найдетъ себѣ мѣсто и въ нашемъ пастырскомъ дѣланіи. Товарищи и сопастыри почившаго да помолятся: „Упокой, Господи, душу священно-мученика Максима“! („Волынскія Епархіальныя Вѣдомости.“).

Свящ. Сергій Малевичъ.

О запасныхъ священникахъ въ Тульской епархіи.

Въ Тульской Епархіи на Епархіальномъ Сѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о запасныхъ священникахъ. Былъ заслушанъ докладъ одного изъ депутатовъ слѣдующаго содержания:

«Какъ свидѣтельствуютъ обстоятельства настоящаго времени и условія жизни нашего духовенства, вопросъ о запасныхъ священникахъ не угасаетъ и невозможно съ спокойною совѣстію предать его могильному забвенію. Число просителей и спросъ на священниковъ замѣтителей не только увеличивается, но и нѣтъ уже возможности другимъ способомъ удовлетворить названную потребность. Между тѣмъ, какъ самый долгъ и любви и состраданія къ нашимъ собратьямъ побуждаетъ еще разъ обратитъ благосклонное вниманіе Епархіальнаго Сѣзда на сей вопросъ. Могу присовокупить, что со времени появленія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ статьи «о болѣзни священника», вопросъ этотъ неоднократно поднимался на Епархіальныхъ Сѣздахъ и обсуждался, даже признанъ былъ уже по существу желательнымъ къ осуществленію; вслѣдствіе чего на послѣдующемъ Сѣздѣ составлялся проектъ учрежденія запасныхъ священниковъ и ихъ содержанія, но не былъ утвержденъ вслѣдствіе особаго мнѣнія Духовной Консисторіи, въ которомъ предлагалось нуждающимся заболѣвшимъ священникамъ пользоваться услугами о.о. іеромонаховъ. Однако, время и опытъ показали, что іеромонаховъ въ Тульской Епархіи не только недостаточно, но и взаимно обременительно пользованіе ими какъ для самихъ іеромонаховъ, такъ и для нуждающихся въ ихъ помощи больныхъ священниковъ. Чтобы не утруждать Сѣздъ изложеніемъ болѣе подробной детальной разработки этого вопроса, позволю себѣ въ общихъ чертахъ воспроизвести предлагавшійся и обсуждаемый на Сѣздахъ проектъ назначенія и содержанія запасныхъ священниковъ, а именно: на каждый Сѣздъ назначается одинъ запасный священникъ изъ болѣе достойныхъ диаконовъ, въ обезпеченіи своемъ они пользуются диакономскою частію на штатномъ мѣстѣ своего служенія, когда же будутъ вызываемы для служенія за болѣлого приходскаго священника, то имъ предоставляется одна треть кружечныхъ доходовъ заболѣвшаго священника и отъ церкви по 1 рублю за каждую праздничную службу, при чемъ въ пользу заместителя—священника на мѣстѣ его штата остается полностью доходъ отъ земли и другихъ оборотныхъ статей».

Послѣ всесторонняго обсужденія предложенія о запасныхъ священникахъ о.о. депутаты постановили означенное предложеніе принять и ходатайствовать предъ Епархіальнымъ Начальствомъ о

введеніи его въ жизнь на слѣдующихъ основаніяхъ: для приходоу, нуждающихся въ священникѣ за болѣзнію или смертію священника, Его Высокопреосвященствомъ возводится въ санъ священника одинъ изъ діаконовъ уѣзда съ оставленіемъ его на мѣстѣ прихода на діаконоской части дохода по землѣ и оброчнымъ статьямъ при всѣхъ условіяхъ, а изъ кружечныхъ доходовъ на постоянномъ мѣстѣ служенія полною частію при отсутствіи командировки; во время же командировки половиною частію кружечныхъ доходовъ діаконоскихъ и за исправленіе должности священника даннаго прихода половиною частію кружечныхъ священническихъ доходовъ и по 1 рублю отъ церкви за праздничныя службы. (Тулск. Еп. Вѣд.).

О близости къ народу.

Въ «Астрах. Епарх. Вѣд.» помѣщена бесѣда на эту тему мѣстнаго епископа Филарета съ духовенствомъ, во время его пребыванія въ г. Черномъ Ярѣ. «Надо быть ближе къ народу,—говоритъ Владыка,—надо больше имѣть со своими пасомыми духовнаго общенія. Пастыри замкнулись отъ своей паствы въ своихъ уютныхъ кабинетахъ и гостиныхъ и не знаютъ своего стада, а стадо духовное не знаетъ своихъ пастырей. Идутъ другъ къ другу, толкаемые только нуждою или необходимостью, а сердечнаго, простаго, духовнаго общенія нѣтъ. Пастырь съ опаской смотритъ на мужика, мужикъ стѣсняется пастыря. Надо запросто посѣщать крестьянъ, заходить въ ихъ дома, и, начавъ бесѣду общежитейскаго характера, незамѣтно перейти къ запросамъ духовной жизни, развернуть Новый Заветъ, прочесть главу, другую съ поясненіемъ. Душа прихожанина быстро раскроется навстрѣчу свѣту евангельскому, и вы скоро увидите, чѣмъ живутъ, что мыслятъ, о чѣмъ недоумѣваютъ ваши прихожане. Откроется широкое поле цвѣсообразной работы. Надо приучить крестьянъ смѣло заходить къ своему отцу духовному. Надо сознаться, что нынѣ рѣдко гдѣ мужику удастся побывать у батюшки въ столовой или кабинетѣ, дальше прихожей или кухни имъ обыкновенно нѣтъ ходу. Столовая и гостиная убраны батюшкой только для «интеллигенціи». Осмѣльтеся переменить этотъ порядокъ, принимайте мужиковъ наравнѣ со всѣми, кого вы принимаете, и вы скоро увидите, что ваша пастырская дѣятельность приобретаетъ имъ этимъ больше вліянія, больше сочувствія. Ничего, что мужикъ запачкаетъ полъ въ гостиной, ничего, что онъ отниметъ время—все это возпатрадится сторицею. Прихожане будутъ откровенны въ такихъ домашнихъ бесѣдахъ, расскажутъ о своихъ немощахъ, изложатъ недо-

умѣнія, дадутъ вопросы. Печего бояться въ этомъ случаѣ своей малоопытности или незнанія. Мы не можемъ быть всезнающими. Что знаешь, — разскажи, разъясни, а чего не знаешь, такъ и заявляй, что не знаешь, но общей разузнать при первомъ случаѣ. Авторитетъ отъ этого не упадетъ, а довѣріе къ пастырямъ даже возрастетъ. У него явится насущная необходимость разрѣшенія вопроса, явится интересная работа, которая будетъ жива тѣмъ, что она цѣлесообразна. Отвѣчая на заданные вопросы, мы будемъ давать именно тотъ духовный хлѣбъ, въ которомъ нуждаются наши духовныя дѣти».

Указанная въ приведенныхъ словахъ задача сближенія съ народомъ теперь, видимо, выступаетъ съ особенной силой въ сознаніи духовенства. Въ „Пенз. Епар. Вѣд.“ изображается, насколько были близки отношенія между духовенствомъ и народомъ въ прошлое, хотя еще очень недавнее, время и на чемъ основывалась такая близость. Главнымъ источникомъ существованія для духовенства было нѣкогда не жалованье, котораго не давали, и не скудные доходы, а обработка земли, что и у крестьянъ. Радости и горести, въ зависимости отъ погоды и урожая, были общія у священника и крестьянина, общія были и заботы. Все это сближало ихъ взаимно, было о чемъ поговорить и посоветоваться. Въ домъ священника крестьянинъ смѣло шелъ за всякимъ совѣтомъ. Тутъ онъ, случается, и книжку получить; тогда единственная школа въ приходѣ ютилась въ домъ священника. Въ церковной сторожкѣ бывали настоящіе деревенскія собранья: дѣлятся новостями, разсказываютъ о разныхъ происшествіяхъ, ищутъ себѣ кто работника, кто печника. Тутъ же сторожъ и дьячекъ пишутъ, кому нужно, письма. У священника, послѣ обѣдни, около самовара, было подобное же собраніе; но здѣсь всѣмъ не помѣстится, здѣсь больше настоящій сельскій хозяинъ и разговоръ серьезный дѣловой. Такія картины приходской жизни еще свѣжи въ памяти старыхъ священниковъ, такъ какъ ихъ можно было наблюдать не далѣе, какъ во второй половинѣ минувшаго столѣтія.

Были прежнія экономическія условія быта духовенства, совсѣмъ измѣнились, и измѣнились, въ сожалѣнію, такъ, что содѣйствуютъ скорѣе разбѣденію, чѣмъ сближенію духовенства съ народомъ. Къ счастью, и у нынѣшняго духовенства есть средство, которое дѣластъ его органически неразрывнымъ съ народомъ: это — единство міровоззрѣнія, основаннаго всецѣло на православной вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о сближеніи съ народомъ и о скрѣпленіи этой близости является для духовенства однимъ изъ весьма существенныхъ вопросовъ на-

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Народные или приходскіе дома.

Въ настоящее время, когда святая начала трезвости, по слову Монарха, властно вошли въ жизнь родной земли нашей, стали какъ бы краеугольнымъ камнемъ въ достиженіи не только матеріальнаго, но и нравственнаго преуспѣванія народа, много говорятъ и пишутъ объ укрѣпленіи народной трезвости путемъ устройства разумныхъ развлеченій для обывателя деревни. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ назрѣваетъ, какъ и чѣмъ заполнить досугъ русскаго мужичка, такъ привыкшаго свободное или праздничное время проводить въ компаніи сосѣдей и друзей за бутылкой «зеленаго змія»?

И вотъ, разнаго рода просвѣтительныя организаціи и общественныя учрежденія рѣшительно высказываются за устройство сельскихъ «народныхъ домовъ», которые не только служили бы цѣлямъ развлеченія, но и являлись бы умственнымъ центромъ деревни. Конечно, учрежденіе подобнаго рода маяковъ просвѣщенія деревни, какъ народные дома, можно бы только привѣтствовать; но насколько такіе народные дома, преслѣдующіе собственно цѣли разумныхъ развлеченій, соотвѣтствуютъ укладу деревенской жизни,—поволительно сомнѣваться.

Нѣкоторымъ фактическимъ матеріаломъ по данному вопросу или скорѣе наглядной иллюстраціей къ нему можетъ служить та незавидная роль народныхъ домовъ, какъ грибы выросшихъ почти во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашего обширнаго отечества, въ важномъ вопросѣ отрезвленія народа или хотя бы отвлеченія его отъ пагубной привычки винопитія.

Разумѣется, причинъ такого грустнаго явленія не мало, но одной изъ главныхъ, существенныхъ нельзя не признать отсутствіе между учрежденіями трезвости и тѣмъ, для кого они учреждены, взаимно крѣпко связующаго и объединяющаго начала—религіозно-нравственнаго характера, такъ присущаго и отвѣчающаго духовному облику русскаго человѣка.

Всѣ проявленія русской народной жизни озарены и согрѣты лучами св. Православія; и народные дома, преслѣдующіе цѣли только «разумныхъ развлеченій», врядъ ли могутъ расчитывать на глубокое вліяніе на жизнь деревни и дѣйствительно заполнить досугъ деревни въ симпатичномъ стремленіи—закрѣпить начала трезвости,

Игнорируя духовные запросы народа, его трогательную преданность вѣлѣніямъ Церкви, народные сельскіе дома могутъ оказаться только мѣстами развлеченій. Дѣйствительнымъ укрѣпленіемъ началъ трезвости могли бы служить учрежденія, главнымъ образомъ преслѣдующія цѣли религіозно-правственнаго характера, но не отрицающія и необходимыхъ для народа разнаго рода разумныхъ развлеченій. Такими учрежденіями въ деревнѣ могутъ быть только «приходскіе дома». Созданіе ихъ является необходимымъ. Здѣсь, въ приходскомъ домѣ, подъ покровомъ церкви, только и можетъ найти отдохновеніе душа деревенскаго обывателя: онъ насытится въ приходскомъ домѣ именно духовной пищей въ религіозно-правственныхъ бесѣдахъ, духовныхъ пѣснопѣніяхъ, получить и дѣйствительно разумныя развлеченія, отвѣчающія его міровоззрѣнію—всему укладу простой крестьянской жизни.

Можно съ увѣренностію сказать, что приходской домъ будетъ служить средоточіемъ приходской жизни деревни, существеннымъ придаткомъ къ приходскому храму: въ храмъ инициатива,—въ приходскомъ домѣ—разработка и исполненіе; приходской домъ есть и средоточіе вѣсѣхъ религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій прихода, но и его дѣятельность просвѣтительнаго характера, а также доставленія разумныхъ развлеченій для народа-прихожанъ, идетъ и развивается въ соответствии съ церковной жизнью приходского храма. И думается, тогда досугъ деревни будетъ заполненъ, свѣтлыя начала трезвости прочно закрѣпятся въ воспитаніи деревни въ духъ святѣйшихъ истинъ Православія, Самодержавія и любви къ родинѣ.

Конечно, для созданія приходскихъ домовъ необходимы немалыя средства и преданныя дѣлу люди. Но въ римъ и надѣемся, что для святого дѣла найдутся средоточія и найдутся жаждающіе подвиговъ идейные работники, которые поведутъ народъ русский свѣтлымъ путемъ его вѣка и сложившагося историческаго призванія.

Составитель: *Священникъ Сергій Александровъ*.

Библиографическія замѣтки.

1. Библиографическое міровоззрѣніе и естественнаго (то новѣйшимъ данными космологіи, астрономіи, геологіи, ботаники, зоологіи, палеонтологіи и антропологіи). Изъ области естественнаго научно-астрологическаго. Составилъ Священникъ Стефанъ Тугольскій. Изданъ въ типографіи «Прогрессъ». 1914 г. Стр.: 14—108.

«И» долженъ откровенно сознаться, что первый разъ въ жизни встрѣчаю книжку, въ которой на протяженіи сотни страницъ можно было бы найти такое чрезвычайное обиліе выдержекъ изъ прочитанныхъ авторомъ ученыхъ сочиненій, журналовъ, популярныхъ брошюръ и т. д. Раскрываемъ на-обумъ стр. 48-ю. Здѣсь мы видимъ выдержку изъ ж. «Богословскій Вѣстникъ», окт. 1913 г., стр. 274; изъ книги Данилевскаго «Дарвинизмъ» т. I, ч. II, стр. 207; «Исторія земли» Неймайра, II, стр. 53, *ibid.* стр. 50—51, 43, 59, 137, 153, 163, 196, 203; «Настоящее и прошлое земли» Агафонова, «Популярная геологія», стр. 324; «Жизнь животныхъ» Брема, III, стр. 827; *ibid.* стр. 471, 475. Есть страницы (напр. 51), сплошь состоящія изъ выдержекъ и не содержащія буквально ни одного слова отъ автора. Несомнѣнно, авторъ много читалъ, добросовѣстно проштудировалъ матеріалъ по интересующему его вопросу и привелъ этого матеріала въ своей небольшой книжкѣ такое огромное количество, что его самого съ трудомъ лишь отыщешь въ густомъ лѣсу чужихъ мнѣній, выводовъ, наблюденій, предположеній, гипотезъ и т. п. Трудолюбіе автора дѣлаетъ ему честь. Далекое не часто можно встрѣтить священника, который бы настолько интересовался наукой, отдавалъ бы столько времени и труда. Мнѣ поэтому очень грустно, что я не могу о книжкѣ свящ. Тутевича дать отзыва, какого онъ заслуживалъ бы за свое выдающееся, исключительное трудолюбіе.

Во-первыхъ, какъ я уже только что замѣтилъ, самого автора не видно за густымъ лѣсомъ чужихъ мыслей и словъ. Во-вторыхъ, кому нужны эти собранныя авторомъ чужія мнѣнія, отзывы и т. д.? Специалисту они извѣстны изъ первоисточниковъ, а не-специалистъ, просто образованный человекъ въ книжкѣ о. Тутевича на каждомъ шагѣ встрѣтитъ непонятные для себя термины, необоснованныя утверждения, туманныя фразы и рассужденія и т. д. Что скажутъ читателю не-специалисту такіе, напр., термины, какъ «гастрей», «гаотрута», «предвареніе весенняго равноденствія» и т. п., приводимые авторомъ или совершенно, или почти безъ объясненій? Что вынесетъ этотъ читатель не-специалистъ изъ того объясненія, какое дастъ авторъ выраженію «предвареніе весенняго равноденствія»? Вотъ это объясненіе: «При своихъ вѣковыхъ колебаніяхъ ось земная однимъ концомъ (какимъ?) описывала конусъ, обращенный основаніемъ то вверхъ, то внизъ, т. е., то на сѣверъ, то на югъ, а другой конецъ былъ обращенъ къ точкѣ въ вершинѣ конуса» (стр. 4). Относительно себя лично долженъ сознаться, что, не имѣя раньше представленія о «предвареніи весенняго равноденствія», приведенное

авторомъ объясненіе не могло бы мнѣ дать ровно ничего. Собственные выводы, какіе иногда дѣлаетъ авторъ, оригинальны, но не всегда несомнѣнно истинны. Такъ, говоря о томъ, что такое день творенія, авторъ пишетъ: «По причинѣ отсутствія солнца до 4-го творческаго «дня» подъ «днемъ» можно разумѣть какой угодно промежутокъ времени. Вслѣдствіе вѣковыхъ колебаній оси суточного движенія земли, извѣстнаго подъ именемъ «предваренія весенняго равноденствія», сдѣляющихся по вычисленію однихъ ученыхъ (Фламарионъ) черезъ 25765 лѣтъ, а по другимъ—черезъ 10500 лѣтъ, то на сѣверномъ, то на южномъ полушаріяхъ черезъ соответствующіе періоды времени наступали эпохи ледниковъ. Подъ очередными сдѣланными этими періодами, сопровождавшимися наступленіемъ „утра“ и „вечера“ на полярныхъ полушаріяхъ, и можно разумѣть творческіе дни» (стр. 3—4, 95—96). (Курсивъ нашъ). Здѣсь, думается намъ, несомнѣнная натяжка ¹⁾). Изложеніе собственныхъ разсужденій автора далеко не безукоризненно даже въ грамматическомъ отношеніи. Извольте, напр., разобраться въ слѣдующихъ фразахъ: «Съ дальнѣйшимъ охлажденіемъ и уплотненіемъ земной коры выдвигавшіеся изъ нѣдръ всемірнаго океана силою внутренняго напора вздутія и возвышенности на поверхности земной коры начали мало по малу образовываться болѣе обширныя участки суши, будущіе матеріки» (стр. 9). Возможно, впрочемъ, что тутъ безграмотность объясняется какими-то опечатками, но какими именно, трудно догадаться. Кстати объ опечаткахъ. Въ концѣ книги указано замѣчныхъ опечатокъ, исключая знаки препинанія, болѣе ста пятидесяти. На самомъ дѣлѣ ихъ гораздо больше. Въ экземплярѣ книги, какой у меня подъ руками, опечатки исправлены въ текстѣ красными чернилами, вѣроятно, рукою автора, и листы книги пестрятъ отъ этихъ исправленій; получаешь впечатлѣніе, что имѣешь дѣло съ корректурными листами, которые еще пойдутъ въ наборнику для исправленія. Типографія, въ которой печаталась книжка о. Тугевича, называетъ себя «Прогрессъ». И кажется, это не напрасно. Дѣло вотъ въ чемъ. Нѣкій художникъ принесъ однажды на выставку нарисованнаго имъ льва. Публика, останавливаясь предъ картиной, почему-то дряхла льва за собаку и многіе говорили: «какой страшный собака!». Художникъ тогда подъ картиной сдѣлалъ надпись: «се

¹⁾ При томъ же авторъ упускаетъ изъ виду, что объ говоритъ о дняхъ творенія до четвертаго дня, когда солнца еще не было и когда поэтому не могло быть того явленія, которое называется «предвареніемъ весенняго равноденствія».

левъ, а не собака». Хорошо, что типографія заранѣе сдѣлала надпись, что она называется «Прогрессъ», а то чего-добраго, кто-нибудь, судя по массѣ опечатокъ, могъ бы вывести иное, вовсе не лестное для типографіи заключеніе.

Прот. Н. Липскій.

II.

Ф. Броуэръ. Сомнѣнія старыхъ и юныхъ.

(Бесѣда доктора, профессора и студента).

Перев. Ф. А. Гильберта, подъ ред. Александра Введенскаго, скт изд. Суворина. Ц. 1 р. 75 к.

Понять душу вопрошающаго и учимаго, опуститься, „смириться“, „уничтожиться“ самому учащему до учимаго и постепенно, послѣдовательно, жизненно-логически подниматься съ нимъ по ступенямъ познавательной пиалы—это громадная задача для педагоговъ всѣхъ областей жизни. Однимъ изъ способовъ или видовъ ея выполненія уже издавна, со временъ глубокаго знатока человѣческой души, впервые выявившаго ея самобытную природу, Сократа, служить такъ называемая діалогическая форма раскрытія извѣстной истины.

Но какъ ни яснымъ кажется этотъ способъ изъясненія неизвѣстнаго, однако онъ требуетъ большого умѣнья и психологической проницательности, чтобы своею излишнею искусственностью не вызвать подозрѣнія и отвращенія въ собесѣдникѣ.]

Лежащая передъ нами книга американскаго или англійскаго писателя представляетъ довольно удачный опытъ подобнаго раскрытія религіозно-философскихъ истинъ,—но необходимо оговориться,—для кого? Для людей еще элементарно мыслящихъ въ этомъ направленіи? Впрочемъ, не всѣ отдѣлы въ ней одинаковы по глубинѣ мысли. И такъ дѣло поясненія затрудняется не по методу педагогическому, а по авторскимъ дефектамъ. Естественно было ожидать, что первая глава—о свободѣ воли, будетъ слабой, какъ выраженіе еще начинающей работать юношеской мысли гимназиста послѣдняго класса. Но совсѣмъ неожиданной и досадной является на половинѣ книги (стр. 130—144) очень легковѣсная критика кантіанства. Авторъ какъ будто не понимаетъ существующихъ въ природѣ человѣческой антиномій и до странности издѣвается надъ Кантовскимъ раздѣленіемъ „теоретическаго“ разума отъ „практическаго“. Благодаря этому и Кантовское „сокрушеніе“ доказательствъ бытія Божія кажется автору въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ.

тей, особенно для дѣтей крестьянскихъ семействъ, уходъ за которыми, мало удовлетворительный, всегда, теперь,—когда на женъ нашихъ вонновъ легла необходимость самимъ, главнымъ образомъ, нести всю тяжесть полевыхъ работъ,—окажется и вовсе недостаточнымъ. Устройство яслей—вещь сравнительно новая у насъ, сознание благотворности которой въ простомъ народѣ не вполне еще упрочилось. Необходимо, слѣдовательно, принимать извѣстныя мѣры къ такому упроченію. Въ этомъ смыслѣ и можетъ принести свою пользу брошюра г. Селивановскаго, распространеніе которой въ простомъ народѣ было бы весьма полезно. Но нужно сказать, что заголовокъ, поставленный авторомъ, не вполне точенъ. Брошюра г. Селивановскаго трактуетъ скорѣе о томъ, что такое ясли—пріюты уже организованные, каково ихъ значеніе, чѣмъ сообщаетъ руководственные указанія касательно самой организаціи яслей. Въ последнемъ случаѣ непосредственную пользу могутъ принести только отдѣлы X и XII. Лица, которыя захотѣли бы взять на себя устройство яслей, не имѣя въ этомъ никакого опыта и соответственныхъ примѣровъ, не найдутъ, къ сожалѣнію, въ настоящей брошюрѣ указаній, какъ здѣсь нужно поступить на первыхъ же порахъ, къ кому обратиться за разрѣшеніемъ и т. п. А тѣ свѣдѣнія, какія авторъ даетъ относительно порядка нормальной жизни яслей—пріютовъ, естественно подсказываются самой практикой съ первыхъ же шаговъ. При всемъ томъ свѣдѣнія эти представляютъ, все же, извѣстную цѣнность: то, что практически вырабатывается и познается постепенно, здѣсь собрано уже на основаніи опыта и предложено читателю. Въ общемъ — брошюру г. Селивановскаго не безполезно прочесть каждому, такъ или иначе соприкасающемуся съ дѣломъ устройства яслей—пріютовъ для дѣтей или желающему взять на себя выполнение этой свѣтлой задачи хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ. Далеко не лишнимъ было бы имѣть ее подъ рукою и сельскому духовенству, приобретаая ее въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ для раздачи народу, съ цѣлью укрѣпленія въ немъ сочувственнаго отношенія къ дѣлу разумной помощи его же дѣтямъ и созданія его активного участія въ этомъ дѣлѣ.

И. П.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ

— ДУШЕПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ —

С. Ариневскій

— въ гор. Ставрополѣ - Кавказскомъ. —

КАТАЛОГЪ ДУШЕПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

АДРЕСЪ: Гор. Ставрополь-Кавказскій, книгопродавцу душеполезныхъ книгъ
С. АРИНЕВСКОМУ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

**„СБОРНИКЪ ДУШЕПОЛЕЗНЫХЪ
БРОШЮРЪ С. Ариневскаго“.**

Названіе брошюръ находящихся въ сборникѣ:

1) Слова Священнаго Писанія, относящіяся къ пастырямъ и всѣмъ христіанамъ; 2) Молящимся за другихъ: о тѣлесномъ и душевномъ здоровіи, о душевномъ спасеніи, о тѣлесномъ исцѣленіи и о душевномъ упокоеніи; 3) Ищущимъ истиннаго пути душевнаго спасенія; 4) О языкѣ (изъ Священнаго Писанія); 5) Можно-ли заботиться о завтрашнемъ днѣ? и 6) О терпѣнн.

Цѣна сборника безъ приложенія 20 коп., съ приложеніемъ 35 коп.
— Адресъ: Гор. Ставрополь-Кавказскій книгопродавцу душеполезныхъ книгъ С. Ариневскому. —

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

„Православно-христіанское ученіе

объ истинной вѣрѣ и жизни“,

Прот. Д. Попова;

для преподаванія Катихизиса въ гимназіяхъ, Высшихъ Начальныхъ училищахъ, Торговыхъ школахъ, и пр. Книга редактирована Его Высокопреосвященствомъ, докторомъ богословія, Архіепископомъ Харьковскимъ Антоніемъ.

Настоящее руководство является **первымъ**, написаннымъ по программѣ Торговыхъ школъ, Высшихъ начальныхъ училищъ и пр.

Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Продается у автора, Харьковъ, Почтов. пер., 3.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственнае развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владычѣ Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Бертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“. В. Ковалевскаго.— „Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Жизнь, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статьи объ антихристѣ. Проф. А. Д. Гѣльвега.— „Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богослованіе“. Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткія вычерты основныя начала философіи“. Проф. П. И. Ляницкаго.— „Законы причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шелтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— „Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законы жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фудье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ, за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

=====
Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою настоящей книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статьи и страницъ.
=====

Обязанія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 20 к., за два раза 40 к., за три раза 60 коп.